

Егидес Аркадий Петрович

Как разбираться в людях, или Психологический рисунок личности

ВВЕДЕНИЕ

Все мы хотим уметь разбираться в людях. Но, чтобы уяснить себе, что это значит, постараемся понять, как разбираться, предположим, в автомобилях. Автомобилист знает, что грузовик менее поворотлив, чем легковушка, но может взять больше груза; что «шестерка» мгновенно набирает скорость, а вот «Москвич-2141» тяжеловат на подъем; что в девятой вазовской модели задний ход включается перемещением рычага передачи вперед, а в шестой — назад.

Итак, **разбираться в предметах — это знать, как ими управлять и чего от них ждать.** А значит, надо уметь по каким-то явным, или более скрытым признакам видеть предмет в его своеобразии. В мире автомобилей это, может быть, не так сложно, а вот отличить гадюку от ужа уже сложнее. Но нужно. Так и с людьми.

Конечно, это рассуждение, как и всякая аналогия, — не полная истина, но оно дает ключ к пониманию. У моей жены — волосы длинные и развеваются на ветру вместе с шарфиком от Ренуара, а у жены моего приятеля стрижка почти под ноль, но она умудряется волосы еще и завить. И в то же время ясно, что и моя жена, и его жена — истероидки, в отличие от жены третьего нашего друга, которая носит волосы средней длины и причесывается на косой пробор, пользуясь заколками-невидимками. Она не истероидка, она эпилептоидка. Это ясно мне и коллегам даже без психологического «микроскопа», к коему можно приравнять батареи тестов. Но если и вы хотите вот так же — по прическе, пуговицам, остротам, жестам и другим мелочам — научиться видеть личность, как палеонтолог по одной кости восстанавливает облик древнего животного, **прочтите эту книгу.**

В 1991 году в соавторстве с Н. Ш. Сугробовой в период нашего сотрудничества по клубу культуры общения «Маленький принц» я издал небольшую книжку под названием «Как научиться разбираться в людях?» (Издательство «Караван», Алма-Ата). Ее тираж разошелся быстро, но еще и сейчас в метро я иногда вижу людей, вчитывающихся в эту брошюру, на обложке которой милый наивный нелепый «питекантроп» (или лучше, как сказала одна моя студентка, «пикантроп») сжимает в каждой руке по человечку. Он пытается разобраться в них, а другие человечки, в которых он уже «разобрался», шлепнувшись на землю, бегут от него сломя голову... Этот рисунок художника В. Любича, слегка видоизменив, я использовал в композиции на обложке моей книги «Лабиринты общения», выпущенной издательским домом «Филинь» в 1999 и 2000 году. «Пикантроп» не вписался в обложку книги, которую вы держите в руках, и в обложку нового издания «Лабиринтов общения» («АСТ-ПРЕСС», 2002)... Но он уже настолько свой, что стал заставкой во введении и там, и там. Обе книги — сообщающиеся сосуды. И, понятно, я советую читать и «Лабиринты общения». Так что спрашивайте «в аптеках города!».

Я не ставлю сейчас фамилию Сугробовой рядом со своей не только потому, что создал эту книгу без ее участия, но и потому, что замысел первой книжки был полностью моим, а она, будучи тогда моей прилежной последовательницей, взялась за труд подготовить причесанный текст по моим разработкам. Теперь у Сугробовой **совершенно самостоятельный путь** и новое имя — Айша. Ну, а я написал **совершенно новую книгу.**

Немного о том, как ее читать. Для полного эффекта книгу имеет смысл воспринять целиком, то есть прочитать всю, и не один раз. Лучше сперва прочесть ее **от начала до конца** насквозь, как беллетристику. Не вдавайтесь в подробности и не делайте выписок. А если что-то не будет сразу понято (термин или утверждение), не застревайте на этом: дальше где-нибудь все разъяснится. При повторном чтении сами собой установятся нужные связи, прояснятся туманности. А дальше уже можно разбираться выборочно, по главам, и от начала к концу, и от конца к началу, а потом по тем или иным мелким разделам. На этом этапе имеет смысл искать параллели, сравнивать, выписывать. И вы начнете многое видеть в людях сами, сможете увиденное и понятое учитывать в своих с ними отношениях, будете **правильнее и успешнее взаимодействовать с окружающими.**

Чтобы было веселее, я писал эту книгу как бог на душу положит: в ней система выдержана не строго. Все равно тщетны попытки что-то слишком строго систематизировать. Обратили внимание? Один автор предлагает в своей книге **свою строгую** систему изложения, а другой **свою строгую** систему. Сличаешь, а системы-то разные... Так что, может быть, лучше и вовсе не тшиться, а стараться, чтобы было просто интересно и понятно. Ну, по крайней мере, я решил сделать именно так.

К тому же я вынужден пользоваться принципом «скорее да» и «скорее нет». Будем допускать некоторые преувеличения и обязательно что-то недоговорим. И все же в конце концов психотип будет вырисован достаточно определенно, потому что есть много подробностей, которые видны на глаз, — если это глаз знающего человека, умеющего пристально высматривать.

Я буду постепенно наращивать информацию. А то, что может стать особенно важным для умения разбираться в людях, специально повторю в разных местах (неоднократно). Будут перекидываться «мостики» между психотипами, чтобы понять, чем они похожи и чем разнятся. Говоря, например, об эпилептоиде, мы **вернемся** для сравнения к паранойяльному и **забежим вперед** — сопоставим с истероидом. Читатель, скорее всего, знаком с четырьмя темпераментами (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик). Но характеристика личности не исчерпывается особенностями темперамента. Мы пользуемся, как вы обратили внимание, другим, более емким понятием: «психотип».

Немного истории. Профессор П. Б. Ганнушкин (прообраз ильфо-петровского профессора Титанушкина, который «симулянтов не любил») разработал вопрос о **психопатиях**. Так что все началось с психиатрии. Если **черта характера** зашкаливает так, что **мешает жить и тебе, и другим**, — это **психопатия**. Но впоследствии психиатры заметили, что **черта характера может быть не так ярко выражена, как при психопатии**, она больше **мешает жить самому человеку, чем окружающим, но все же бросается в глаза, расценивается людьми как особенность или даже как странность**. Это как бы «недопсихопатия». Такие случаи стали называть акцентуациями. Понятно: акцент на какой-то особенности характера. Известна книга Леонгарда об акцентуациях. Подростковые акцентуации исследовал ленинградский психотерапевт профессор А. Е. Личко. Но вставал вопрос о личностном **разнообразии в пределах нормы**. И вот московский психотерапевт профессор М. Е. Бурно в своих работах и лекциях стал говорить о **рисунке личности**. Здесь черта характера видна только тогда, когда ее как-то разыскивают. И совокупность всех увиденных черт складывается в рисунок личности. В учебниках по психологии до сих пор писали, что классификация личностей — дело практически немислимое. Но обращение к понятию «рисунок личности» в духе Бурно помогает решить вопрос о классификации личностей в норме. Не могу сказать, что такой подход единственно правильный, но в то же время он мне кажется на сегодня самым продуктивным.

Стало возможным говорить уже не только о **психопатах и акцентуантах, но и о психотипах в целом**. Психотип объединяет в себе **рисунок личности, акцентуацию и психопатию**. Такое разграничение неточно, приблизительно, нет четких границ. И все же если какой-то человек готов наступить «на горло собственной песне», чтобы достичь своей заветной цели и стать лидером в городе или стране или знаменитостью на подмостках, то мы скажем, что это паранойяльный **рисунок личности**. А если некто наступает на горло своим друзьям, детям, жене, заставляя их работать на то, чтобы он стал лидером, то это уже паранойяльная **акцентуация**. А когда кто-то уже идет по судьбам многих людей, превращая их в средство, в «тесто» свирепой истории, — тут явная **паранойяльная психопатия**. Но еще раз: все это очень приблизительно, и можно легко ошибиться. Грани подвижны. **Рисунок личности** — это **психотип в норме, психопат** — это **психопатический психотип. Акцентуация** — **посредине**.

Но, поскольку **все начиналось с психиатрии**, то и тогда, когда речь пойдет о норме, мы все-таки будем придерживаться **исторических названий** психотипов. Так что и эпилептоид, и шизоид могут быть и психопатами, и «рисунком личности» в норме.

С другой стороны, мы будем иметь в виду, что **психотипные** черты могут зашкаливать в акцентуацию и даже психопатию.

Некоторые психиатры и психологи, правда, считают, что даже и психопатия — это крайний вариант нормы. А другие психиатры приравнивают в некоторых случаях психопатии по значимости отклонений даже к психическим болезням. Но и тогда все же психопатия — это **не патологический процесс**, который ведет к деградации личности. То есть и в рамках психопатии черты личности могут рассматриваться как углубление **рисунка личности**, как результат воспитания и условий развития.

Подчеркнем, что **все психотипы мы обсуждаем** здесь в основном в рамках «рисунка личности», то есть **явной нормы**.

Итак, я не являюсь родоначальником излагаемой классификации. Ее предложили Ганнушкин, Леонгард, Личко и Бурно. В чем же мой вклад в эту классификацию? Я **рассказываю о каждом психотипе так**, чтобы человек, прочитавший эту книгу, самостоятельно научился различать психотипы как бы «без ничего», без специальных тестов, без анкет и прочего психологического реквизита. И для этого не надо многолетней совместной работы **начинающего** специалиста и **опытного** со стажем. Не надо и самого многолетнего стажа. Обычно в клубе после 20-30-часового цикла мы устраиваем занятия по диагностике. Перед двадцатью участниками, прошедшими цикл по психотипам, мы сажаем на стул человека, которого они могут видеть и впервые. Участники задают ему вопросы, разговаривают, наблюдают за ним во время беседы, просят прочитать стихотворение, спеть, станцевать, поднять с пола уроненную книгу... А затем я прошу каждого написать на листке личностный диагноз, причем так, чтобы никто ни с кем не советовался и никто ни к кому не заглядывал. На счет «три» все поднимают свои листки. Если случай типичный, то процент расхождений в диагнозе ничтожен. О таких случаях медики говорят как о студенческих. Дальше — дело практики.

И здесь нет никаких секретов. Я характеризую каждый психо-тип по множеству разных линий: любовь, деньги, имидж, политика, пластика, мимика, работа, учеба, карьера, принятие решений, вкусы, речь, мышление, нравственные установки, отношение к сексу и т. д.

И по каждому из этих аспектов я сравниваю разные психотипы друг с другом. Например, как у эпилептоида и шизоида осуществляется процесс творчества. Или уточняю, что эпилептоид предпочитает порядок, гипертим — беспорядок, а у шизоида свой «беспорядочный порядок».

Психотип должен как-то проявляться в самых разных жизненных ситуациях, в проблемах, в отношении к людям и вещам, в отношениях с людьми и общественными структурами. В том, как человек принимает разные установления, традиции. Какие у него ценностные ориентации. Как он относится к культуре. Что у него в семье. Какой у него дом: крепость или проходной двор. Бережет ли он здоровье или сгорает, светя! Ведь все люди «как-то» «где-то» «к кому-то» «что-то»...

И вот если каждый психотип провести через некий одинаковый набор таких «линий», то появятся опоры в диагностике. И что самое важное, эти опоры, то есть характеристики по каждой из линий, могут быть четко видны не только специалистам, но и людям, не имеющим «психологического микроскопа», а обладающим лишь здравым смыслом и житейским опытом. Чтобы заметить, что у человека пуговица на пиджаке почти оторвана и болтается на двух нитках вот уже два месяца, не надо проводить ни тест Розенцвейга, ни корректурную пробу.. Вы просто обращаете на это внимание. А о том, что вы увидите это скорее у шизоида, чем у истероида, мы и расскажем в книге. И уже после первого ее прочтения вы вскоре обратите внимание на то, что непроизвольно начнете замечать описываемые черты в своих знакомых, а потом и в незнакомых людях. Это как раз и есть показатель того, что метод работает. И так вот, шаг за шагом, мы будем описывать каждый психотип. Будет, может быть, даже избыток личностных симптомов, не осуждайте меня за это — пригодится.

Названия главок в описаниях разных психотипов чаще всего совпадают. Так легче проследить сходство и различия. Впрочем, это правило выдержано не всегда.

Договоримся: ни один психотипный симптом сам по себе не может расцениваться как абсолютный.

Болтающаяся на двух нитках пуговица лишь, **скорее всего**, говорит о шизоидности, но при этом не исключена ни паранойяльность, ни гипертимность, ни даже истероидность: истероид может, например, специально вводить так новую моду или пытаться просто шокировать окружающих. Но на 99% исключена психастеноидность и на 90% — эпилептоидность.

Всю симптоматику личности надо рассматривать в этой интегрированной совокупности. Введем формулу «**66:33**». То есть большинство симптомов только на 66% свойственны психотипу, но в 33% могут встречаться и у других людей. Один мой студент был озадачен: а куда же делся еще 1%? Я вынужден был разочаровать его еще больше: один процент «потерян» специально, чтобы подчеркнуть условность этого правила. Ведь может быть соотношение 70:30 или 80:20. Я вообще не могу пока уточнить в каждом конкретном случае коэффициент принадлежности какой-либо черты тому или иному психотипу. Все это очень зыбко. И в то же время есть «тяготение» симптома к психотипу. Это тяготение мы и выразили формулой «66:33».

Хочу подчеркнуть — это **не тесты** психодиагностические. Психолог, конечно, должен владеть ими. Но и для непсихолога, и для психолога важно научиться определять личностный психотип без использования трудоемких психодиагностических методик. Психолог, научившись сам разбираться в людях без тестов, может научить этому непсихологов. Ведь тестирование проводится в лабораторных условиях. А лабораторию не подтащишь к каждому человеку, чей психотип следовало бы знать, когда вступаешь с ним в значимый контакт. Человек может не захотеть подвергнуться тестированию, даже если он и благожелательно настроен. А если он насторожен? А если он ваш руководитель? И вообще, не будешь же предлагать тесты каждому человеку, перед тем как начать общаться с ним.

В жизни всегда нужна экспресс-диагностика. Мы садимся в автобус иначе, чем в легковую машину, а для этого мы должны его мгновенно «опознать», иначе ничего не получится. А если по дороге едет иномарка — жди нарушений с большей вероятностью, чем от простого «жигуленка». Вы хотите видеть психотип так, как видите марку автомобиля, как отличаете банан от апельсина? Так вот я опишу такие симптомы, которые вы сможете увидеть в человеке наметанным (хотя и не «лабораторным») глазом — увидеть, наблюдая человека во взаимодействии с вами и с другими людьми. А увидев, тут же учесть свои диагностические открытия в своем поведении. Если истероидка кричит, что ненавидит вас и уходит от вас, вы будете знать, что это не так, что уйдет, но вернется, стоит вам подарить ей ласковое внимание. Но если эпилептоид начнет мрачно собирать свои вещи, это разрыв всерьез.

И всему этому для личного пользования может научиться любой. Поняв психотип человека, вы сможете лучше владеть ситуациями, обнаруживать в человеке полезное для него самого, для общества и для себя, обезопасить себя от других и других от себя.

Мы не против строгих лабораторных исследований в психологии, мы за них. Но тогда, когда они реально нужны и осуществимы. А для живого взаимодействия с людьми в обычных условиях необходимы такие вот диагностические опоры.

Читая книгу, обращайтесь внимание, как удачно высказалась Н. Ш. Сугрובה, на **логику психотипа**. То есть основные черты личности влекут за собой особенности поведения в каждой конкретной сфере человекоотношений, в каждом узле системы человек — предметы.

Шизоид, как мы убедимся дальше, он и в науках шизоид, и в сексе. Эпилептоид любит порядок и в вещах, и в отношениях, и в организации своей жизни. Проследить логику психотипа занимательно и приятно. Начиная читать главу, вы уже будете предвосхищать мысль автора и вместе с ним представлять жизнь во всех ее подробностях.

Приучимся к звучанию названий всех психотипов, к терминологии. Список психотипов таков: паранойяльный, эпилептоид, истероид, гипертим, шизоид, психастеноид, сензитив, гипо-тим, конформный, астеник, неустойчивый, циклоид. Я даю этот список по мере **убывания агрессивности и нарастания дефензивности**. Ну, агрессивность — это понятная вещь. А что такое дефензивность? Defence — по-английски «защита». Так что дефензивность можно перевести как «защитность». Будем, следовательно, говорить также о **дефензивных** (защищающихся) **психотипах**. Делить людей на агрессивных и дефензивных предложил тоже профессор М. Е. Бурно.

Очень условно можно считать, что в этом списке дефензивные психотипы начинаются с шизоидов. Условно потому, что и у истероидов возникают защитные реакции, но все-таки я бы сказал, что у них и защита используется как средство агрессивности. И шизоиды могут быть агрессивными. Дальше мы поймем, **как** это, а сейчас нам важно только то, что психотипы выстроены в колеблющуюся, неустойчивую, условную, но — линию.

Человечеству все психотипы ко двору. Шизоиды генерируют идеи, в том числе социологические. Паранойяльные вычленивают некоторые социально значимые идеи из множества других, невнятных и неотшлифованных, придают им силу, выступают как пропагандисты и соавторы, организуют движение за эти идеи. Эпилептоиды доводят идею паранойяльного до совершенства и до ума многих, популяризируют, еще больше оттачивают, вступают в его круг, партию, организуя других эпилептоидов и не-эпилептоидов. Паранойяльные и эпилептоиды нужны человечеству. Они движут историю. Без них не было бы исторического развития, был бы сплошной застой. Но они могут направить этот процесс и в опасное русло. Шизоиды часто безответственно изобретают невесть что, как профессор Персиков в булгаковских «Роковых яйцах». Да что там вымышленный Персиков, когда были реальные ученые, создавшие водородную бомбу, бактериологическое оружие и... т. д. Истероиды воспевают паранойяльных лидеров, воевод-эпилептоидов. Это они, истероиды — «былинники речистые», рассказывавшие о красных

кавалеристах, для которых главное — раздуть мировой пожар на горе всем буржуям. Гипертимы крутятся между всеми, они снабженцы и автослесари, гуляки и рубаки.

В религии как в наиболее яркой области проявления человеческой природы мы видим все психотипы. Вот паранойяльный пророк. Он окружен эпилептоидами-апостолами. В его свите много истероидных магдалин, кающихся и грешащих, чтобы каяться. В его церкви много попов-расстриг-гипертимов и психастеноидных переписчиков религиозных текстов, иконописцев и издателей. Всем есть место «у Бога на Земле».

К интереснейшему вопросу о роли психотипов в исторических драмах, об отношениях психотипов друг с другом мы постоянно будем возвращаться в главах, посвященных каждому психотипу.

Часто психологи разрабатывают в основном лишь понятийный аппарат и теоретические концепции, причем иногда с досадой отмечаешь, что все это, так лишь, **предисловие к введению, общие подходы к частным подходам (глубина пустоты)**. А психотерапевты и психологи-практики должны помогать людям действенно и конкретно. Я хочу некоторым образом противопоставить свою практическую систему теоретизаторству. Двадцать пять лет назад я начал заниматься с обычными людьми, у которых, казалось бы, не было «проблем», но, как оказалось, не было только **видимых** проблем. В центре Москвы (на улице Чехова, дом 9) есть уютный подвальчик, неоднократно показанный по телевидению, расхваленный корреспондентами журналов и газет. Это клуб психологической культуры общения «Маленький принц». Здесь и проходила обкатка программ тренинга и теоретического материала, которые легли в основу моих книг и публикаций. В живых дискуссиях с обучающимися оттачивались жизненные позиции и разрабатывались приемы тренинга новых, более успешных форм поведения. Клуб представляет собой практический полигон для занятий с моими студентами. Я долгое время преподавал в Московском государственном открытом педагогическом университете (МГОПУ) им. М. А. Шолохова на факультете педагогики и психологии, который стараниями его декана профессора И. П. Клемантович стал серьезным центром подготовки социальных педагогов и педагогов-психологов. На этом факультете, было дело, я заведовал кафедрой прикладной психологии. Но «время вперед» — теперь я доцент кафедры связей с общественностью Государственного университета управления (ГУУ) — того, чьи корпуса высятся рядом со станцией метро «Выхино» в Москве. Вместе с директором Института социологии и управления персоналом ГУУ профессором Альбертом Владимировичем Филипповым и под его руководством я обучаю будущих специалистов по честным Пи-Ар-технологиям. Продолжаю сотрудничать и с МГОПУ. Значительная часть материалов книги «Лабиринты общения» и этой вот книги были изданы в качестве учебных пособий для студентов. В сущности, обе книги в целом могут расцениваться как учебные по ряду дисциплин в рамках практической психологии.

Я издаю книгу «недописанной». Только **основные** личностные психотипы: **паранойяльный, эпилептоид, истероид, гипер-тим, шизоид**. Во-первых, для того чтобы не затягивать выход в свет уже достаточно доработанного материала и чтобы читатель прямо сейчас уже мог им воспользоваться. Во-вторых, потому что считаю эти психотипы действительно основными, то есть наиболее распространенными, наиболее значимыми и наиболее интересными. Но в ходе изложения все же достаточно много материала дается и по другим психотипам (психастеноиду, сензитиву и т. д.).

Предупредим, что книга наша — не «читиво». Это жизненно необходимое учебное пособие. Но это и не просто «полезные советы». Книга имеет психологически-философское и морально-мировоззренческое значение. Она расширяет общеобразовательные горизонты. Излагая материал по тому или иному психотипу, я могу порассуждать на «общечеловеческие» или политические темы, предлагаю свое осмысление ряда социально-психологических проблем.

Ну, хватит введения. Всего за скобки не вынесешь. Лучше мы будем возвращаться к неким общим рассуждениям по мере изложения материала по каждому психотипу. И там будем говорить о некоторых моментах, важных для целостного понимания вопроса.

Глава I ПАРАНОЙЯЛЬНЫЙ ПСИХОТИП

Этимология

Слово «паранойяльный» можно перевести как «околоумный». «Пара-» — около. «Ноо-» — ум, духовная сфера. С подачи академика Вернадского в лексикон человечества вошло слово «ноосфера», по аналогии со стратосферой и биосферой... Ноосфера, по Вернадскому, — это **ум Земли**. Итак «ноо» — корень слова «паранойяльный». Но «хвост от носа далеко», и, как часто бывает в детских рисунках, нос слона, а хвост крокодила... Первоначальное значение слова «паранойяльный» («околоумный») более соответствовало сути, когда относилось к больным с чистым, то есть без галлюцинаций, бредом преследования. Но теперь оно применяется к людям с паранойяльным психотипом. А для них прямой перевод этого слова не подходит по смыслу.

У паранойяльного психотипа нет такого отклонения от нормы, которое граничит с безумием, но есть главная, определяющая многое другое черта личности — необычайно выраженная целеустремленность.

Так что не будем путать паранойяльного человека с больным шизофренией, у которого ведущим является паранойяльный синдром.

Главная черта — целеустремленность

Итак, повторяем, этому психотипу свойственна повышенная, следовательно, более выраженная, чем у других людей, **целеустремленность...** Это понятие может быть определено как **удерживание выработанной программы действий в «памяти воли»**. Надо как бы отделить от других «отсеков» памяти то, что в ней связано именно с волевым актом.

■ *То есть я помню то, что наметил выполнить, я держу эту цель под прицелом своей памяти, все время заставляю себя работать на эту цель.*

Паранойяльные удерживают программу действий в «памяти воли» лучше, чем другие психотины. Гипертимы и неустойчивые программу действий практически не удерживают в памяти. Психасте-ноиды мучительно колеблются и долго не могут выработать программу действий. Шизоиды ее вообще не вырабатывают, а творят себе свободно, как бог на душу положит. Истероиды и эпилептоиды обычно придерживаются программ, выработанных другими людьми, причем истероиды мечутся от программы к программе, а эпилептоиды консервативно придерживаются раз и навсегда выработанной программы. Ну а паранойяльный вырабатывает программу сам, хорошо удерживает ее в «памяти воли» и навязывает другим.

Паранойяльный человек может выдерживать большие **программные напряжения**, он склонен к ним, он их любит. В этом отношении он похож на эпилептоида, но отличается от гипертима, истероида, шизоида.

Вообще-то говоря, **любой человек** ставит себе цели, **более** отдаленные во времени, чем это может сделать любое **животное**. Но тактика «работы с целью» может быть двоякая. Можно поставить цель и подбирать средства для ее достижения. А можно видеть средства и под них «подобрать» цель. В жизни встречается смешение обеих тактик.

■ *К примеру, мы наметили покупку, зарабатываемой одалживаем деньги, идем и покупаем или же, напротив, заработали деньги — идем на рынок и смотрим, что бы на них купить.*

Паранойяльный человек почти всегда предпочитает первую тактику: ставит цель и под нее изыскивает средства.

Повторимся: какие-то цели, конечно, ставит перед собой и достигает их даже самый что ни на есть безвольный человек, даже неустойчивый психотип. Но целеустремленность паранойяльного съедает на своем пути буквально все. Прежде всего, в своем движении к цели паранойяльный, как уже говорилось, как бы наступает «на горло собственной песне», то есть он склонен подавить другие свои потребности. И здесь надо отдать должное его воле. Например, будучи достаточно сексуальным, паранойяльный мало занимается сексом, ему некогда.

Но если бы только это... Нет, раз он сам отдает всего себя делу, которому служит, которому посвятил жизнь, то можно, по его мнению, заставить работать на это дело и других, можно пренебречь их интересами, судьбами и даже жизнями.

■ *Печально знаменитый тезис циничного политика Возрождения Макиавелли «цель оправдывает средства» как нельзя более точно характеризует этот психотип.*

А если в качестве противовеса этому тезису выдвигаются простые нормы нравственности, то у паранойяльного находятся психозащитные оправдания: я служу всему человечеству, и интересами отдельного человека можно и нужно пренебречь.

В этом смысле наиболее яркая иллюстрация — «отец народов» Сталин. Он не спал ночами, работал, и, пока он не спал, не спали члены правительства, с тревогой ожидая звонка. Причем должны не спать ночами не только подчиненные, но и родственники. Жена у него, как правило, машинистка, дети — курьеры.

Энергетичность

Паранойяльный очень **энергетичен**, работоспособен, работает практически без отдыха. Он может, как говорилось, выдерживать большие программные напряжения, неуклонно проводить в жизнь намеченное. Спит урывками, хронически недосыпает от перегрузок, бывает, что отсыпается, но редко. Встанет по первому же сигналу. Держит телефон около постели и хватает трубку после первого звонка. Но сон у паранойяльного глубокий, совесть его по ночам не мучит (хотя на этот счет мнение других людей может быть иным). Засыпает он так же мгновенно, как и пробуждается. Кошмарных сновидений нет, но и приятных тоже. Вся его радость — в его деятельности «на благо отечества», которое всегда, по его мнению, в опасности.

Я специально не сказал «энергичен». Энергичность может быть кратковременной, а у паранойяльных запас энергии огромный. Они именно **энергетичны**, неутомимы.

*Паранойяльный психотип — это вечный двигатель, *perpetuum mobile*, человек, приводящий в движение множество людей вокруг себя.*

Логика психотипа

Итак, базовой чертой паранойяльного человека является ярко выраженная **целеустремленность**. И теперь из нее будем выводить (уже кое-что вывели), следуя **логике психотипа**, другие черты. Эта логика прочитывается во всем поведении паранойяльного человека. Мы покажем, как эти черты определяют его поведение в тех или иных ситуациях. Он ведет себя именно **так, а не иначе**; чтобы вести себя иначе, он должен приложить серьезные усилия, скорее всего, после занятий с психологом-коррекционистом. В дальнейшем мы и разберемся в том, как проявляются эти черты в разных сферах жизни паранойяльного человека и в множественных уголках его души. И мы увидим, как они, эти черты, переливаются всеми бттенками палитры великого художника — Природы.

В изложении мы не будем слишком обременять вас анализом того, как основной чертой определяются конкретные качества паранойяльного. Мы будем раскрывать черту за чертой, которые можно легко обнаружить в паранойяльном человеке, а вы будете сами проследивать логику психотипа.

Порядок

Паранойяльный в своей целеустремленности создает свой нетрадиционный порядок в вещах. Если эпилептоид, соблюдая традиционный порядок, ставит книги «по росту», то у паранойяльного они расставлены по содержанию, так что ряды нужных для работы книг могут выглядеть неаккуратно. И если этот рабочий порядок в кабинете или на рабочем столе в общей комнате кто-то нарушает, паранойяльный резко реагирует. Сам же он может ради своего порядка нарушить порядок, введенный кем-то до него.

■ *Например, жена и теща моют посуду обычно так: тарелка в тарелку, затем стопка тарелок ставится в раковину, а уж потом все моется. А паранойяльный муж, допустим, пришел к выводу, что это нерационально, потому что при этом каждую тарелку надо более тщательно мыть и снизу, так как она*

дополнительно пачкается остатками пищи на нижней тарелке; а кроме того, мытью каждой тарелки мешает вся стопка тарелок, и все это приводит к непроизводительным тратам времени.

Он навязывает свой порядок мытья посуды: сооружает над кухонным столом этажерочку с множеством полочек для испол-зованных тарелок, теперь каждая тарелка не испачкана снизу.

Надо сказать, что паранойяльный очень настойчив в своих стремлениях внедрить порядок, который предложил именно он. Может статься, что придуманный им новый порядок действительно лучше и что есть все основания его ввести, как в только что приведенном случае. Но людям несвойственно быстро менять свои привычки, и настойчивость паранойяльного раздражает их, а паранойяльного человека бесит их консерватизм. Вот и возникает конфликт.

Итак, если вы паранойяльный, сдержите свою революционную мысль: ведь отношения с людьми могут быть дороже, чем рационализм в вещном мире. А если вы относитесь к другому психотипу, но живете или работаете рядом с паранойяльным, подумайте: может быть, он прав в своих нововведениях. И вам легче будет жить и работать. Так, двигаясь навстречу друг другу с пониманием тонкостей психотипа, мы сможем предотвратить или смягчить конфликты.

Паранойяльный человек вводит новый порядок не только в вещах, но и в отношениях людей. Николай Чернышевский со своими последователями пробил стену женской зависимости от мужчин. А в начале нашей эры именно паранойяльные вводили религиозные запреты на языческие вольности в сексуальной жизни.

Я специально начал с тарелок: хотел показать, что паранойяльный проявляется и в мелочах. Но все же основное, что его интересует, — это **микросоциум**. И цель паранойяльной личности состоит в **глобальном изменении** общественного порядка, установленного ранее кем-то из предшествующих паранойяльных деятелей и поддерживаемого ревностными эпилептоидами. Паранойяльный считает этот порядок вещей плохим, отношения, сложившиеся в мире людей и поддерживаемые традицией, признает негодными и подлежащими замене на лучшие, им придуманные.

И если кто-то не хочет признавать порядок, за который ратует паранойяльный (в мире вещей, в микросоциальных отношениях или в социальном макромире) хорошим, то он, паранойяльный, считает этого человека плохим.

Итак, паранойяльный человек — принципиальный революционер. И в то же время — беспринципный. Его принцип — ниспровергать что угодно. Другие принципы он не признает: «Мы свой, мы новый мир построим».

И все, казалось бы, неплохо. Но вот ведь глупость какая. Часто, слишком часто воплощается еще один тезис знаменитого «Интернационала»: «кто был ничем, тот станет всем». Если песня становится гимном, и не только гимном, но и программой, то может получиться и смешно, и страшно: **ничто** (ничтожество!) становится **всем**.

Так было не только в семнадцатом. Вот и теперь так называемые демократы, сменив так называемых коммунистов, дали возможность развернуться интеллектуальным и моральным ничтожествам, которые не только не могут изобретать, но даже и воровать как следует не могут (тут тоже надо умение), а могут только нагло попираť права других людей и нравственные принципы, используя лишь одну силу — силу взятки и не имея ни совести, ни даже боязни потерять репутацию.

Цели — в социуме

Цели у паранойяльной личности — обычно в социуме. Когда гоголевский Башмачкин, воспрянув духом благодаря новой шинели, дал объявление о переписке текстов, у него появился первый клиент, который принес ему прожект о переустройстве общества. Вот это и был паранойяльный.

Паранойяльные люди — творцы новой общественной идеологии, новых экономических макросоциальных систем, новой религии, новых течений в старых религиях.

Страшно то, что они требуют от других людей безоговорочной веры в свои идеологические построения. И даже если их идеи не выдержали экспериментальной проверки, то, по их мнению, тем хуже для экспериментальной проверки, значит, она была неправильно проведена, а их идеи всегда правильные. Они подновляют идеологию. Как было с коммунизмом? Почему не получилось? Оказывается, плоха не

идея уравнилельного коммунизма, а ее воплощение, считает паранойяльный коммунист. Плохие люди воплощали эту идею. И он будет подбирать себе новые кадры, новых адептов, новых апостолов, новых воителей. Но не стоит упрощать. Фромм критикует, но не отвергает напрочь коммунизм Маркса. А я сейчас не идею коммунизма обсуждаю, а паранойяльных коммунистов.

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что, говоря о паранойяльных, я часто говорю о политике. Паранойяльный хочет заниматься и организацией производства. Но это эпилептоид бывает хорошим организатором производства, а паранойяльный здесь скорее все завалит. Конечно, и паранойяльный может как исключение организовать производство, но и шизоид может на некоторое время включиться в политику. И все же дело шизоида — скорее наука, дело истероида — скорее искусство, а паранойяльный — скорее политик. В то же время нельзя сказать, что все паранойяльные — политики и что все политики — паранойяльные. Но характер и род деятельности тут все же очень связаны. Политика более близка паранойяльному, она дает ему **сразу выход на макросоциальные** дела. Но паранойяльный может искать и другие выходы. Вот психолог вроде бы разрабатывает какие-то алгоритмы общения в микрогруппах, но это — методика, которая может быть распространена на **множество** микросоциальных миров.

Паранойяльный человек целеустремленно овладевает наукой для достижения целей в рамках своей парадигмы (основного направления мысли). В основном он работает в прикладных науках, а фундаментальную науку продвигает, может быть, в должности директора института или работая в составе депутатских комиссий. Его можно видеть в роли организатора работы по достижению опять-таки какой-то большой социальной цели. Например, он старается разработать новые принципы, организации науки или наладить новое, значимое для страны производство. Организует защиту пенсионеров, детей, животных, окружающей среды. При этом и там, и там он **сам** ставит себе задачи, ставит их и другим ученым. Он формирует социальный заказ. Он рвется к рычагам власти в науке, к посту ректора вуза, к должности директора НИИ. И в случае удачи осуществляет свою власть: проводит новую кадровую политику, разыскивает специалистов, принимает на работу своих адептов, заменяет ими тех, кто, по его мнению, мешает продвижению его дела.

В других сферах

А возможно ли, чтобы паранойяльный человек был врачом или технарем? Да. Но и в этом случае он свое творчество посвящает только социально значимым проблемам: либо создает вакцину от СПИДа, либо ищет источники экологически чистой энергии. Главное для него — облагодетельствовать род людской, страну, этнос, на худой конец — город. Ниже паранойяльный спускается редко.

Некоторые паранойяльные занимаются, казалось бы, вовсе бессмысленным делом: переплыть океан на каноэ, достичь на лыжах Северного полюса, в одиночку совершить на лодке кругосветное путешествие... И как результат попасть в книгу рекордов Гиннесса. Если это не истероидное желание сорвать аплодисменты и раздавать автографы, то и здесь имеется в виду социальная задача — продемонстрировать миру возможности Человека.

Ну а если уж паранойяльный решил заняться предпринимательством, то в рамках дела или чтобы заработать на развитие своего направления. Здесь он может быть не вполне честен в сделках, даже и преступные дела может творить — «цель оправдывает средства». Он весь в риске, рискнет — проиграет, снова рискнет — выиграет. Но в силу своей активности паранойяльные чаще успешны.

Роль в религии

Мы не раз будем обсуждать тему «психотип и религия». Паранойяльный психотип в религиях играет ведущие роли. **Паранойяльный в религии — пророк**. Если отвлечься от собственно теологической проблематики, а брать человеческое, то и Магомет, и Моисей, и Будда, и Заратустра, и сам Христос — личности паранойяльные. Во всех евангелиях, во всех фильмах об Иисусе Христе это хорошо проиллюстрировано.

Паранойяльный пророк берет ту или иную умную-безумную идею у шизоида, расширяет-углубляет-видоизменяет-систематизирует-абслютизирует. Выдает за свою. Или провозглашает автора облюбованной идеи предтечей. Объявляет себя пророком, обростает апостолами, кликушами... А они уже

при нем, живом или погибшем (чаще, чем усопшем), ставят храмы, воцеляют церковь. Обычно церковь так или иначе искажает идеи пророка, перерождается. Появляются реформаторы церкви, появляются секты на основе той же религии: протестантизм с паранойяльным Мартином Лютером, баптисты и т. п. Поэтому как вариант: паранойяльный — не основатель новой религии, а реформатор старой. Но это в принципе то же самое.

Роли в политике и в муке

Приблизительно такой же процесс происходит и в политике. И тут паранойяльный человек берет ту или иную (или две-три) идею все у того же шизоида, оттачивает ее, объявляет его предтечей. Потом обрастает адептами. Сначала, как мы говорили, это истероиды, склонные безоговорочно принимать позицию новоявленного паранойяльного пророка в политике («кликуши»). Позже присоединяются эпилептоиды. Именно эпилептоиды становятся основными серьезными пропагандистами идей паранойяльного. Повторим тезис, что **паранойяльный — это пророк, а эпилептоиды — апостолы**. Эпилептоиды — его «гвардия». Но это потом, а поначалу паранойяльный может работать один, он пишет «в стол», выходит к людям без поддержки, в начале процесса он сам себе вождь и сам себе партия. И сражается в поединках с другими вождями, а иногда — и с целыми партиями во главе с их лидерами.

Приблизительно такой же процесс происходит и в науке. Повторяться не стоит.

Профессии

Каковы же профессии, которые предпочитают паранойяльные и которые «предпочитают» паранойяльных. Это уже понятно из вышесказанного: политики, партийные вожди, губернаторы, директора НИИ, директора экспериментальных производств, депутатский корпус, родоначальники сект, пророки...

В овладении профессиональными навыками паранойяльные проявляют немалое рвение, учатся всему, что облегчит их работу, продвижение и успех, особенно интeрoргтехнике и языкам. Здесь они склонны доучиться и даже переучиться, усвоить нововведения. Но идеи, которые противоречат их первоначально взятому направлению, они воспринимают в штыки.

Катализатор

Обобщим сейчас отдельно то, что ранее уже проскальзывало. Паранойяльный человек — как бы устроитель и катализатор процессов в обществе. Он перерабатывает идеи шизоидов. К нему присоединяются и греются в лучах его харизмы истероиды; ведь в религии истероиды — кликуши, бесноватые, из которых можно легко «выгнать беса», в политике и науке — восторженные почитатели, легковверные и легко разуверяющиеся, но их много, они создают ореол, и, когда масса истероидов вокруг паранойяльного становится критической, к ней по нарастающей начинают присоединяться и эпилептоиды. И чем больше эпилептоидов уже присоединилось, тем больше их присоединяется. Эпилептоид, как мы подробнее покажем ниже, любит **наводить** справедливость в соответствии с уже существующими законами. А паранойяльный любит **вводить** справедливость, то есть другие, более совершенные, с его точки зрения, законы. А что может быть более животрепещущей проблемой в обществе, чем проблема справедливости? Так что катализатор!

Философия

Паранойяльного человека не очень интересует философия как таковая, ему все равно — материя ли порождает дух, или дух материю... Ему важнее различные социальные аспекты. Но если для решения социальных вопросов требуется пофилософствовать, он может углубиться и в эту область, став в какой-то мере профессионалом и здесь. Так, у Ленина были «Философские тетради», он написал философско-публицистическое эссе «Материализм и эмпириокритицизм». Многие философы сейчас скептически

оценивают этот философско-партийный экзерсис, но нельзя не признать, что на ту пору в проблемы философии он вник достаточно глубоко.

Характерен один из тезисов Маркса о Фейербахе: до сих пор философы **объясняли мир, а надо его переделывать**. Он великолепно иллюстрирует паранойяльную личность — тут и добавить нечего.

Субъект-объектность

Творя в макросоциуме, паранойяльный считает себя личностью, субъектом, а других так или иначе превращает в объекты. Это именно у него ярко выраженное субъект-объектное отношение к людям, против которого возражает гуманистическая психология. Это он считает всех «винтиками», «массами», «тестом истории». Себя он считает творцом, а человеком из массы, винтиком, быть не хочет. Впрочем, нередко он заявляет, что народ, массы превыше всего, и тогда (тут уж деваться некуда) считает себя плоть от плоти героем из народа. Вспомним: «вышли мы все из народа...» Но в этом случае **декларируется лишь «генетическая» связь нашего героя с народом**, на деле он выделяет себя из народа, он учит народ, ведет за собой, покоряет его, подчиняет, подавляет...

Суггестия

Суггестия — внушение. Паранойяльный и суггестия очень связаны. Сам паранойяльный в целом плохо поддается внушению. В том числе и гипнотическая внушаемость, в противовес истероидам, сензитивам и неустойчивым, у него незначительна, так себе, легкая сонливость, расслабленность. Это **он внушает. Он вождь**. Он ведет массы, толпу, и она ему верит, даже верует. Он может призвать умереть за его идею и даже за него самого, который эту идею воплощает и без которого умрет его дело.

Иногда он выступает в роли мага, гипнотизера, этакого «Калиостро», но это больше на провинциальном уровне.

Эмпатия

Эмпатия — это вчувствование в психику другого человека. Это может сопровождаться сопереживанием и сочувствием. (А бывает и «отрицательная» эмпатия — с подчинением человека.)

Паранойяльные неэмпатичны, плохо чувствуют другого человека, не чутки к чужому горю, у них все подчинено только делу. Когда паранойяльный проповедует, он сам впадает в транс, сознание сужено, глаза горят, руки энергично жестикулируют, в эти минуты он совершенно недоступен другим людям, он их любит-ненавидит в зависимости от того, как они воспринимают его речь. Он может и в другое время совершенно не думать о потребностях и состоянии близких людей, об их больших и тем более маленьких бедах, мелких заморочках: подумаешь — слезы, «что слезы женские? — вода». Он должен постоянно задавать себе вопрос, **стоит ли его дело больше человека**. Может быть, конечно, и стоит. И не обязательно умиляться довольно сомнительной в смысле истинности фразе Достоевского о слезинке ребенка.

■ *Но паранойяльному все же имеет смысл остановиться в беге, оглянуться во гневе и все-таки задать себе этот сакраментальный вопрос, стоит ли его дело больше человека.*

Благодеяния

Паранойяльные склонны творить добро, но только тогда, когда это служит интересам их основного дела: для рекламы, во время избирательной кампании, для завоевания человека, который важен как приверженец. И это делается в ущерб другим людям, которые имеют, может быть, больше моральных оснований на его внимание.

Грех

Паранойяльный, как следует из логики психотипа, **грешит и не кается!** Тут один из наших образных «узлов». Сравним все психотипы. Так вот, эпилептоид обыкновенно **не грешит и не кается**. Или мало грешит и мало кается. К гипертиму приложимо стандартное словосочетание: **грешит и кается**. Истероид **грешит, чтобы каяться**. А психастеноид (о, психастеноид!), запомним: он **не грешит, но кается**.

Итак, паранойяльный **грешит и не кается**. По его мнению, все, что он делает, все, чего он требует, необходимо для высшего блага Человека и, что бы он ни сделал, это не грех, а добродетель. Даже если и для себя кое-что взято, это малость, а отдается много, считает он. Может быть, и так, и все же не грех паранойяльному человеку задуматься над этим и поточнее взвешивать свои грехи. Если вспомнить истово верующего и боящегося

Бога Ивана Грозного (объединил Русь — куда уж больше), то тот не каялся, а боялся, покаяние его было вызвано не раскаянием, а страхом перед наказанием.

Вероломность

В отличие от эпилептоида, паранойяльный может быть вероломным. И всегда найдет массу оправданий, почему он нарушил договор. Прежде всего потому, что его поведение обусловлено обстоятельствами общего дела. А если даже имеются какие-то личные причины, то он для этого общего дела сам по себе больше значит, чем другие, и так далее в этом духе.

Комплекс неполноценности и гиперкомпенсация

Нередко у паранойяльного человека можно выявить те или иные дефекты, неважно, в чем они выражены. Это может быть хромота, неуклюжесть, полнота, худоба, малый рост, неправильный прикус, диспропорции в лице, картавость, заикание, гнилые зубы. Или же его отец — «враг народа», «предатель, в плен сдался немцам». А Троцкий — вообще был еврей.

Дефекты речи или то, что тебя дразнят в школе «жиртрест-промсосиска», принадлежность ли к гонимой нации создают у паранойяльных тот **неоценимый** комплекс неполноценности, который впоследствии гиперкомпенсируется достижениями в социальной сфере. Получается даже, что комплекс неполноценности как бы дан свыше, что «это подарок судьбы». Важно, что некий дефект формирует **переживание неполноценности** и страстное желание его компенсировать. Развивается бурная деятельность по его восполнению.

■ Суворов, будучи хилым мальчиком, задался целью стать полководцем — и стал им. Есть словосочетание, ставшее достаточно расхожим термином: «наполеоновский комплекс». Низкий рост Наполеона при его полноте и его бурное продвижение в социуме известны всем.

Паранойяльных, скорее всего, третировали в детстве — родители, учителя, мачеха, отчим, старшие ребята во дворе... И начинала работать великая сила — **гиперкомпенсация**.

Мы затронули страшную и интересную проблему еврейства. Быть евреем в стране, где время от времени вспыхивает постоянно тлеющий уголек антисемитизма, — это испытывать самый жгучий комплекс неполноценности. Может быть, именно поэтому у евреев действительно много достижений.

Но то, что мы сейчас отметили в последних абзацах, может приобретать и зловещие черты. Тот же Наполеон — это сейчас как бы даже романтизированная фигура, а ведь у Толстого Пьер Безухов воспринимал его как злодея. Еще страшнее был маленький и сухорукий, с оспинами на лице, Сосо Джугашвили — впоследствии Сталин.

И в то же время переживания человека незаурядного, но оттесняемого из-за своего не зависящего от него дефекта на периферию общества тяжки для него. Поставим себя на его место — и нам тоже захочется отомстить благополучным насмешникам, придавить их, заставить ползать, подчиняться, умолять. Но человек должен и может сказать себе: я благородный и умный, я буду сопротивляться этим низменным желаниям. А лучше быть изначально столь благородным, что не будет и намека на такие желания. Ну

ладно, не будем идеалистами: такое желание **возникнет**. Но надо ему **сопротивляться**, хотя бы для того, чтобы не получить потом репутацию злодея — мы же не этого добивались. Нам ведь и самим хочется в собственных глазах выглядеть добрым. А зачем, собственно, и влезать в чью-то шкуру? Даже если ты не такой уж паранойяльный психопат, а просто тебя гложет мелкая зависть, то и здесь не следует компенсировать свои проигрыши за счет других, пусть эта компенсация произойдет за собственный счет.

■ *Скажи себе: сегодня я стану лучше, чем вчера, достижения будут расти, я их направлю на пользу людям, я вырасту в своих глазах, люди так или иначе заметят мои достижения, и я займу достойное место среди достойных людей.*

А если кто-то из паранойяльных окажется не столь достойным, то психотерапевты помогут сопротивляться его комплексам и гиперкомпенсации и стать более достойным. И это только на первый взгляд кажется идеализмом. На самом деле этот процесс возможен и в принципе даже происходит в обществе, пусть только среди более нравственно совершенных людей — но зачем нам равняться на несовершенных?

Психическая защита

У паранойяльного человека часто срабатывает поверхностная иррациональная психическая защита. Что это такое — **психическая защита**? Это, как явствует из словоупотребления, — **любая перестройка в психике, которая снимает тревогу, успокаивает совесть**. Ведь паранойяльному человеку часто приходится делать что-то осуждаемое людьми: отречься от друга, от прежних взглядов, принести в жертву интересы отдельных людей или даже целых групп, а то и народов. Совесть, которая тревожит людей других психотипов, у паранойяльного быстро успокаивается. Он забывает чужие благодеяния, иногда искренне удивляясь, когда ему напоминают об этом («разве так было?»), девальвирует их в собственных глазах и в глазах других людей («подумаешь, это был только телефонный звонок»). Он преуменьшает свои грехи («ну это же простительно, я не смог, так получилось»), объявляет незначительными поводы для тревог, из-за которых к нему обращались («я тогда не помог тебе, но ты сам справился»). В общем, паранойяльные легко манипулируют, может быть, и бессознательно фактами и аргументами в свою психозащитную пользу. Защита эта поверхностная, люди от них в результате отворачиваются, и в конце жизни паранойяльный может оказаться в полном одиночестве.

Паранойяльные, бойтесь этого заранее. Подстелите «соломку» в виде искреннего сочувствия, интереса к мелким личным переживаниям близких. Нет, не хотите...

■ *Что ж, умирайте в одиночестве, наедине с богом зла, богом злата или даже богом всеобщего блага в далеком коммунистическом завтра, но никто не подаст пресловутую кружку с чаем или утку, чтобы вы перед смертью помочились в нее, и никто не закроет вам глаза.*

Отношения с людьми

В отношениях с людьми у паранойяльного преобладают деловитые просьбы, требования, распоряжения, приказания, инструкции. Самое употребляемое слово при этом — «срочно». В записках оно подчеркивается тремя чертами, ставятся три восклицательных знака, все это еще обводится рамкой. При этом паранойяльный не считается с тем, можно ли действительно это выполнить срочно. Паранойяльный почти всегда необоснованно, **неоправданно требователен**. Воплощению своих замыслов он подчиняет не только всю свою, но и чужую жизнь. Скажем так: **сам раб своих идей, он делает рабами их других людей** (извините за непрошеную рифму).

В то же время **сам он резко сопротивляется** даже обоснованным требованиям, если они идут вразрез с его интересами. Нередко он жестко, даже грубо отказывает — более грубо, чем эпилептоид. Любая требовательность и любой отказ неприятны. Но жесткость, с которой это делает паранойяльный, вызывает обычно возмущение. **Паранойяльные, учтем это!**

Средства влияния на человека у паранойяльного разнообразны.

■ Если не удастся убедить и подействовать внушением, в дело пойдут ультиматумы и шантаж. Излюбленным приемом паранойяльного является манипуляция, то есть скрытое психологическое воздействие с материальной или психологической выгодой для себя в ущерб партнеру.

Паранойяльные люди не только на работе и в большой политике, но и в быту обычно окружены адептами: «апостолами» (эпилептоидами) и «кликушами» (истероидами), как мы помним. С ними у паранойяльного до поры до времени сохраняется совместимость. Вообще-то паранойяльные неуживчивы и с ними, но истероиды и эпилептоиды все же им более подходят. Истероид склонен восхищаться и греться в лучах славы другого человека (а паранойяльный потенциально ею «обладает»). Эпилептоид же склонен принимать чужие мысли и твердо верить в них и тоже не чуждается принять на себя заслуженную им совместно с паранойяльным славу.

Но вот с другим паранойяльным паранойяльному человеку совсем плохо. Друг с другом соперничают, конечно, люди любых психотипов, даже сензитивы с психастеноидами. Но «топят» других больше истероиды и паранойяльные. Однако если истероидка топит человека на уровне общения («В Москве сейчас так не одеваются, как ты»), то паранойяльный топит соперника на уровне отношений или даже существования, к какому бы психотипу этот соперник ни относился. А уж в одной берлоге один паранойяльный с другим паранойяльным никогда не уживутся: один другого или выживет, или переживет (уничтожив). Паранойяльные вожди всех революций, хоть Великой французской 1789 года, хоть нашей Великой Октябрьской 1917 года (трагедия) или нашей «невеликой октябрьской» 1993 года (фарс), дают многочисленные подтверждения этого тезиса.

Дружба

У паранойяльного человека много новых друзей, но мало старых. Он быстро сходится с теми людьми, которые принимают его концепцию, его план действий, но быстро расходится с ними, **рвет отношения**, как только человек обнаруживает самостоятельность мышления, непокорность. И делает это нередко с шумом и негодованием, при этом его самое частое оценочное слово — «предатель». Люди вокруг него быстро сменяются. Возле него калейдоскоп людей, из которого он черпает новых друзей. Друзьями он считает только тех, кто на сегодня приемлет его идеи и служит им, то есть только своих адептов.

Поэтому для паранойяльного **не подходит** пословица «старый друг лучше новых двух». Ему подходит **инверсия** этой пословицы: **новый друг лучше старых двух**. В новых друзьях (они ведь новые потенциальные адепты его идей) он вкладывается, может поддерживать их и материально, даже в ущерб старым связям, даже в ущерб близким родственникам. Я знал одного паранойяльного профессионального политика, который отказывал в помощи нуждающемуся сыну (далекому от политики) и давал деньги людям, которые поддакивали ему и по мелочам помогали в его политических начинаниях. Как подразумевает паранойяльный, из старого друга все выжато или тот уже в его фарватере, поэтому старый друг ему менее интересен, чем новый, а нового еще надо превратить в сторонника.

■ Если старый друг оказывается еще и его новым оппонентом, то паранойяльный человек относится к нему с ненавистью. И даже если старый друг становится просто бывшим другом, паранойяльный человек теряет к нему интерес, относится с пренебрежением. Один паранойяльный о другом паранойяльном, не пожелавшем быть винтиком в его социальной машине и отошедшем от него, высказался кратко и четко: «Отработано».

Другие люди для паранойяльных — лишь средство для достижения цели: винтики, глина, человеческий материал, массы. При этом признаваться в такой негуманной позиции никто из паранойяльных не хочет. Наоборот, они часто устраивают «человечные» шоу типа «Сталин с девочкой на руках».

Паранойяльный вообще делит всех людей на друзей и врагов: «Кто не с нами — тот против нас». Все друзья, впрочем, должны быть не просто друзьями — выпить там или хотя бы закусить вместе. Нет, они должны быть подвижниками и сподвижниками. Он вождь и ищет соратников-сподвижников, для которых главное в жизни — это подвиг во имя его идеи. Он утверждает, что его идея — во имя народа, во имя вечности, во имя Бога. А враги его идеи — это враги народа, богоотступники.

■ *Здесь и дальше следует делать некоторые поправки с учетом конкретных обстоятельств. Паранойяльный человек — это не буквально Сталин или «сталиноид». Он может говорить не «враги народа», а, например: «Вы не уважаете коллектив»; «Вам не дороги интересы дела, института».*

Часто паранойяльный человек подвергает своих сторонников испытанию на верность. Один руководитель клана заявил своим сподвижникам, что их жены — это в первую очередь его жены. А Сталин отправил жену Молотова и жену Калинина в ГУЛАГ и получил на это верноподданническое согласие этих своих соратников.

Самолюбие

Паранойяльный человек исключительно самолюбив. Он не выносит, когда отрицательно оценивают его идеи, вкусы, взгляды, реликвии и его личность в целом. Он гораздо более самолюбив, чем истероид и эпилептоид. Конечно, все мы самолюбивы, никому из нас не нравится критика, и в лучшем случае мы терпим тактичную критику, понимая ее неизбежность, вероятную полезность и то, что неприятие критики плохо смотрится со стороны. Но **паранойяльный абсолютно нетерпим к любым нормальным возражениям, замечаниям и малейшим намекам на отрицательные оценки.** Его легко задеть, особенно если это касается развиваемой им идеи или его личностных черт.

Для паранойяльного большую роль играет его личное авторство. Не стоит пренебрегать этим при общении с ним. Он свое авторство защищает, и отношения испортятся, если вы будете цитировать его без ссылок. При этом лучше пользоваться приемом «начало цитаты — конец цитаты», поскольку бывает, что цитировать начали со ссылкой, но затем перешли к другому абзацу, и уже неясно, чей это текст: цитирующего автора или цитируемого автора- Паранойяльный не простит и такой оплошности. Так что свято блюдем правило: «начало цитаты — конец цитаты».

Месть

Паранойяльные мстительны. Эпилептоиды тоже, но если эпилептоид не подаст руку помощи, то и ножку специально не подставит. Если и подставит, то тогда, когда представится случай, а намеренно интриговать и мстить не будет. Паранойяльный будет это делать намеренно. Он составит **план мщения**, посмакует его, организует его осуществление, потом посмотрит в глаза «негодяю» и спросит: «А помнишь?..»

Справедливость, законы, отношение к власти

Как было уже сказано, эпилептоид **наводит** справедливость (в соответствии с уже существующими законами), а паранойяльный стремится **вводить справедливость**, то есть новые, более совершенные, с его точки зрения, законы. Но по отношению к уже существующим законам паранойяльный не лоялен. Он склонен преступить их.

Различного рода «робин гуды», существовавшие в разные времена у разных народов, — типичное паранойяльное явление.

Паранойяльный может считать правым делом и экспроприацию, в том числе в свою пользу. Если кто-то владеет большими богатствами, это, с его точки зрения, несправедливо. А справедливым он считает отобрать и взять, например, себе, хотя чаще считает правильным разделить это между более бедными, как Робин Гуд и примитивные коммунисты.

■ *Так или иначе, паранойяльный часто не в ладах с властями, которые могут и законы, введенные ими самими, нарушать опять же в свою пользу и в ущерб обществу. Он не в ладах и с законами, которые не позволяют ему осуществлять справедливость в соответствии с его пониманием.*

Поэтому нередко паранойяльные оказываются за решеткой. Чтобы выжить в «зоне», они проявляют непокорность и по отношению к уголовным «авторитетам», как и «на воле» по отношению к законным властям.

Жертвенность и жертвоприношение

Паранойяльный человек может выдержать много испытаний, невзгод, лишений, пытки, репрессии, даже принять смертную муку за свою идею.

■ *Монах Джордано Бруно 12 лет шел к костру на одной из центральных площадей в Риме, где ему спустя века поставили памятник. А ради чего? Чтобы не говорить того, что не считал истиной.*

Вот Галилей, когда его прижали инквизиторы, отрекся от истины и только «в кулуарах» произнес трагически знаменитую фразу: «А все-таки она вертится!» А Бруно свою истину декларировал не в кулуарах, а в лицо мракобесам.

*Когда летит на пламя мотылек,
О смерти он своей не помышляет.
Когда олень, от жажды изнемог,
Спешит к ручью, он о стреле не знает.
Когда сквозь лес бредет единорог,
Петли аркана он не примечает.
Я же лес, в огонь, к ручью себя стремлю,
Хоть вижу стрелы, пламя и петлю.*

Это стихотворение встретилось мне в трактате «О героическом энтузиазме» Джордано Бруно. Он приписывает его поэту Тансилло, но, возможно, что это псевдоним самого Бруно. Так или иначе, оно выражает ту идею жертвенности, которая бывает свойственна паранойяльным людям. Прекрасные стихи, прекрасное и трагическое содержание.

Но больше, чем идея жертвенности, паранойяльному свойственна идея **жертвоприношения**.

Даже сыновьями жертвовали паранойяльные (Авраам, Петр I, Сталин), не говоря уже о чужих по крови людях. Жертвоприношение и жертвенность часто идут рядом. Если я жертвую собой, то имею якобы право принести в жертву и других, потребовать от них жертвы. В жертву должно быть принесено иногда даже право на смерть, на суицид. Христианская религия запрещает самоубийство, оно карается адом. А в стихотворении поэта послевоенной и шестидесятичной эпохи Бориса Слуцкого «Кельнская яма» есть строки:

*А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.*

То есть в принципе не разрешает, но в порядке исключения может разрешить. Вот так!

Увы, сами паранойяльные все-таки зачастую почему-то не хотят быть жертвой. Они **посылают** на смерть («Но человека человек послал к анчару властным взглядом»), а сами погибать не хотят.

■ *В фильме о Ломоносове сценариста Осетинского и режиссера Прошина есть такой эпизод. Паранойяльный лидер-раскольник собирает всех в деревянной церкви для самосожжения, а сам выбирается потайным ходом. Юный Ломоносов упрекает его: «Детей и баб пожег, а сам не сгорел...»*

Такая вот нравственная «диалектика» свойственна некоторым паранойяльным.

Авторитарность

Авторитарность у него сквозит буквально во всем. Стремление к ней приводит его и к политическим авторитарным, тоталитарным системам даже независимо от сути основной идеи. Коммунисты и фашисты навязывали вроде бы разные идеологии: интернационализм и национализм, — но с одинаково авторитарно-тоталитарным рвением. И тем, и другим свойственно регламентировать не только смерть людей, но и различные стороны их жизни: питание, секс, браки... Партком мог дать или не дать разрешение на развод. Но ведь и церковь делала то же самое, что же мы, демократы, забываем это за обидами на так называемых коммунистов.

Космополит

Паранойяльный, в отличие от эпилептоида, скорее космополит, чем патриот. Его идеи выходят за рамки отдельной страны или нации, он думает обо всем человечестве... Это и всемирная революция, и конец света, и стремление обратить в свою веру «инородцев». Но если в его концепцию входит патриотизм, то он может быть и патриотом.

Миссия мессии

Для всей деятельности паранойяльного человека характерна специфическая паранойяльная мотивация. Его не устраивает, что он просто придумал что-то более разумное. Нет, он сеет «разумное, доброе, вечное». Фауст у Гете говорит так:

Чтоб я постиг все действия, все тайны,

Всю мира внутреннюю связь,

Из уст моих чтоб истина лилась, —

Не слов пустых набор случайный!

Христос говорит двум своим будущим апостолам, которые были рыбаками: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков».

Паранойяльный действует часто От имени высших сил — от имени Бога («С нами Бог!»), с позиций всемирного хода истории (Маркс, Ленин, Сталин). Он как бы посланник самого Бога. Он берет на себя **миссию мессии**.

Ценностные ориентации

Паранойяльные, как правило, не изменяют своим взглядам. Это личности цельные. У них в основном непротиворечивая ценностная иерархия, по крайней мере, на длительное время. **Они редко пересматривают свои взгляды и в каждый данный момент ведут себя последовательно.** Это гипертим может впасть в раж из-за несправедливости, с которой столкнулся сию секунду, а через минуту, поглаживая живот, может выпивать с тем, кто совершил несправедливость.

Но у паранойяльных личностей могут быть и резкие перепады в ценностных ориентациях. Сталин был семинаристом — и стал настолько воинствующим атеистом, что уничтожил храм Христа Спасителя. Я часто видел атеистов, которые становились ревностными проповедниками той или иной религии. Это связано, наверное, со слишком сильно выраженной психозащитной позицией, с неуспехом на предыдущем поприще: какое-то движение отвергло его как лидера.

■ *Кай Марций Кориолан, римский полководец, считавший Рим, как и все римляне, центром вселенной, вдруг изгнан из Вечного города. И вот он произносит знаменитую фразу: «Есть жизнь вне этих стен» (Шекспир). А потом и пошел на Рим во главе враждебных племен.*

Обучение

Учится паранойяльный неровно, рывками, с переменным успехом. Оценки: смесь из троек, четверок, пятерок и... двоек. Нередко учится по индивидуальному учебному плану, перескакивает через курс — в соответствии со способностями, конечно. Может учиться сразу в двух вузах, на двух факультетах.

Творчество его начинается со студенческой или даже со школьной скамьи. Уже тогда он ставит перед собой цель и пытается ее достигнуть. И вот какими-то предметами он может пренебречь, хотя все же сдает их или (если двойка) пересдает, чтобы не выгнали из вуза, хотя бы на троечку, здесь он не гордый. Зато другие предметы или разделы учебника ему кажутся важными, в них он копается глубже, достает дополнительную литературу, покупает книги у букинистов, сидит в библиотеках. Он добывает истину в спорах с приятелями в курилках тех же библиотек, студенческих общежитиях за банкой пива и т. п.

Работа

Паранойяльный человек работает всю жизнь напролет (как гипертим всю жизнь напролет веселится) — **не разгибаясь**, не отдыхая и в конце концов валясь от усталости на диван в одежде, не имея сил даже умыться перед сном. Он не опаздывает на деловые мероприятия, если еще не завоевал авторитет. Но если он уже «на коне», то может и опаздывать.

В любом случае (опаздывает он сам или нет) он любит **распекать** подчиненных за нерадивость. Паранойяльный препирается и с властями.

■ *Сравним: эпилептоиды сдержанно ведут себя и в отношении властей, и в отношении подчиненных, истероиды сдержанны в отношении властей, но распекают подчиненных, а гипертимы отшучиваются или ругаются со всеми.*

Паранойяльный и дома много работает. Принимает деловых гостей, подолгу обсуждает дела по телефону, составляет документы, пишет статьи, обдумывает, делает наброски.

■ *Он может что-нибудь писать в очень неудобных для этого условиях, например сидя или даже стоя в вагоне метро или электрички, присев на ступеньках в коридоре (как тонко подмечено в рисунке Кибрика с изображением Ленина), и совершенно не обращает внимания на то, что на него обращают внимание. Он это делает не из кокетства, дескать, смотрите, какой я деловой, а действительно потому, что он трудоголик.*

Часто для паранойяльного лучшее время, когда можно поработать с бумагами, — ночь, поскольку днем он работает с людьми. Конечно, человек он беспардонный, но ведь не всех можно дергать ночью, да и его никто не дергает, так что можно сосредоточиться на бумагах.

Если офис паранойяльного не предназначен специально для, скажем, психологической или спортивной работы, то там обычно нет особого порядка, а скорее «революционный» беспорядок. Впрочем, некоторые уже получившие власть паранойяльные могут и наводить порядок чужими руками по своему вкусу.

У паранойяльного накапливаются архивы. Он благоговейно относится к каждой своей разработке, поэтому ничего из черновиков не выбрасывает, они захламляют квартиру и офис, вызывая нарекания близких, но не дай бог тронуть его архив — последует буря негодования. Хотя, может быть, и не стоит трогать? Даже если это затрудняет быт и ухудшает эстетику... Это совет для близких, ценящих его как личность.

Карьера и власть

Паранойяльный человек планирует свое продвижение по жизни. И если кто-то стоит на его пути, он интригами, вероломством, убийствами, подлогами или даже честным путем убирает соперников.

■ *Ричард III Глостер в фильме «Башня смерти» сделал себе стеклянный шкаф, поместил там кукольные изображения всех, кто стоял у него на пути к трону, и по мере их устранения выбрасывал очередную куколку.*

Карьера паранойяльной личности зигзагообразна. Эпилептоид — тот неуклонно поднимается по ступенькам без каких-либо катаклизмов. А паранойяльный может и низко пасть и высоко взлететь, а может долго стоять на одной ступеньке. Его обычно не пускают вперед другие, конкуренты.

Паранойяльный — всегда неординарен, он нонконформист. Это о нем поэтические строки Павла Когана:

Я с детства не любил овал.

Я с детства угол рисовал!

По отношению к власти паранойяльный чаще всего диссидент, он в оппозиции, если сам не у власти. И, будучи в оппозиции, он обычно не поступается принципами, не отступает от своих оппозиционных идей. Поэтому в своем продвижении по служебной лестнице встречает сильное сопротивление, может и застрять надолго. Но паранойяльный рвется к власти. Он очень активен. В непосредственной близости от

победы в борьбе за власть он может лукавить, интриговать, пренебречь договором. Когда запах власти слишком силен, он устраивает революции, дворцовые перевороты, присоединяется к группировкам, раскалывает их, возглавляет один из осколков бывшей группировки. Будучи у власти в своей группе, партии или фракции и чувствуя оппозицию изнутри, он набирает извне «опричников», которые помогают ему избавиться от оппонентов и подавить пока еще преданных ему, но склонных к инакомыслию людей. Все эти действия позволяют ему достичь власти в учреждении, на предприятии, в городе, в штате, в области, в стране — особенно на крутых макросоциальных виражах. Но, как говорил

Анатоль Франс, если для достижения власти есть десятки способов, то для ее удержания нет ни одного. Может быть, Франс сатирически это слегка и преувеличил — но только слегка. Паранойяльного, достигшего власти, часто, очень часто **низвергают**. Он падает, а потом поднимается (если его не уничтожают физически) и снова начинает борьбу за продвижение.

Типичное поведение для паранойяльного — прийти «в чужой монастырь со своим уставом». Ведь создавать свое — дело долгое, трудное. Поэтому паранойяльный склонен внедриться в готовые организационные структуры, вытеснить лидеров-отцов, возглавить уже созданную ими структуру.

Власть других людей над собой он в крайнем случае терпит, но до поры до времени. Как только появляется возможность самому взять власть, он ее берет, не гнушаясь психологическим давлением или даже вооруженным насилием.

Паранойяльный обожает командовать, управлять, он любит власть и в этом сходен с эпилептоидом, только его властолюбие более рьяное. Но, в отличие от эпилептоида, он совершенно не умеет и не хочет подчиняться сам, он не терпит, чтобы им управляли. Он навязывает свои взгляды и программы партиям, навязывает новое государственное устройство или хотя бы его детали, свои законопроекты, новые традиции, символику.

Он дает массу распоряжений.

■ *Но если у эпилептоида распоряжения четкие и непротиворечивые, то у паранойяльного они часто сбивчивые, и не всегда поймешь, то ли «казнить нельзя, помиловать», то ли «казнить, нельзя помиловать». А если спросишь, как, мол, понимать его распоряжение, то нарвешься на гнев: что ли сам не можешь разобраться?*

Паранойяльный любит, чтобы люди **каялись** перед ним и клялись в верности — это тоже атрибутика власти. Сталин устраивал целые политические спектакли с покаянием.

Нравится паранойяльному и чинопочитание. Встав у власти, даже неформальной, даже только внутри небольшой группы, он требует соблюдения субординации, устанавливает порядок приема людей. Питает слабость к лести, хотя и не всегда на нее поддается. Чинопочитание паранойяльный любит, впрочем, лишь по отношению к себе, но сам не почитает вышестоящих.

Мышление

Паранойяльный — человек творческий, но со своей спецификой. Паранойяльное творческое мышление зависит от организации мыслительного ассоциативного ряда, а он недостаточно широк и ограничен узкой направленностью личности паранойяльного.

■ *Например, эпилептоид на слово «верная» даст страндартную ассоциацию «жена» («верная жена»). Шизоид быстроотреагирует, допустим, словом «гибкость» или словами «масть», «эмоция». Связи между вспомнившимися словами есть, но нежесткие: «верная гибкость» (не подводящее человека качество), «верная масть» (в картах), «верная эмоция» (то есть адекватная).*

Паранойяльный же ответит что-нибудь вроде: «верная политика», «верная мысль», «верная рука» — то есть в духе его политических революционных интересов.

Творческое мышление паранойяльного человека — сугубо целенаправленное, а сам процесс мышления, его «побочные» продукты паранойяльному не интересны, он отбрасывает их, коль скоро они противоречат его целевой идее, в то время как именно они могут оказаться более продуктивными. Может статься, он и попытается опровергнуть противоречащую идею, но не станет разрабатывать ее ради интереса, как это сделает **шизоид, которому важен не результат, а процесс**.

Паранойяльному важен результат, а не процесс.

Ход творческого мышления у паранойяльного носит как бы принудительный характер. Все подгоняется под основополагающий тезис. Вот шизоид — тот творит свободно, как птичка поет, бессистемно, он парит в заоблачных высотах своих абстракций.

Мышление паранойяльного обычно достаточно последовательное и одностороннее. Он копает глубоко **в одной точке** — там, где ему интересно и где нужно копать для достижения поставленной цели. Здесь он сходен с эпилептоидом, с той, впрочем, разницей, что эпилептоид цели не формулирует, а осуществляет

цели, поставленные перед ним кем-то со стороны, скорее всего, паранойяльным лидером. При этом эпилептоид копает не так глубоко, но в нескольких местах.

Паранойяльный ставит цели и перед собой, и перед людьми, принадлежащими к другим психотипам. Ему удастся вести их за собой, если они сами не принадлежат к паранойяльному психотипу: те упрутся и с неистребимым упорством тянут в свою сторону.

Подобно эпилептоиду, паранойяльный видит перед собой мало альтернативных вариантов — только свою полюбившуюся ему мысль. Он закрыт и для идей со стороны. И если другие люди указывают ему на противоречия, он просто отмахивается от них. Его логика искажается его психологией. Паранойяльный может выкручивать руки логике с помощью софизмов (преднамеренных логических подтасовок) и паралогизмов (неосознанных логических ошибок). И, в отличие от истероида или гипер-тима, которые просто пренебрегают тем, что их уличили в логической передержке, он выкручивается, чтобы сохранить свое лицо. Поэтому в отношениях с ним ничего не надо подразумевать, а надо все проговаривать и уточнять.

Если договорились, то ему труднее будет вывернуться; но договоренность лучше зафиксировать, причем так, чтобы исключить противоречия в толковании, поскольку любые противоречия паранойяльный толкует, разумеется, в свою пользу.

■ *В чем-то паранойяльный человек выигрывает в наших глазах: целеустремленность тоже немало стоит. Но в чем-то и проигрывает: ведь решение проблемы может лежать совсем не «вперед», а «слева» или «справа», но он уперся и — «Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!». Но нельзя же так вот действительно только вперед. Пусть хотя бы «вперед и вверх» (как у Высоцкого: «Вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы, — они помогут нам»). А вообще-то, и вправо надо иногда посмотреть, и назад не грех оглянуться.*

Цели паранойяльного всегда связаны с какими-то **идеями**. А вот собственных идей у паранойяльной личности не так уж много, так что, повторим, приходится заимствовать их у шизоидов. Это шизоиды — генераторы идей. А паранойяльный облюбовывает три-четыре идеи шизоидного автора, цитируя со ссылками, а то и без них, а иногда трансформирует идею достаточно радикально, даже до неузнаваемости. Но почти всегда **мысль асоциально мыслящего шизоида паранойяльный переводит в социально значимую плоскость**, и в конце концов эта мысль приводит к каким-то социальным переменам.

■ *Ну, например, гегелевскую триаду «тезис — антитезис — синтез» Маркс превратил в триаду «первобытный коммунизм — классовое общество — Марксов социализм-коммунизм». Ну а уж социализм надо строить, обязательно «отряхнув прах» старого мира.*

И вот появляется понятие «могильщик капитализма» и т. п. Гегель тут выступает в роли шизоида, а Маркс — в роли паранойяльного. А эпилептоид с истероидными включениями Энгельс переводил Маркса «с немецкого на немецкий» для широкой публики, для «масс» (по паранойяльной терминологии).

Всем людям свойственно творческое озарение, интуитивная догадка, инсайт. Но паранойяльный свой инсайт возводит в абсолют, для него это уже и не инсайт, а Инсайт или даже ИНСАЙТ. И все теперь работает на подкрепление этого инсайта, все аргументы «за» подшиваются, все аргументы «против» выбрасываются в корзину. Он не склонен к самокритике и принятию критики его предложений со стороны, к экспериментальной проверке своих позиций. Если паранойяльный испытал **инсайт, озарение**, то всему конец: с позиции усмотренной им истины все другие противоречащие ей мысли отменяются как ложные, вредные для человечества. Он считает безукоризненной свою систему и все другие системы неправильными. Для него гениальность его доктрины самоясна, так же как его паранойяльным противникам ясна ее вздорность. Два паранойяльных в подобном споре напоминают двух слепоглухих,

ибо они ничего не видят, ничего не слышат, кроме своей позиции. Но отнюдь не немых, поскольку, в отличие от «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», они не просто говорят, а выкрикивают свои тезисы — будь то антикатолические тезисы Лютера, тезисы Маркса о Фейербахе или «Апрельские тезисы» Ленина.

■ *Часто паранойяльный, в отличие от психастеноида, и даже эпилептоида, и даже шизоида, разрабатывает свою систему лишь в самых общих чертах, он не склонен продумывать «мелочи». Когда его спрашивают: «А это как? Не будет ли здесь трудностей?» — он заявляет, что это детали, а детали — не его задача. Его задача — дать генеральную линию, направление, парадигму. В то же время нередко дело именно в деталях.*

Он зачастую не задумывается, а как будет, если не получится то-то или если появятся такие-то новые обстоятельства, но тем не менее добивается введения своей системы на всем предприятии, во всем городе, во всей стране, во всем мире.

Это может быть очень опасным для нашего общества и даже человечества в целом. Паранойяльные организаторы науки — атомщики, разрабатывая атомное оружие, не задумывались над тем, какую угрозу всему миру они несут, они не задумались, что атомное оружие попадет в руки паранойяльных же политиков. Эта непродуманность чревата началом конца света. Ленин, движимый с виду добрыми чувствами к народу, безответственно захватил власть, ввел государственный социализм и превратил благородную идею устранения капиталистической эксплуатации в ее противоположность. Он не продумал мелочей и не предвидел, что в результате сложится еще более жестокая система эксплуатации, да еще и ГУЛАГ в придачу. Устраивается грандиозный эксперимент сразу над множеством людей, над страной, над человечеством. А если предупреждаешь паранойяльного о возможных опасностях, он впадает в ярость.

Случается, паранойяльный берется за художественное творчество. Тут он проводит опять-таки свои идеи, иногда в достаточно прямолинейной, а то и вовсе в безвкусовой манере. Вспомним «Что делать?» Чернышевского.

Не его это дело — художественное творчество. Но паранойяльный полагает, что **его**. И вот мы вкушаем прямодушный помпезный символизм: «Песня о Буревестнике» или «Песня о Соколе», Данко, вырывающий свое сердце, чтобы осветить путь людям. Но это все как бы ранний паранойяльный Горький. А потом, помудревший, он будет писать «Клима Самгина», эпопею русской предреволюции — и ни звука о последствиях революции. Паранойяльный человек тоже обретает опыт и глубину.

Интероргтехника

Творчество паранойяльного часто (хотя и не всегда) хорошо организовано. У него, как правило, хорошо разработана библиография, научный аппарат, цитирование со ссылками. У паранойяльного в большинстве случаев много интероргтехники (как и у эпилептоида, но не у шизоида). Почему только «как правило»? Потому что, пока он не Цезарь, а Брут или Кассий, которым лавры Цезаря не дают покоя, он заставляет себя аккуратно вести научный аппарат (чтобы потом получить возможность заставлять делать это других).

Паранойяльный творец — изобретатель в области интероргтехники. Прочитав что-нибудь о ведении ежедневника и картотек, он соединяет картотеку и ежедневник в единое целое, в результате получает обзорность ежедневника и заменяемость карточек картотеки.

■ *Известный писатель, паранойяльный до мозга костей, в концлагере изобрел систему запоминания целых романов, сочиненных им. А став богатым человеком, в громадном зале держал громадный стол, на котором лежали по своим местам стопки рукописей и где все легко можно было найти, каждая рукопись была легко доступна при необходимости.*

А другой, значительно менее богатый паранойяльный автор соорудил у себя в квартирке стол, занимающий половину самой большой (14-метровой) комнаты. В середине стола было помещено вертящееся кресло, так что стол окружал его со всех сторон, и оттуда был лишь один узкий выход, который, впрочем, замыкался каталкой с дополнительной к компьютеру пишущей машинкой. А над столом на стенах были полки с хитрыми устройствами для хранения и поиска нужных рукописей. Но это еще что! Вот пример более классический.

■ *В коммунальной квартире, в единственной комнате, жили молодой непризнанный ученый и его мать. Дело было в период застоя, когда в каком-то году ожидался и произошел парад планет. Этот младший научный сотрудник, будучи астрофизиком, сделал аппарат, чтобы зарегистрировать какие-то особенные гравитационные закономерности. Установка занимала всю центральную часть комнаты. Чтобы ею управлять, надо было подходить к ней со всех сторон, так что к столу возле окна приходилось с трудом протискиваться между установкой и кроватью, а с другой стороны от нее помещалась раскладушка матери.*

Нет, это был не душевнобольной человек. Надо сказать, что и мать верила в значение его будущего научного открытия, да и сотрудники его мне говорили, что его гипотеза и средства проверки вполне адекватны. А парад планет бывает чуть ли не раз в сто лет.

Внедрение идей

Если шизоиду нужен для проталкивания его идей импресарио, «ракета-носитель», то паранойяльные люди сами пробивают лбом стену, сами организуют группы, партии. Так, группа «Освобождение труда» превратилась в РСДРП благодаря деятельности Ленина.

(Почему мы так часто вспоминаем о Ленине? Разве нет других паранойяльных? Есть. Но Ленин как бы больше изучен, оставил достаточный след в истории, да и идеи его насаждались моему поколению, так что вот я этим и пользуюсь.)

Внедрение идеи паранойяльным происходит и путем навязывания бесед с любым встречным. Даже если это «опасные» идеи. Поэтому паранойяльного легко ловить правоохранительным органам.

■ *Я знал человека, который при брежневском режиме в период десантного захвата Праги советскими танками тут же начинал с любым знакомым и малознакомым говорить о «вторжении советских войск в Чехословакию».*

Все «нормальные люди» от него шарахались и старались держаться подальше. Но паранойяльный не довольствуется такой индивидуальной агитацией. Он старается бывать в уже организованных группах. А там и с трибуны, и в кулуарах громко или заговорщицким шепотом старается донести свои идеи.

Память

Паранойяльный хорошо запоминает все, что относится к его делу. Он умеет организовать свою память, делает многочисленные записи, употребляет мнемотехнику (напомним, писатель в ГУЛАГе запоминал целые свои романы наизусть). Но он невнимателен ко всему, что не касается этого дела. Похоже, что все остальное не просто оттесняется, а скорее **вытесняется психозащитными механизмами из сознания**. Паранойяльный отец, например, с задержкой вспоминает о дне рождения дочери: ведь надо думать о подарке, о том, чтобы устроить празднество. Но он мгновенно припомнит факты, которые должны стать аргументами в полемике с коллегами. Один паранойяльный диссидент встречался с сыном и накануне, и после дня рождения сына, но ни словом не обмолвился об этом. Я присутствовал при обеих встречах. Спросил сына: «Ты как-то не отреагировал на отсутствие поздравлений...» Тот махнул рукой: «Бесполезно, он и о своих днях рождения не вспоминает».

Эрудиция

Какова эрудиция паранойяльного? В области, непосредственно относящейся к развиваемой им доктрине, она фундаментальна. Он производит глубокие изыскания в литературе по интересующему его узкому вопросу. Он не просто прочитывает нужные места в книгах, но делает пометки и пространственные записи на полях, подчеркивает, выделяет рамками, дает оценки, комментирует. При этом он пишет не только на принадлежащих ему книгах, но и на чужих, библиотечных («цель оправдывает средства»).

■ *Я с ужасом увидел, как мой знакомый в квартире другого моего знакомого, взяв с полки роскошное издание «Ада» Данте, сделал там пометки на толстой мелованной бумаге. Я повертел пальцем у виска —*

дал ему понять, что он, мол, делает... «Да, правда, нехорошее впечатление будет, — сказал тот и выдрал из книги лист со своими записями. — Тем лучше, не надо будет приходиться сюда еще раз».

Часто паранойяльный человек конспектирует книги, делает выписки, составляет свои каталоги. То есть он **прорабатывает** материал. Паранойяльный, можно сказать, **широко и глубоко эрудирован в каком-нибудь одном вопросе**. В области общей культуры он обычно знает немного. «Некогда, надо дело делать, а не глазки строить». Ленин, например, говорил, что он не знает ничего прекраснее «Аппassionаты» Бетховена, потому что он вообще мало интересовался искусством и литературой, зато был убежден, что они должны быть партийными. А 23-ю сонату знал, скорее всего, потому, что ее играли сестры. И о «Прозаседавшихся» Маяковского он говорил, что не знает, как насчет поэзии, но с точки зрения политической очень верно.

Речь

Речь у паранойяльного в основном понятная, он доносит мысль. Дикция обычно хорошая, если даже есть какие-то дефекты произношения, речь внятная, членораздельная. **Говорят** паранойяльные **убежденно и убедительно**, с напором. Часто перебивают собеседника, но себя перебить не дают. Если их пытаются перебить, они форсируют голос, ускоряют темп. Голос у них чаще громкий, слышимый на всю округу. Паранойяльный мало обращает внимания на то, что мешает жить другим, может разговаривать с кем-нибудь ночью (срочный гость или звонок по телефону), не заботясь о спящих.

Речевое оформление мысли у паранойяльного достаточно четкое и понятное. Но он хуже, чем эпилептоид, структурирует свои устные высказывания. Если говорить о письменной и печатной продукции, он менее аккуратно излагает свои мысли — из-за недостатка времени на их обработку (слишком много дел). Он может злоупотреблять вводными предложениями, причастными и деепричастными оборотами, скобками, сносками. Это обусловлено отчасти завышенной самооценкой: каждый поворот мысли, каждая деталь кажутся ему важными для читателя.

Паранойяльному свойственна самодостаточность с пренебрежением к высказываниям других. Он не говорит, он изрекает. «DIXI! (Я сказал!)» — так говорил Цезарь. И за ним должны записывать, как записывали за Цезарем.

Речь у паранойяльных, надо оговориться, не всегда хорошая, иногда она торопливая или замедленная; паранойяльные могут быть и неговорливы. У них бывает картавость или другие не очень выраженные дизартрические явления. Это вплетается в их комплекс неполноценности, который обсуждался в этой главе особо.

Секс, любовь, брак, семья

Паранойяльный человек в принципе сексуален и даже сластолюбив, но он, как уже говорилось, способен пожертвовать своими желаниями. Он может отказаться от любовного свидания, отказаться от сексуального соблазна, даже если он исходит от красивой женщины, когда на чаше весов — доклад о его достижениях. И любовь у него хотя и не совсем побоку, но все же сбоку.

■ В романе «Остров пингвинов» Анатоля Франса выведен один депутат, которого облюбовала в качестве будущего мужа некая тоже волевая дама. Однажды она принимала его у себя дома и всячески обхаживала, а у того впереди было некое важное собрание; он несколько раз вскакивал, но она его удерживала снова и снова ласками и кокетством.

Все-таки, когда времени уже было в обрез, он вскочил и умчался, а дама, оценив его деловитость, укрепились в своих намерениях добиться, чтобы он стал ее мужем. (Для прочитавших роман поясню: дама эта — истероидка, но самоуправляемая, а ее поведение можно назвать манипулятивным.) Даже такая серьезная вещь, как женитьба, брак, отступает у паранойяльного перед деловитостью. Вспомним замечательный рассказ О'Генри «Маклер женится». О, О'Генри! Роскошь мягкого гуманистического юмора. Герой забыл, что уже обвенчался с секретаршей, и снова предлагает ей руку и сердце.

В сексуальных отношениях паранойяльный не гонится за красотой, хотя, когда достигает высот, может и покрасоваться, как истероид: смотрите, у меня лучшие женщины. По его мнению, это женщины

должны ценить его и гоняться за ним. Но это наступает потом, а когда он еще на взлете, он предпочитает сексуальные отношения с такой женщиной, которая будет для него одновременно машинисткой или устроит его быт, чтобы сам он мог спокойно творить.

■ У меня был ну весь из себя паранойяльный знакомый. Он снимал комнату под лестницей, как Раскольников, правда, не в Петербурге, а в центре брежневской Москвы, и спал там на продавленном диване, положив голову на продавленный же валик (никаких тебе подушек). Писал диссертацию по физиологии, которая должна была перевернуть всю медицину своим новым подходом... Подрабатывал, чтобы платить за комнату, на полставки участковым психиатром в моем (я там проработал много лет) психоневрологическом диспансере, а по совместительству — сторожем в соседнем магазине.

Пути наши разошлись, а лет через пять встречаю я его одетым с иголки, чуть ли не с бриллиантовой заколкой на галстуке. «Хау ар ю?» — спрашиваю. «Отлично, старик». — «Что, женился, вижу? — показал я на его обручальное кольцо. — Ну и кто она?» Так он мне ответил: «Печатает десятью пальцами слепым методом, переводит на три языка!»

Вы поняли: не тремя пальцами под контролем зрения, а «десятью» и «слепым», и не с трех языков, а «на три»! Потом как-то я ее увидел. И подумал, что лучше самому выучить пять языков, чтобы переводить на них с русского самостоятельно, и печатать свои статьи одним пальцем, чем на такой жениться.

Итак, как было сказано выше, жена у паранойяльного — как правило, машинистка, дети — курьеры, теща — домработница. Впрочем, жене может быть отведено и более почетное место: переводчика, редактора, импресарио. Детям может быть поручено верстать на компьютере его книжки. А теще — принимать почетных гостей. Ну а если жена не хочет быть редактором его рукописей, то ему в пору прочитать фрагмент из монолога Самозванца:

*Не будешь ты подругою моею,
Своей судьбы не разделишь со мною;
Но — может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.*

Дети, если не захотят быть помощниками, подвергнутся родительскому проклятию. Паранойяльный — скорее вождь, чем родитель. Ну а теща если не пожелает быть домработницей или даже хозяйкой его домашнего салона, то она «глупая тупая мешанка, о чем можно разговаривать с таким человеком».

Семья для паранойяльного — это вообще не самое главное. Семья у него может быть, а может и не быть. Если семья нужна сейчас для продвижения его дела — он может ее создать или хотя бы просто позволит себя женить. Но он не опора для семьи. Он ненадежен, иногда даже безответствен. Чужие люди для него могут быть важнее и интереснее, чем жена и дети и тем более чем дальние родственники.

Если жена придерживается иных точек зрения, то вероятны конфликты, которых можно избежать: пусть оба освоят психотехнику общения и сбалансируют отношения. Впрочем, паранойяльный женится обычно на той, которая поддерживает его взгляды и образ жизни, которая может действительно помогать, играя роль, как мы уже говорили, импресарио, экономки, машинистки, редактора. А эти роли больше сродни эпилептоидке, истероидке, ну в крайнем случае гипертимке. И все же, как бы ни исполняла жена отведенные ей роли, он постоянно находит причины для недовольства, и нередко семья рушится. Разведясь, он бросается в новые отношения, новая жена начинает играть эти роли поначалу, с его точки зрения, лучше, и он совершенно забывает прежнюю жену и детей. Он мало общается с ними, если только в его паранойяльную систему ценностей дети не попадают как нечто особо важное. Тогда он борется за свои отцовские права и занимается ребенком, несмотря на развод. Новая жена этому чаще всего сопротивляется, но он более или менее успешно борется с нею.

■ Опять повторимся: красота жены важна для паранойяльного, но гораздо более важны ее деловые качества. Так что? женщины, не преуспевающие на поприще фотомоделей, не отчаивайтесь, ищите своего паранойяльного, заверьте его в своей преданности, помогайте, и муж со всеми плюсами и минусами паранойяльного деятеля вам практически гарантирован.

Паранойяльный муж может изменять жене, если это не сильно мешает или даже помогает его делу. Он прощает себе свои измены, полагая, что имеет моральные основания быть более счастливым, так как служит всему человечеству. А если изменит жена, то он переживает, не прощает, считает ее

предательницей, склонен резко разорвать отношения, а уж если она уходит сама, то мстит ей, поносит ее в кругах общих знакомых, презирает, расценивает ее поступок как меркантильный.

Впрочем, паранойяльный ревнует не смертельно, у него главное — работа, и крах отношений для него не так страшен, как для эпилептоида.

Паранойяльный, как и эпилептоид, в принципе предпочитает красивых пластичных истероидок. Он любит красоту, любит владеть красотой и любоваться красивой женой, он гордится ею, хвастает перед обществом. Среди женщин больше истероидок, чем других психотипов, поэтому сочетание «паранойяльный плюс истероидка» — не редкость.

■ *И вот муж загружен работой, устает, ухаживать за женой некогда, и нет сил, а ей нужны фиалки, духи, вздохи, комплименты. Цветы — дорогое удовольствие, и надо все время держать в памяти, что следует их купить. Л он тратит деньги на ксерокопирование и на международные телефонные разговоры. Ей нужны выходы в свет и приемы гостей, а ему неинтересно, да и некогда. Ладно, если отсутит жену в воскресенье с детьми, но сам работает.*

И вот начинается: «ты меня, не любишь» и «смотри, как я нравлюсь другим», слезы, капризы, измены. Он решителен и рвет отношения — так же, как скорее вырвет больной зуб, чем будет его лечить.

Пухленькая сензитивочка вроде бы легче в общении. Но истероидка — более активная помощница, вывеска семьи, импресарио. Казалось бы, оптимальный вариант — жена-эпилептоидка. Но она, при ее законопослушности, может не пойти на его авантюры, и это станет камнем преткновения в их отношениях. («Для тебя более важны дурацкие предрассудки, безнравственные законы, а не муж-богоборец».)

В общем, **паранойяльные люди тяжелы не только для сотрудников, но и для семьи.** Конфликты у паранойяльного будут в любом случае. И задача — их минимизировать.

Детьми паранойяльные занимаются мало, в основном дети воспитываются на собственном примере. Отец сидит над текстами не разгибаясь или погружен в орграбату, и сын включается в это. В промежутках — обсуждение дел, и сын вовлекается в него. Но специально проверять дневники, ходить на родительские собрания, решать с ребенком арифметические задачки — это увольте.

Паранойяльный не слишком ограничивает свободу передвижений ребенка и подростка, не опекает его сверх меры, и дети паранойяльного более самостоятельны. Он уравнивает эпилептоидную или истероидную мать в рвении к ограничениям свободы сексуальной жизни сына и дочери. Он считает: пусть ребенок сам учится на собственных ошибках, за одного битого двух небитых дают. В детских конфликтах учит своего давать сдачи, не давать спуска врагам, сопротивляться, иногда даже тренирует в боевых искусствах с целью самообороны и для будущих классовых и национальных войн.

В сексе паранойяльный, как правило, отнюдь не ханжа. Он, правда, тоже несколько зависим от общепринятой морали, ограничивающей сексуальность, но его рамки шире, и он старается их раздвинуть, в отличие от эпилептоида, который принимает навязываемые обществом рамки. Паранойяльный, как гипертим и истероид, обычно приемлет эротическое искусство, склонен к «сексуальным экспериментам». Он способствует реформированию сексуальной морали в духе снятия запретов. Но это теперь и в противовес сегодняшнему тоталитаризму других паранойяльных, а, например, в начале нашей эры паранойяльные могли проповедовать сексуальное закрепощение.

■ *Гениально показал противоречивость сексуальных переживаний паранойяльного религиозного подвижника в те далекие времена глубокий и утонченный Анатолий Франс в романе «Таис». Монах Пафнутий (дело происходит на заре христианства в сексуально раскрепощенной Александрии) решает спасти, обратить ко Христу знаменитую и богатую куртизанку Таис. Его молитвами она обращается к Богу и умирает просветленная. Но Пафнутий понял, что любит ее плотской любовью, как бы он ни умерщвлял свою плоть, и проклял Бога за то, что тот взял Таис к себе и отнял у него.*

Если рассуждать о системе «мазохизм — садизм», то паранойяльный скорее склонен к садизму. Он **подчиняет** сексуального партнера. Это может парадоксальным образом проявляться и в его общественной деятельности: запреты, которые он вносит в общественные установления, имеют садистический характер, и он получает наслаждение от того, что насильственно запрещает наслаждаться другим. Во времена сталинского режима запрету подвергались почти все достаточно невинные по сегодняшним меркам сексуальные проявления.

Как и эпилептоид, паранойяльный мужчина склонен к нормальному (не принудительному) вуайеризму. Он хочет **видеть обнаженную женщину** в очень откровенных позах. И это может гармонично сочетаться с эксгибиционистскими тенденциями истероидки. Паранойяльный предпочел бы расцвеченную сексуальность, но ему некогда этим заниматься.

Дом

Если у эпилептоида **«мой дом — моя крепость»**, то у паранойяльного дом — мастерская. А он Мастер. И «Маргарите» в этой мастерской отводится только метла, для которой и угла-то своего нет, так что «Маргарита» может только парить на метле в пятом измерении. И не дай бог кому-нибудь что-нибудь сдвинуть, хотя бы и с благой целью протереть пыль. Гром и молния на голову святотатца!

Паранойяльный муж первым делом устроит себе место для работы, а чтобы он вынес мусорное ведро, ему надо постоянно напоминать. В то время как эпилептоиду не надо говорить о чисто мужской работе: он сразу врежет замок, сам наладит электропроводку.

Паранойяльные часто переезжают на новое место жительства—в связи с зигзагообразностью карьеры или для завоевания все большего социального пространства.

Паранойяльный — вообще **человек недомашний**. Прежде всего потому, что у него часто вовсе нет квартиры, он переселяется в больший город из меньшего, из большого города в другой, побольше, а потом и в столицу. И, понятно, с квартирами у него не ладится. Он то снимает жилье, то скитается по друзьям-адептам. Как у поэта Мартынова: «На потертых диванах я спал у знакомых, приклонивши главу на семейных альбомах». Но даже если к паранойяльного появляется квартира, то это **штаб-квартира, мастерская, а не дом**. Там нет супов, приготовленных из курицы, а только растворимые бульонные кубики. В квартире грязновато, под диванами ключья пыли, на коврах могут быть если не комья уличной грязи, то упавшие спички, сигаретный пепел.

При такой неналаженности быта бросается в глаза и то, как он питается: урывками, всухомятку, часто «за столбом», а не за столом. В еде непритязателен, для него не так важна горячая пища. То, что приготовила жена, он проглатывает на ходу, не говоря спасибо и не сетуя, в отличие от эпилептоида, на отсутствие хорошей домашней кухни.

■ *Отдыха как такового у паранойяльного практически не бывает, но он может поехать на какие-то конференции-сходки в загородный пансионат или на берег моря и там в те дни, пока идет конференция, может поплавать в море или в бассейне. Он часто не берет очередной отпуск — не знает, как его провести. На отдыхе, организованном по воле жены, он работает — пишет, звонит в «штаб» по «межгороду».*

Он не слишком часто моется в душе, ванне, бане — некогда. Паранойяльный идет мыться, если жена пять раз скажет, что ванна готова. Хотя вообще-то он не прочь попариться, посиба-ритничать, особенно когда достиг «высшей власти».

Паранойяльный иногда занимается физкультурой или даже спортом, но обычно не для самоутверждения, а для того, чтобы поддерживать себя в форме или устранить дефекты. Может заняться даже и бодибилдингом ради успеха у женщин. Паранойяльные люди могут заняться профессиональным спортом.

Паранойяльный мало развлекается. Развлечения жены и детей считает блажью, отвлекающей отдела. По этому поводу у него с семьей частые конфликты.

Телефон

Энергетика и целеустремленность паранойяльного диктуют и такую, например, ситуацию. У него телефон всегда под рукой. Он снимает трубку при первом же звонке, даже ночью. Он мгновенно пробуждается, мгновенно приходит в состояние алертности (готовности к действиям) и тут же начинает «работать» по телефону.

■ *Для сравнения: эпилептоид снимает трубку на пятый гудок, гипертим может вовсе не снять трубку, если веселится, — «гулять так гулять», пусть себе звонят.*

Вообще телефон для паранойяльного имеет особое значение. Создается даже такое впечатление, что не телефон при нем, а он при телефоне. Сегодня для него особенно привлекательны сотовый телефон, пейджер. Это дает большие возможности. Но эти средства связи являются также атрибутикой респектабельности, богатства, поэтому мы часто видим истероидов, которые демонстрируют на улице, как они «работают» по сотовому телефону: смотрите, дескать, какой я деловой и какой богатый. Впрочем, и паранойяльному тоже свойственны истероидные наслоения.

Его слабость — не только телефон, но и в целом все средства связи. В любом городе он прежде всего посетит почту и вокзал, а не ресторан, как это сделал бы истероид.

Хобби

У паранойяльного хобби и вовсе отсутствует. Ему некогда заниматься чем-то, кроме его дела. Можно сказать, что его хобби — это варианты работы, связанной с его делом: написать облегченную версию трудной книги или заняться интероргтехникой, приведением в порядок архива... И животными паранойяльный не интересуется, если это не его профессия.

Деньги

Их у паранойяльного человека почти никогда нет. Он не бережлив. Когда есть деньги, он их тратит, больше на свое дело, но может и пошиковать — не только гипертиму «гулять так гулять» (это, скорее всего, в нем говорит истероидное). Он звонит по междугороднему телефону, транжирит электричество, тратится на такси, ксерокопирование, дорогостоящую еду в ресторанах. При этом опять-таки он может делать это за счет других людей.

Он растрчивает случайно попавшие к нему чужие деньги — и не старается их восполнить.

■ *Вытряхивает деньги из своих адептов — наподобие Остапа Бендера, когда тот говорил, что «заграница нам поможет». Но Остап мошенничал в духе своего истероидного психотипа, а паранойяльный делает это, искренне считая, что работает на всеобщее благо.*

Долги паранойяльный может зажать: ведь он тратит деньги на «общее» дело, на «революцию», на организацию, что его как бы оправдывает.

Он не боится лишиться доверия кредиторов — будут другие, он их навербует. А вот у него одолжить трудно. Денег у паранойяльного или нет, и он сам в долгах, или у него уже запланировано их использование.

Счет деньгам паранойяльный не ведет, тратит по мере получения. Иногда он склонен считать деньги в чужом кармане и может потребовать их для нужд общего (то есть, в сущности, его) дела.

В семье паранойяльного из-за его трат на нужды дела постоянно возникают конфликты, так как часто не хватает на жизнь, особенно если жена — истероидка. Если она эпилептоидка (партай-геноссе) и поддерживает мужа в его начинаниях, конфликтов может быть меньше. Он тратит деньги на чужих людей, нужных для дела, а своей семье — ноль. То есть он в одном лице и растратчик, и прижимистый — растратчик для чужих и нужных, прижимистый для близких и «ненужных», которые и так будут его терпеть.

В целях психологической коррекции имеет смысл, помимо договоренностей об основных целях семьи, выделить определенную сумму на бытовые расходы, а остальные деньги разделить в процентах или абсолютных суммах, которые муж и жена тратят по своему усмотрению, чтобы произошла как бы «компартамента-ция» (от английского «compartment» — купе), то есть своего рода разделение на отсеки, в каждый из которых другой не вторгается. Паранойяльный склонен делать заначки из не учитываемых женой денег. Это дает пищу для дополнительных конфликтов. Лучше поэтому договор: все, что появляется сверх плановых заработков у каждого, тратить по собственному усмотрению.

Имидж

Это то, что бросается в глаза в первую очередь. Ведь поступки мы замечаем позже. Поэтому интересно, как выглядит паранойяльный человек.

Телосложение у паранойяльных весьма разнообразное, но с теми или иными видимыми или скрываемыми дефектами. Это может быть очень низкий или очень высокий рост, непропорциональная полнота или худоба, длинная шея или ее отсутствие и т. п.

Лицо обычно не очень правильное, с более, чем в норме, выраженной асимметрией, некоторые черты преувеличены или преуменьшены, иногда, впрочем, вполне импозантное лицо. Часто — строгое, сосредоточенное, с вертикальными складками на переносице.

Кожа у него не такая ухоженная, как у эпилептоида или исте-роида, так что могут быть угри, прыщи, землистый цвет, но это менее выражено, чем у шизоида, который не ухаживает за кожей и здоровье которого в принципе «не способствует» тому, чтобы кожа была чистой. В пожилом возрасте на лице паранойяльного, как и у эпилептоида, появляется сеть мелких сосудиков.

■ *Как правило, бросается в глаза его безразличие к одежде. Часто на нем замусоленный галстук, у пиджака засаленные лацканы и карманы; накладные клапаны на карманах засунуты внутрь. Все это не очень сильно выражено, видна неаккуратность, но в меру.*

Он отстаёт от моды года на 3—4, одевается в духе легкого или чуть более далекого **ретро** или использует строгий классический стиль, как у эпилептоида: темный костюм, галстук, светлая рубашка. Но одежда при этом может быть в той или иной степени помятой, галстук не затянут или его вовсе нет, ворот расстегнут, пиджак тоже (у шизоида, для сравнения, может быть расстегнута и ширинка). Если паранойяльный стал важным «боярином», то он может и одеваться «по-боярски», но по совету жены или лакеев. Паранойяльные не отличаются разнообразием в одежде, привыкают к ней, им некогда сменить ее, легче и быстрее надеть то, что снял накануне. Типичное явление — **униформа**, которую паранойяльный навязывает и подчиненным. Часто это френч или иные военизированные модели.

Одежда паранойяльного нередко призвана скрыть недостатки: низкорослые, например, становятся на каблуки, носят высокие головные уборы.

Паранойяльный не всегда выбрит. А если побрит, то кое-где могут торчать недобритые волосы — ему некогда. Стрижется редко, когда уже явно пора. Прически простые, без выкрутас.

Нередко носит бороду — тоже иногда из-за «некогда». Но не только: борода увеличивает лицо, скрывает маленький «неволевой» подбородок, придает агрессивность, если она короткая и остроконечная, как у Ленина. Борода — это еще и своего рода признак нонконформизма, бунтарства. Но это теперь, когда больше голых мужских лиц. А когда бороды были у всех и бояре хвастались длиной бороды, паранойяльный Петр I сам брился и им бороды стриг!

Движения паранойяльного часто порывисты, он энергично жестикулирует, стучит по столу, опирается руками на трибуну.

Выбрасывает руку вперед, указывая путь «в будущее» или направляя на кого-либо свой указующий перст: «кто виноват» и «что делать». Он бывает очень подвижен, даже вертляв. Но может быть и нарочито величественно спокоен, когда другие суетятся; после произведенного впечатления он может медленно собрать папку с бумагами или не спеша раскрыть портсигар и закурить сигарету, намеренно спокойно раскурить трубку.

Паранойяльный обычно несветский человек. Он не целует дамам руки, высмеивает тех, кто это делает, презирает смокинги» иногда даже галстуки.

■ *Танцы — не его стихия, он ими пренебрегает (это ведь несерьезное занятие); если все же приходится танцевать, делает это неуклюже и старается быстро перейти на другие виды светского общения. В ресторане — застольная деловая беседа, и только. В клубах в карты не играет, в рулетку тоже. Можно заключить, что в целом имидж паранойяльного человека отличается определенной небрежностью — ему некогда.*

Но — только в целом. Он может и, наоборот, находить во всем этом одно из средств для процветания, успеха в достижении своих целей. Максим из кинотрилогии о Максиме даже в бильярд ради дела научился играть. Если очень надо для успеха начинаний, если паранойяльный понимает, что встречают по одежке,

что от имиджа зависит карьера и любовь, он следит за собой, уделяет внимание аксессуарам. Но паранойяльный есть паранойяльный, он, даже понимая, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей», может заявить: любите меня таким, какой я есть. В то же время одежда, прическа, ногти и тому подобное легче поддаются в нем коррекции, чем громогласность, стремление перебивать собеседника, навешивать ярлыки.

■ *Любопытно отметить: притом, что паранойяльные вполне самостоятельны и даже навязывают свои вкусы и взгляды, они хотят быть похожими на кого-нибудь из общепризнано великих людей, на пророков прошлого: на Иисуса Христа, на Маркса — но отнюдь не на своих современников, здесь они поистероидному стараются отличаться и быть оригинальными.*

Отнесем к имиджу и **почерк**. Он у паранойяльного человека рваный, размашистый, буквы угловатые. Рукописи паранойяльного часто трудно разобрать, много сокращений. Они понятны только ему самому и «посвященным». Поэтому паранойяльный старается обрасти секретарями, которые все в нем знают и приемлют. Подпись часто оригинальна и витиевата, иногда символична.

Псевдонимы

Паранойяльные нередко берут псевдонимы. Причем это не для целей сокрытия своего имени, а для значительности. Потому что это почти всегда псевдоним со значением. Я не знаю, почему В. И. Ульянов стал Лениным (лениноведы молчат), но это то самое исключение, которое подтверждает правило.

■ *И в самом деле, вот выразительный набор псевдонимов русских революционеров и революционных писателей: Сталин, Каменев, Свердлов, Молотов, Горький, Скиталец, Бедный, Голодный, Багрицкий... Маяковскому повезло с его собственной фамилией. А вот кому-то не хватило символов (расхватали?). И Лев Бронштейн стал Троцким (но звучит как выстрел). А Юлий Цедербаум — Мартовым (в этом что-то весеннее).*

А вообще смотрите: Сталин, Каменев — в чести твердость, несгибаемость, а не мягкость и гибкость. «Что такое несгибаемый большевик? Это большевик, который не может согнуться» (этот мрачный анекдотик я придумал во времена социально-маразматической геронтократии). Но вот уже не шутка: один известный диссидент, ровесник «Великого Октября» (что он всячески всегда лю-| бил подчеркивать), взял себе псевдоним, который потом, выйдя ; из подполья, стал просто добавлять к фамилии: Адастров. Это от per aspera ad astra — «через тернии к звездам». А другой инакомыслящий паранойяльный философ советских времен добавил к своей фамилии продолжение «Танин» (умерла любимая дочь Таня, причем после ее смерти он поклялся никогда не говорить неправды). Паранойяльные могут быть сентиментальны, а не только жестоки: вот надо было показать любовь к дочери — это человечно.

■ *Маленькая ремарка. Не следует расценивать эту иронию как осуждение. Часто псевдонимы действительно грешат безвкусицей, но бог с ними, лишь бы молот не разбивал головы, а сталь не рубила бы их. Кстати, иногда эта безвкусица становится видна лишь позднее (ведь лицом к лицу лица не увидать).*

Даже глубоко мысливший писатель Алексей Максимович Пешков поддался на провокацию эпохи и чуть ли не первым начал всю эту смешную историю с псевдонимами.

Любовь к псевдонимам роднит паранойяльных с истероидами. Только у последних или откровенно театральные псевдонимы типа Изумрудова, Жемчугова, которые, увы, давал своим крепостным актрисам в остальном не страдавший безвкусицей граф Шереметев, или артистичные псевдонимы типа Кручинина («Без вины виноватые» Александра Островского).

Психотехника общения

Паранойяльный направо и налево, словно вулкан, извергает конфликтогены. Его манера общения, можно сказать, беспардонна. То и дело он буквально кидается резко неприятными, обидными эпитетами, язвит, откровенно оскорбляет, может плеснуть оппоненту в лицо соком. Осторожный человек для паранойяльного — часто трус, оппонент, высказавший сомнения, — неумный человек. Паранойяльный

напряженно говорит, даже если все в порядке, быстро переходит на крик, просто орет, размахивает руками. Он «режед правду-матку» в глаза и за глаза.

Или даже, как грубовато, но точно, сказал о себе один из паранойяльных же, «толкает правду в матку».

Он не наушничает и не заушничает, он просто раздаёт всем сестрам по серьгам, которых те «заслуживают», мало обращая внимания на то, какой минусовый эффект это производит. В общении паранойяльные бывают трудны тем, что в принципе склонны давать отрицательные оценки — и без повода гораздо чаще, чем по поводу. При этом себя по той же линии они оценивают положительно. Это работают бессознательные механизмы самоутверждения, желание возвыситься за счет унижения другого. Паранойяльный человек любит похвалы в свой адрес, признание, может клюнуть и на лесть, сам положительных оценок людям почти не даёт, разве что похвалит за преданность ему, за хорошую работу во имя его дела. Если паранойяльный понял, что это надо для дела, он может одобрить кого-то, но его спонтанные высказывания оценочного характера все-таки чаще отрицательные. Если вы паранойяльный, учтите, что все это, естественно, не нравится людям, не делает вас симпатичным ни в их глазах, ни в ваших собственных. Даю совет: больше думать о положительном в людях, больше говорить об этом.

Больше думать о положительном в людях, больше говорить об этом.

Отрицательные оценки — только тогда, когда нельзя без них обойтись.

Если паранойяльный сделал своим главным делом наведение социальной справедливости, то он и ведет себя соответственно. По отношению к врагам — обличает их, призывает весь народ с ними бороться, сам при этом лукавя по мелочам.

У паранойяльного **отрицательные оценки чаще**, чем у других психотипов, **переходят в обвинения**. Важно еще и то, что паранойяльным не просто свойствен обвинительный подход. Они, как мы уже говорили, очень любят **распекать** близких им людей за все, что угодно: за опоздания, за нерадивость, за грязь. Паранойяльный вечно брюзжит, налагает санкции и сам наказывает. В отличие от эпилептоидов, их наказание — чрезмерно строгое, неадекватно проступку. Они всегда перегибают палку. Это в их духе — вендетта. Красный террор был ужаснее белого. Они склонны к суду Линча, к геноциду.

Паранойяльные, надо сказать, могут и обуздать свою агрессивность, если с ними серьезно позанимаются психологи, которые помогут им понять, что многие их решения иррациональны. Психологи должны им помочь остановиться, оглянуться, все осмыслить. Помочь им **жить не рефлексивно, а рефлексивно** (стараясь понять не только все вокруг себя, но и мотивы собственных поступков).

Паранойяльный и сам страдает от того, что просто не видит вокруг положительного, он весь в отрицательных переживаниях, вечно всем недоволен.

Он гневлив, при этом его нельзя даже назвать раздражительным; он **не сдержан и раздражителен**, как эпилептоид, а просто не способен сдерживать аффект и заводится с пол-оборота. Он считает себя всегда **правым и вправе**. Он распускает себя. Его ярость сокрушительна и устрашающа. Он не корит себя за гнев, как это бывает с эпилептоидом.

■ *Эти вспышки происходят по поводу и без повода, по бытовым причинам и оттого, что люди не хотят принять навязываемый им новый порядок в социуме. Он не просто злится, он обличает, требует каяться, клясться в верности.*

Те, кто не согласен, — для него мещане, консерваторы, ретрограды, мелкобуржуазные, враги прогресса, контрреволюционеры, бюрократы, мешающие продвижению вперед...

Паранойяльный не задумывается, что всем этим отталкивает от себя потенциальных союзников. Но если ему хватает интеллекта, чтобы понять разъяснения на эту тему, он может быстро сменить тактику, улучшить психотехнику общения и стать более осторожным в высказываниях, но при этом обычно остается при своем мнении.

Паранойяльные более, чем другие психотипы, **нетерпимы** к чужому мнению, несдержанны в отрицании его. А уж если раздается критика в **их** адрес, то она отвергается с ходу, и у них всегда находятся контраргументы.

Кто из нас любит критику? Но паранойяльный просто не переносит ее, и если критика имеет реальную основу, логична, конструктивна, если он видит, что его уличили, что он действительно ошибся (а

он не любит признаваться в своих оплошностях), то он будет выкручиваться и выкручивать руки логике, хотя потом втихую, может быть, и исправится.

■ *Президенту одной российской республики сказали как-то, что он хотя и считает себя буддистом, но ведет себя как поп-звезда, в то время как Лао Цзы говорил, что буддийский правитель должен править так, чтобы быть незаметным. Тот ответил, что перед ним три задачи: создать имидж президента, потом республики, потом народа, — то есть просто ответил мимо вопроса — примитивный манипуляторский приемчик.*

Вот эпилептоид, если его уличили, не выкручивается, а признает обычно ошибку и извиняется, старается загладить свою вольную или невольную вину, хотя и ему извиняться не по нраву.

Паранойяльный категоричен, беспепелляционен в суждениях, даже не касающихся оценок тех или иных личностей. То, что он принимает для себя, — уже само по себе непреложная истина, и все остальные еще **должны это понять**. А если не поняли, то становятся врагами.

Категоричность его суждений переходит в назидательность. Он любит давать советы, когда его и не просят, любит **поучать**.

У него «родительская» позиция по отношению и к взрослым, даже чужим. А уж его выросшие дети — самый что ни на есть первый объект для назиданий, и они защищаются, огрызаются, избегают контакта, стараются отбояриться от поучений.

Благодарность

Паранойяльный человек по сути своей неблагодарный (не то что эпилептоид). Он обесценивает ваш вклад в отношения или потому, что для вашего в его адрес благодеяния потребовалось, по его мнению, не так уж много усилий, или потому, что это «не очень и нужно было», или потому, что вы **делали**, но **не сделали**, или, наконец, потому, что он сам занимается важным делом и вы совершили что-либо фактически не для него, а для дела — какие же там еще расшаркивания... Он не в меру требователен, он вообще считает, что ему **все должны**, потому и воспринимает все как должное. Это неприятно. Ну что же, будем любить его таким, каков он есть, с его минусами, за его плюсы. А он пусть знает, что неблагодарность ранит людей, плохо воспринимается, наконец, **портит ему репутацию**.

Притом, что паранойяльный сам не помнит добра и не благодарит за него, не склонен возвращать долги, сам он часто упрекает других людей в неблагодарности, подсчитывает свои благодеяния. Это нередко служит поводом для конфликтов.

Вранье

Паранойяльный все время не в ладах с правдой. Он часто лжет — по обстоятельствам и опять же для дела, по делу, в связи с делом, помня о деле, потому что он сам весь в деле. А дело свое он считает благородным. У Багрицкого Дзержинский говорит: «Но если он скажет: «Солги», — солги». Это век приказывает. И паранойяльный лжет спокойно, ничтоже сумняшеся, в полном сознании своей нравственной чистоты и легко прощая себе свое вранье — в отличие от эпилептоида, который почти не врет, и от психастеноида, который вовсе не врет.

Оценки

Высказывать оценки в отношении паранойяльного чревато конфликтом, даже если они и не отрицательные. В принципе это касается любого человека, но паранойяльный особо остро реагирует, когда его оценивают. Это он, по его мнению, может кого-то оценивать, а не его кто-то может оценивать, он вне оценок, он выше их. А поскольку он как раз получает больше отрицательных оценок из-за своего неуживчивого характера, то он и чаще, чем другие люди, ожидает отрицательных оценок в свой адрес. Если истероида интересует сиюсекундный интерес к себе (он любит срывать аплодисменты, и ему важнее живое внимание), то паранойяльный хочет глобальной положительной оценки, он хочет прославить себя в

веках. И поэтому может работать долгое время в стол. Нет, сиюсекундное признание, конечно, ему тоже нужно, но, во-первых, не просто со стороны близкого окружения, а со стороны очень значимых кругов, а во-вторых, он все-таки может и потерпеть.

Юмор

Да, с юмором у паранойяльного неважно как в плане восприятия, так и в плане юморотворчества. Шутки он, конечно понимает, понимает и комедийный юмор и смеется вместе со всеми, когда что-то смешное в кино или в жизни, — не имбецил все-таки и даже не дебил, хотя и тот смеется со всеми.

Но шутки в свой адрес паранойяльный переносит хуже, чем человек любого другого психотипа, подчас они для него вообще невыносимы. Высмеянный паранойяльный человек все равно что хищник-подранок. Это вам не гипертим, с которого любая шутка как с гуся вода: «У меня вся спина белая, а у тебя она вся сзади» — так незамысловато отобьется гипертим. Паранойяльный обычно не найдет что ответить, воспримет юмор с гневом и злобой или затаится и отмстит. Паранойяльный злопамятен. Так что если вы сострили сегодня и забыли об этом, то он и через два года постарается уволить вас. Если хотите иметь смертельного врага, сочините эпиграмму на паранойяльного человека. Придумать собственную шутку ему почти не под силу. Юморотворчество у паранойяльных непродуктивно. Шутки у него не смешные, грубые. Чаще всего он пользуется заимствованными шутками. Типа «короче, Склифософский...» (такой замусоленный юмористический штамп, когда-то остроумно ввернутый в фильм «Кавказская пленница»). Ну, расскажут анекдот, но это и все. И тем не менее при полной непродуктивности в юморотворчестве паранойяльный высмеивает окружающих, его так и тянет высмеивать — за трусость (в случае обычной осмотрительности); за неуклюжесть: «все дело развалите, как вязанку дров»; за усердие: «заставь дурака богу молиться, тот и лоб расшибет».

Страдания

Если паранойяльный чем-то болен, или страдает от неразделенной любви, или жена из-за его непомерных требований и неблагодарности ушла от него, то он вовлекает в процесс своего страдания всех вокруг, призывает не только близких, но и далеких, злится, если они, бесчувственные, не сразу приехали.

■ *Незаурядный политический деятель попал в автокатастрофу. Сын, будучи с ним в разладе, сам не звонил. Когда сын по первому же сигналу приехал, то получил свое: «Ты на вертолете должен был прилететь».*

Этот же отец требовал от сына, чтобы тот бросил все дела занимался только его здоровьем.

Этикет

Паранойяльный человек и этикет обычно несовместимы. Он пренебрегает этикетом, потому что это традиция (а он традиции ломает), потому что ему вечно некогда, наконец, потому что он и без этикета настолько хорош, что этикет просто излишен.

■ *Целовать дамам руки — мецанство. «Настоящий мужик сразу целует в губы!» — заявил один паранойяльный одному истероиду при стечении народа. Но иногда это выливается и в пренебрежение трудом уборщиц, секретарей. Из-за ошибок в тексте, перепечатанном машинисткой, он может швырнуть рукопись на пол («грамотной надо быть!») — но это, конечно, паранойяльный с психопатическим уклоном.*

Итак, паранойяльные склонны давать больше конфликтогенных, чем синтонных (положительных), посылов. Но они не только в глазах других не хотели бы выглядеть плохо, они и в своих глазах хотят выглядеть хорошо, поэтому, хотя это им и трудно, они могут скорректировать свое поведение. Впрочем, для этого потребуется серьезная тренинговая работа, а не только благое пожелание.

Здоровье

Паранойяльный мало спит, много работает. При всей его устойчивости к стрессам это ведет к неврастении, а она усиливает его гневливость.

Но нет худа без добра. Поскольку они не умеют сдерживать аффект и сразу раздражаются бранью, а значит, и разряжаются, то ишемическая болезнь сердца с ее инфарктами и гипертоническая болезнь с ее инсультами им в молодом и среднем возрасте не угрожают. Но хуже обстоит дело с желудочно-кишечным трактом. Питание, помните, у них нерегулярное, едят что попало, холодное или остывшее, часто всухомятку. Любят острые приправы, жареное. Пища заглатывается на ходу, не прожевывается. С жеванием плохо еще и потому, что зубы обычно запущены (некогда). Так что гастриты и язвенная болезнь обеспечены. Однако при этом они все же живут долго, если их не убивают в молодом возрасте. А в старости — неизбежный атеросклероз сосудов головного мозга (с инсультами) и все та же ишемическая болезнь сердца тоже склеротического происхождения (с инфарктами), потому что питание стандартно плохое: мясо (адреналин, норадреналин, жиры, холестерин), сахар, соль, мучное. Плюс гиподинамия (много сидят, пишут). Даже эмоциональные разрядки тут уже не помогают.

Психическое состояние у паранойяльного практически всегда более или менее ровное. Он равномерно гневлив, равномерно неумолим, активен. Настроение колеблется в основном адекватно ситуации **от субдепрессии до гипомании** (гипомания — это постоянное слегка повышенное настроение с гиперактивностью). А ситуации трудные у него бывают часто, без них он не может, он их ищет, он «просит бури» или, что чаще, сеет ветер — пожинает бурю. Но сильных невротических депрессий, ведущих к самоубийству, у паранойяльных не бывает. Это они, случается, доводят до самоубийства.

■ *Или даже разрешают, а то и не разрешают его (опять я о «Кельнской яме» Бориса Слуцкого: «а если кто больше терпеть не в силах, партком разрешает самоубийство слабым»).*

Паранойяльный не прочь выпить. Состояние опьянения ему нравится — ярче воспринимаются женщины, в радужном свете видятся перспективы. Но дело для него важнее, он может и здесь отказаться от желаемого. Ведь выпивка требует времени, а для него дорога каждая секунда. Поэтому пьет он нечасто, лишь постольку, поскольку это нужно для дела, для контакта. Если люди, с которыми он хочет наладить связи, предлагают выпить, то выпьет, почему бы и нет. Но и в этом случае лишь в меру, без «перебора», и поэтому он не спивается. Хронический алкоголизм — это не его болезнь. Спиваются другие психотипы: истероиды, шизоиды, сензитивы, неустойчивые.

Паранойяльные не занимаются профилактикой — некогда заботиться о своем здоровье. Лечатся, когда подопрет; лечение симптоматическое, запоздалое, только подлечивание, залечивание, а не вылечивание. В частности, у них особенно плохо с зубами. Зубы они не лечат, запускают, а потом рвут. В результате нечем жевать и, как следствие, — протезы. А то и без протезов доживают свой век, зато с дизартрией.

Статистам

Исследований, которые дали бы представление о том, сколько процентов составляют люди какого-либо психотипа, нет. Так же как и о том, сколько процентов такого-то психотипа среди мужчин и среди женщин и каковы доли женщин и мужчин среди разных психотипов. Я задумал было провести такую работу, но это хлопотливо, а дает мало. Вот если только студенты мои для тренировки своих психодиагностических навыков будут диагностировать всех вокруг и что-то фиксировать, то, может быть, мы получим какую-то более или менее достоверную статистическую картину. Но пока изложу свои впечатления.

■ *Паранойяльных не так уж много, процентов пять, а может быть, три. И среди паранойяльных очень мало женщин, но они есть. Прежде всего премьерши. На моей памяти, кроме железной леди Маргарет Тэтчер, были Индира Ганди, Голда Меир, Беназир Бхутто... Ну, а из рвущихся к власти — Валерия Новодворская...*

Но в общем-то: раз-два и обчелся, не женское это дело быть паранойяльной.

Плюсы

Мы невольно смакуем минусы, говорим о том, как тяжелы паранойяльные для народа, для сотрудников, для семьи, для друзей. Невыносимо тяжелы. Ну, с одной стороны, конечно, если это все-таки психопатия. А с другой — даже если и психопатия, то вообще без паранойяльных было бы не только скучновато жить, а и застыло бы все навечно. Был бы сплошной консерватизм — никакого социального развития, социальных движений. А можно ли жить в застывшем мире?

Так вот, паранойяльные меняют традиции, способствуют развитию общества, внедрению новых социальных форм, а новые социальные формы открывают дорогу техническим новшествам.

Они способствуют и нравственному развитию человечества.

■ *Например, Христос, если обсуждать его не божественную, а человеческую сущность, — паранойяльная личность. А каково его значение в развитии общества? Ведь он реформировал религию. Была древнеиудейская религия, по догматам которой евреи — богоизбранный народ.*

А Христос сказал: нет, все народы — дети божьи.

Когда на Руси паранойяльным киевским князем Владимиром Красное Солнышко было введено христианство, то ликвидировались языческие тризны с убиением жен, слуг, лошадей. И Владимир пошел против, что было тогда для него чревато.

Если у эпилептоида добро по разнарядке, то у паранойяльного оно для всего народа, имеет глобальное значение. Разработанная психотерапевтическая методика, или хирургическая операция, или внедренный законопроект действительно принесут людям много добра. Паранойяльный может снизить и до мелких добро-деяний, в основном для рекламы.

Минусы и плюсы эпилептоида как бы сближены в «эмоцио-нальном» пространстве: он поругает за беспорядок, но выдаст вовремя приличную зарплату. А минусы и плюсы паранойяльного очень далеко отстоят друг от друга во времени. В самом деле, мы видим постоянно сердитого несправедливого тирана, а будет ли финансовый прок от его ввешенной в печенки книги, вычитывать и перепечатывать текст которой родственникам приходилось по многу раз? Тем более будет ли толк от его социальных разработок, которые он проповедует в этой книге, или только возникнет конфликт с властями? Ну, ничего не поделаешь, такова «диалектика» этого психотипа. Приходится если не считаться с ней, то по крайней мере иметь в виду.

Людам, связанным с паранойяльными по работе или в семье, дадим совет **принять их как они есть**, со всеми их особенностями, а в качестве противовеса помнить об отрицательных свойствах других психотипов (необязательности гипертима, консерватизме эпилептоида, манипуляторстве истероида и т. п.).

С другой стороны, мы уже говорили, что **в каждом психотипе надо увидеть и оценить его позитивные особенности**. В следующей главе мы расхвалим (раскритиковав при этом) эпилептоида. Конечно, хвалить мы будем за хорошее. Но... «недостатки как продолжение достоинств» и даже (инверсия этой прижившейся фразы) «достоинства как продолжение недостатков» — пусть эти две позиции станут и по отношению к паранойяльному психо-корректирующим началом. Да, такие положительные качества паранойяльного, как работоспособность и умение думать глубоко и глобально, сочетаются с невниманием к слезинке ребенка и тем более к женским слезам.

Есть у эпохального поэта сороковых — шестидесятых годов Леонида Мартынова стихотворение, сделавшее его любимцем всех шестидесятников. Оно так стереоскопически, так ярко являет нам и воспекает паранойяльного человека, что мы приведем обширные выдержки.

Замечали —

По городу ходит прохожий?

Вы встречали —

По городу ходит прохожий.

Вероятно, приезжий, на нас непохожий?

Это — я!

Тридцать три мне исполнилось года.

Проникал к вам в квартиры я с черного хода,
На потертых диванах я спал у знакомых,
Приклонивши главу на семейных альбомах.
Да! Имел я такую волшебную флейту.
За миллионы рублей ту я не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»
Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте.
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь — я скоро уеду!
И являлись тогда, возбужденные песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих, делали луки,
По, нахмурившись, их отбирали мамыши:
— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумеете,
А потом в Лукоморье зовите на флейте!—
Но сознайтесь! Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За моею спиной, за моею спиною.
Успокойтесь, утешьтесь! Не надо тревоги!
Я веду вас по ясной широкой дороге.
Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,
Скороходу подобный, на вас непохожий, -
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?
Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

Коррекция

Мы уже много привели соображений психокоррекционно-го характера по ходу дела, когда они естественным образом встраивались в текст повествования о паранойальном человеке. Но кое-что добавим, а то, что уже обсудили ранее, сведем воедино.

Эгоцентризм, оправдываемый общественной значимостью, тяжелая для собеседника психотехника общения, образ жизни, от которого страдают рядом живущие люди, делают паранойяльного даже в рамках рисунка личности **человеком трудным**. Если вы паранойяльный, можете это учесть. Смягчать надо прежде всего те качества, при описании которых мы **подчеркивали минусы**. Не хотите — как хотите. Но только, попав в такие передраги, откуда выбраться можно лишь с помощью людей, не надейтесь на **тех же самых людей**. Если удастся ввести в заблуждение новых — на время они будут с вами, но на **короткое, а не на все** время.

Главное — усвоить мысль, что люди могут быть дороже и важнее, чем цели, принципы и будущее.

Паранойяльному человеку особенно надо быть осторожным с сензитивами и гипотимами. Не уподобляться слону в посудной лавке. Этим будет легко сломать. А истероид просто впадет в истерику. С паранойяльным же придется туго, он тоже пойдет на вас тараном, и вы не избежите лобового удара. Эпилептоид? Ну, разве что эпилептоид станет вас поддерживать, если вы действительно понравитесь ему со своей доктриной. Но он тоже самолюбив. На шизоида вы можете подействовать так, что он не только потеряет способность участвовать в мозговых штурмах, но и вообще утратит дар речи вместе с творческим даром.

Конечно, избавиться от своих недостатков полностью — это перестать быть личностью (как мудро говорил А. Моруа), но существенно уменьшить отрицательные последствия проявления этих качеств можно. Каждый человек может хоть слегка «подвинтить» себя там, где он бывает труден для других, вместо того чтобы «взвинтить». Чтобы оттормаживание вредных коммуникативных привычек происходило естественно и быстро, на уровне подсознания, нужен **психологический тренинг**. Ваши успехи в этом пусть и не прямо пропорционально, но будут зависеть от ваших усилий.

Все сказанное в последних абзацах относится к ситуации «вы паранойяльный». Но если **рядом с вами** паранойяльный, то ему тоже не должно быть дискомфортно в вашем присутствии.

Имея дело с ним, целесообразно соблюдать определенные правила психотехники общения: интересоваться его предложениями, достижениями, отказаться от юмористических замечаний в его адрес, от отрицательных оценок его личности и реликвий, обвинений и категоричности, от поучений и назиданий, даже от советов. Я даю здесь паранойяльным всего несколько советов, не переходя на личности, но и мне это грозит недовольством с их стороны. Паранойяльный в рамках рисунка личности и даже акцентуант иногда все же прислушивается к рекомендациям, например по стилю управления, если хочет удержаться у штурвала власти (а уже пошли какие-то волны, перехлестывающие через борт). Менее, активно, чем эпилептоид, но тем не менее услышав что-то полезное на курсах повышения квалификации, по телевидению, от коллег, он может провести в жизнь и некоторые чужие новшества, чужие шизоидные идеи. Но коренные свойства его личности все-таки трудно поддаются переделке.

Паранойяльному трудно дается открытие целесообразных элементов психотехники общения. Он не замечает своих оплошностей. А если ему на них указывают, паранойяльный психозащитно отмахивается: это вы неправильно восприняли, а не он плохо сделал. Я заметил, что паранойяльные, если даже и приходят на занятия по психотехнике общения, сопротивляются и в конце концов уходят, а если все же остаются, то с трудом осваивают новые для них образцы коммуникативного поведения. Здесь «в грамм добыча, в год труды». Результаты зависят прежде всего от стараний психологов в процессе тренинга, но далеко не пропорционально. Паранойяльный переделывается с большими для себя муками, чем эпилептоид. Тот хотя бы верит книгам, специалистам, а этот считает все книги негодными, а специалистов продажными или неквалифицированными.

И все же не стоит отчаиваться. **Если в паранойяльном человеке хоть что-нибудь поддастся переделке, то это может в дальнейшем вылиться в блестящие достижения**. Ведь не делая типичных для себя ошибок, паранойяльный может горы свернуть. Только надо, чтобы это пошло в нужном направлении, чтобы вы помогли «хорошему» паранойяльному, а не будущему сталину-гитлеру.

Глава II ЭПИЛЕПТОИД

Этимология

Не будем путать эпилептоида с эпилептиком, как не путали паранойяльного с параноиком. Эпилептик и параноик — психически больные люди. На всякий случай скажу для непосвященных, что есть гении и среди эпилептиков, и среди параноиков, так что не следует снисходительно улыбаться по их поводу.

■ *Великий психиатр и философ Карл Ясперс вообще считал психопатологическую психику иной формой существования психики, инобытием психики, другим, но равноценным ее состоянием.*

И в самом деле, наши сновидения, например, для нас во сне равновелики по отношению к нашему реальному самосознанию. То же и с психопатологическими состояниями. Так что давайте не будем. Но все же и путать не будем, как я уже сказал, эпилептоида с эпилептиком.

Мы обсуждаем все психотипы в основном в рамках нормы. Помните о «рисунке личности»? Но надо иметь в виду, что представители психотипа могут оказаться акцентуантами и даже психопатами.

Почему же все-таки эпилептоид сходно звучит с эпилептиком? Эпилепсия проявляется в судорожных припадках, а эпилептоид взрывает — тоже вроде бы припадки гнева. Эпилептоид бывает злобен, как эпилептик, злопамятен, как эпилептик, скрупулезен, как эпилептик... Конкретен, как эпилептик. Но, во-первых, только именно **как**, а во-вторых, главное, **у эпилептоида нет эпилепсии**. В этом и заключается существенное различие.

Любовь к порядку

Одной из базовых черт, от которой зависит многое в эпилептоиде, является **любовь к порядку**. И как частное ее проявление, согласно **логике психотипа**, — любовь к **порядку в вещах**. А это проявляется, в свою очередь, в том, что эпилептоид любит, чтобы стулья стояли ровно, в линию, чтобы ключи не валялись в ящике, а висели на специально устроенной витринке, каждый на своем месте, чтобы все нужные инструменты были под рукой.

Как видим, эпилептоид блюдет **целесообразный** в общем-то порядок, в противовес куда менее прагматичному порядку пси-хастеноида. Психастеноидка вытирает, например, свежий слой пылинок, а через полчаса будет то же самое. Эпилептоиды (и психастеноиды) в плане аккуратности отличаются от других психотипов. Паранойяльный человек меньше следит за порядком, а шизоид тем более. Часто и у истероидки все в «художественном» беспорядке: «Ой, когда тороплюсь в бизнес-клуб, ничего не успеваю...»

Итак, эпилептоид любит порядок в вещах. Но, что более важно, **он любит заставлять людей наводить этот порядок в вещах** — тоже базовая черта. Если у кого-то в доме стулья стоят неровно, это его очень нервирует. А если нет на своем месте ключа и надо рыться в куче других ключей и наугад отыскивать нужный — это уж просто выводит его из себя. И вот он **заставляет** других наводить порядок.

Эпилептоид любит **порядок и в отношениях между людьми**. Он сам чаще всего женат и не терпит, когда другие неженаты, а занимаются любовью просто так. Это его термин — «беспорядочные половые связи». А беспорядочные — это уже и непорядочные. Эпилептоид — **морализатор**.

Он всех приучает к порядку: чтобы стулья ровно ставили, чтобы на столах и в бумагах было все на своих местах, чтобы половые акты были два раза в неделю, не чаще, чтобы вовремя являлись на пятиминутки, чтобы не зевали и не кашляли, когда выступает начальник, без доклада чтобы не входили.

Эпилептоид не просто любит **наводить порядок** в отношении людей к вещам и в отношениях людей между собой. Ему нравится **наводить ужас** на тех, кто не очень соблюдает порядок. Если где-то порядок нарушен, для эпилептоида это криминал, он чувствует, как в нем медленно нарастает глухое раздражение. Потом начинается ворчание, а вслед за этим разражается буря.

■ *Он ругает за беспорядок, подчас нагромождая злые эпитеты: хамы, лжецы, клятвопреступники, развратники, грязнули, проститутки, воры, грабители... Угрожает возмездием, потрясает кулаками, стучит по столу.*

Это объясняется тем, что эпилептоид, как и паранойяльный, очень **агрессивен**. Я уже говорил, что в любви к порядку он схож с психастеноидом. Но эпилептоид **отличается** именно **агрессивным принуждением соблюдать и наводить порядок** — **в большей степени в области человекоотношений, чем в мире предметов**. Пси-хастеноид сам чтит и соблюдает порядок в вещах и в отношениях, но не может потребовать этого от других так, как это делает эпилептоид.

Характерно, что эпилептоид любит наводить порядок, предписанный кем-то **со стороны**, другим эпилептоидом или, что более часто, — паранойяльным. И зачастую это **порядок, пришедший из прошлого**. Эпилептоид — **традиционалист**, более того — **консерватор**.

Я сказал «со стороны» и «из прошлого». Но в этой формуле более значимо «**со стороны**», чем «из прошлого». То есть порядок, который он не сам придумал, а заимствовал у кого-то из прошлого или хотя бы со стороны.

Nota bene: эпилептоид **не может идти за одиноко инакомыслящим** пророком, это выше его сил. Но когда идеи, рожденные пророком, набирают силу, становятся идеями «из грядущего» — тем, чему надо служить, как традициям, и когда он уверовал в эти идеи, то служит им тоже очень ревностно.

Неофитами, то есть новообращенными в веру, также были эпилептоиды, и известно, что не было более преданных новой вере, чем неофиты. Грядущее здесь выступает как некая неизбежность, коей надо служить, такая же неизбежность, как и история, которую уже не перепишешь. В большой команде эпилептоид тоже может работать на изменение порядка, но как бы с позиции исторического развития, то есть тоже поддерживает порядок хода истории. Помните, у Маркса: коммунизм неизбежен, но надо его вводить. Вот согласно такой логике и эпилептоид может стремиться к изменению существующего порядка. Но чаще

■ *эпилептоиды деятельны и энергетичны в деле именно поддержания порядка, в то время как паранойяльные деятельны и энергетичны в деле изменения порядка. Эпилептоид стремится распространить традиционный порядок на будущее, чтобы и дальше все было как есть.*

* * *

Сделаем отступление. Меня все время подмывает излагать материал, как вы, наверное, обратили внимание, в несколько ироничном ключе. Но это в общем-то для того, чтобы запоминаться легче, а не для того, чтобы каждый психотип заклеить. Ведь вот если посмотреть на дело с другой стороны, то и неупорядоченные половые связи, и гурьбой стоящие стулья, и «без доклада», и кашлять — это все действительно не так уж хорошо. Я рассчитываю, чтобы читатель сам делал поправки в сторону плюсов, если меня будет заносить мое злословие.

Мышление

У эпилептоида оно прагматическое, четкое, ясное, понятное всем людям. Он хорошо структурирует свои высказывания, разлагает их на простые фразы. Он не злоупотребляет вводными предложениями и деепричастными оборотами. Логика его последовательна и проста. Впрочем, эпилептоид, как и паранойяльный, может выкручивать логике руки с помощью заимствованных аргументов. Но он, как правило, не одинок в своих заблуждениях, такими же заимствованными аргументами пользуются многие окружающие его люди. Он последним сдает свои идеологические бастионы или не сдает их вообще, оставаясь в идеологических шорах.

Но идеология идеологией, а жизнь жизнью. В целом эпилептоид пользуется **простой заземленной логикой здравого смысла**. Когда ему кто-то дает напрямую правильные логические ходы, он вынужденно соглашается. Но, в отличие от истероида, который с легкостью пренебрегает тем, что его уличили в логической передержке, он начинает мучиться несоответствием своего поведения тому, к чему пришел в своих размышлениях на базе здравого смысла.

■ *Так было со многими не руководящими коммунистами в эпоху «застоя». С одной стороны, коммунистическая идеология, семьдесят лет под лозунгом «Правильной дорогой идете, товарищи!», а с другой стороны, пустые полки и анекдоты про геронтократических вождей.*

В этой ситуации некоторые эпилептоиды ломались. И шарахнулись в другую пропасть.

Современный эпилептоид, впрочем, все ставит на позитивистскую основу: что вижу, то и говорю. Он трезв. Ему не мерещатся дальние горизонты. Сейчас у него подорвано доверие ко всем идеологиям, его раздражает и возрождение царских гербов, и упрочение религии, и разные там департаменты, мэрии, муниципалитеты. Современному эпилептоиду чужда эзотерика, чертовщина, трансцендентальность. Он не

легковерен. Он требует доказательств. Он не верит экстрасенсам, он верит хирургам, потому что он сам по сути своей хирург.

Со всем строем epileptoидного мышления связан характер ассоциаций epileptoида. Они у него стандартны. Если ему дать тест незаконченных предложений, то слова «столица нашей родины...» дополнятся у него неизменным «Москва». А ведь есть и другие варианты: «очень большая», «обновляется» и др-р-р-р...

Говорят о том, что **мышление epileptoида конкретное, ситуативное**, он не размышляет на уровне высоких философских категорий. Его, как и паранойяльного, мало интересует разница между агностицизмом Канта и агностицизмом Юма. Его больше интересует, куда девались шахтерские деньги, **кто виноват и что делать**.

В мышлении epileptoида (как и у паранойяльного) превалирует целеполагание. Оно работает на цель, сам процесс мышления, побочные его продукты не интересны для него. Он, как и паранойяльный, отбрасывает их без рассуждений, если они противоречат основной цели — доказательству принятой ранее (чужой) идеи, в крайнем случае он их опровергает, но не останавливается на противоречащей мысли, не разрабатывает ее. Сравним с шизоидом.

■ *У того процесс мышления протекает свободно; если возникло противоречие, он развивает противоречивые мысли с интересом, но более или менее бесстрастно. Для шизоида важен процесс, а не результат.*

А для epileptoида, как и для паранойяльного, **важен результат, а процесс даже тягостен**.

В мышлении epileptoида интересна и важна такая особенность. **Он не видит альтернативных вариантов**. Те программы, которые ему даны паранойяльными, он принимает и закрывается от влияния других идей со стороны. В этом отношении он похож на паранойяльного, которого характеризует та же узость, но по отношению к **своей**, втемьяшевшейся ему в мозг мысли. Шизоид и гипертим в этом отношении совершенно свободны: может быть так, может быть эдак. Только шизоид сам порождает все альтернативы, а гипертим их заимствует. Но ни тот, ни другой не мучаются при выборе. А вот психастеноид, видя перед собой множество вариантов, **мучается**, не зная, какой предпочесть, а остановившись на каком-то одном, **снова мучается** от неуверенности, правильно ли сделан выбор.

Принятие решения

Epileptoид разумно **решителен в принятии решений**. Решение принято и выполняется. **Epileptoиду** как нельзя лучше подходит пословица «**семь раз отмерь, один раз отрежь**». Он так и делает.

Интересно в этом плане сравнить epileptoида с **паранойяльным, который один раз отмерил и один раз отрезал**. И заглядывая вперед, продолжим: **гипертим ни одного раза не отмерил, а семь раз отрезал**. А вот психастеноид — о, психастеноид! — запомним это — **семь раз отмерит и ни одного раза не отрежет**.

Внушаемость

Epileptoиды — маловнушаемые в общепринятом психотерапевтическом смысле люди. Отдельный человек, будь то «сам» Кашпировский или «сам» Чумак, не сможет внушить ему программу, противоречащую его взглядам. Это практически невозможно, **он поддается внушению, идущему только от большой партии и ее вождей**; тогда он испытывает благоговейный трепет. Но и в этом случае его внушаемость возможна только в русле уже избранного им направления. И если говорить о гипнотической внушаемости, то тоже можно сказать, что epileptoид не очень-то гипнабелен (вот истероиды, сензитивы, неустойчивые — другое дело). Разве что появляется легкая сонливость (сомнолен-ция), иногда вторая степень с отдельными слабовыраженными проявлениями восковой гибкости, но до каталепсии с ее мостиками не доходит, а уж третья степень с сомнамбулическими феноменами (например, внушенными галлюцинациями) — так это вообще большая редкость.

Энергетичность

Эпилептоид, так же как и паранойяльный, очень **энергетичен**, работоспособен, работает иногда без отдыха, а иногда планомерно (но не чрезмерно) отдыхает, чтобы только восстановить силы и работать дальше.

Спят они больше, чем паранойяльные, не урывками, чаще в обычном ритме, положим, с двенадцати до семи, но если надо, то встанут по первому требованию жизни, могут и долго не спать, потом отсыпаются (паранойяльные не отсыпаются). Если паранойяльный держит телефон около постели и хватает трубку после первого же звонка, то у эпилептоида телефонный аппарат обычно стоит на письменном столе, и он, пробудившись после третьего звонка, идет к аппарату и берет трубку после пятого-шестого звонка. Все же берет, а не говорит себе сквозь сон (как это делает истероидка): «А ну их к черту, так хочется спать, что за нахалы, завтра позвонят, если надо».

Эмпатия

Эпилептоиды малоэмпатичны, то есть плохо чувствуют другого человека, его состояние, горести, вообще малочувствительны к чужому горю. Если ребенок у эпилептоида поранил пальчик, он скажет: «Ничего, пусть привыкает к ранам, на войне не то еще будет». Если эпилептоид — хирург (а хирурги чаще рекрутируются именно из эпилептоидов), то он меньше, чем можно было бы, заботится об обезболивании — пусть пациент потерпит. Эпилептоид — не единственный из психотипов, у которого плохо с эмпатией. Все агрессивные типы не слышат другого человека: паранойяльный — оттого, что сосредоточен на своем деле, эпилептоид — из любви к порядку, истероид — вследствие эгоцентризма, гипертим — из-за брызжущей энергии.

Эпилептоид поэтому должен говорить себе: человек дороже порядка. И не один раз сказать, а повторять через каждые пять минут. Так же как паранойяльный должен напоминать себе, что человек дороже дела.

Эпилептоиды склонны творить добро, но их добро как бы «по разнарядке». Если провозглашен призыв заниматься приютами для бомжей — будут заниматься. А нет призыва — он считает, что «от этих бомжей только антисанитария, интернировать их надо». (Читатель, понимай это как образ, я даю только направление, детали подскажет жизнь.) Зато **добро** их **добротнo**, основательно, планомерно и **результативно**, в отличие от полных доброжелательности сензитивов, гипертимов и психас-теноидов и в отличие от паранойяльного, который по определению не добр и может лишь выжимать из себя добрые поступки, в основном для того, чтобы их отметили, в целях собственной карьеры.

Эпилептоид с другими психотипами

Базовые черты эпилептоида определяют его отношения с людьми других психотипов. Очень интересно понять в приложении к эпилептоиду ситуацию, которую мы описывали уже в приложении к паранойяльному. Паранойяльные люди мало-помалу обрастают адептами. Сначала истероидными: те более склонны без критики влюбляться в паранойяльных. А потом, когда идея, развиваемая паранойяльным, завоевывает определенную аудиторию, к ней начинают прислушиваться эпилептоиды. **И чем больше эпилептоидов к ней приобщилось, тем больше эпилептоидов приобщается. И** таким образом они **-становятся проводниками идей паранойяльного**. Если паранойяльного человека можно назвать «вечным двигателем», то об эпилептоиде можно сказать, что он «**маховик истории**». И повторим еще раз ранее найденный образ: паранойяльный — это пророк, а эпилептоиды — апостолы.

Паранойяльный — это пророк, а эпилептоиды — апостолы.

Когда паранойяльный обрстет эпилептоидами, тогда держитесь все! Это его сила. Тогда можно выгнать инакомыслящих со своей кафедры. Можно отправить всех философов на одном пароходе в эмиграцию, а всех «инакопишущих» загнать в ГУЛАГ. А можно плетью выгнать торгующих из храма — ведь храм не место для торговли.

Паранойяльный с паранойяльным в одной берлоге не уживутся. А **вот эпилептоиды уживаются** — если приняли идею одного паранойяльного.

Эпилептоиды — это типичные партайгеноссе (товарищи по партии). Они верны партии, верны своему долгу, своим вождям.

Дружба

Но **эпилептоиды** и просто **верные товарищи**. Дружба у них крепкая. Они могут дружить с горшка и до гроба. Часто дружба у них военная, окопная: афганцы или ветераны Великой Отечественной. Эпилептоиды друзей не меняют, не изменяют им, в отличие от гипертимов и паранойяльных. Жене изменить могут, другу — нет. Если друг совершает подлость, изменит в дружбе, для эпилептоида это драма. Во что же тогда вообще можно верить? Они помогают друг другу в беде, в радости, в продвижении по службе.

Эпилептоиду более, чем другим психотипам, подходит пословица «старый друг лучше новых двух». Для сравнения напомним: паранойяльным подошла бы инверсия этой пословицы: «новый друг лучше старых двух». Эпилептоиды дружат избирательно. Они с трудом сходятся с новыми людьми. Это им подходит известное стихотворение Омара Хайяма:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,

Одну лишь истину запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Но если требует дело, то и сойдутся. Эта дружба основана на верности идеалу, делу, вождю. Общение с друзьями, однако, в силу занятости случается нечасто: по делу, по праздникам. Но тогда к этому специально готовятся: хороший стол, выпивка, чтобы торжественно отметить встречу.

Надежность

Эпилептоид — надежный человек, он выполняет свои обещания. Психастеноид тоже надежный, но из-за меньшей энергетичности психастеноид мало что может. Паранойяльный в отли-

чие от эпилептоида вероломен, гипертим забывает об обещаниях и обязательствах, хотя по требованию начинает суетливо их выполнять. Истероид находит массу причин, почему не может выполнить свои обещания.

Так что эпилептоид самый надежный. Ну, не без греха, он может и слукавить, не то что психастеноид. Но психастеноид менее результативен. Так что, учитывая все это, рассчитывать можно все же скорее на эпилептоида. **Самый** надежный.

■ *Эпилептоиду можно доверить тайны. Он не разнесет их «по секрету всему свету», как это сделает истероидка, и не будет просто болтать, не задумываясь о том, что раскрывает доверенные ему чужие тайны, как это сделают гипертимы.*

Эпилептоид, если и испытывает желание поделиться с кем-нибудь чужой тайной, то прежде раскроет свои. А относительно тайн другого подумает так: «Если я раскрою его тайну и это до него дойдет, он не станет мне больше доверять и к тому же будет иметь ко мне законные претензии, что сильно ухудшит наши отношения, так что лучше сдержаться». А если ради дела надо включить в обсуждение сведения о ком-то, эпилептоид его спросит, можно ли, а не спросив и не получив разрешения, не будет давать информацию.

Доверие

Свои тайны эпилептоид доверяет другим людям далеко не сразу, проверяет надежность друга. Он не пригласит к себе домой сразу нового знакомого, а повстречается с ним несколько раз вне дома. Потому что для него «мой дом — моя крепость». Он не расскажет о себе ничего такого, что могло бы его скомпрометировать. Если кто-то предлагает каким-либо образом обойти даже несправедливый закон, эпилептоид много раз проверит человека на мелочах, не стукач ли. Даже с женой эпилептоид не сразу знакомит своих новых товарищей — а вдруг уведут!

Если эпилептоид все же доверил, то это означает *доверие*. И тогда он может «расслабиться», чем и пользуются иногда ис-тероидные и паранойяльные манипуляторы. В отличие от эпилептоида паранойяльный практически все время начеку, он не расслабляется.

А если друг злоупотребил тайной, эпилептоид отомстит.

Мечь

Вообще эпилептоид мстителен в меру. Он мстителен, потому что злопамятен. Он, правда, не станет специально подготавливать отмщение, но припомнит зло и при возможности отплатит, в крайнем случае, ударит даже лежащего провинившегося жесткими словами «а помнишь?». Отомстит открыто, а не подставив исподтишка ножку, как это может сделать истероид. Однако, если человек покается, эпилептоид простит — но не сразу. У него прощение — это процесс.

Благодарность

Но эпилептоид помнит добро — и без напоминаний. Мы уже говорили, что паранойяльный человек — неблагодарный. Он может даже быть вежливым и говорит формальное «спасибо», но не испытывает того чувства благодарности, какое свойственно эпилептоиду, который помнит благодеяния и умеет благодарить за них, причем действенно и активно.

■ *Он хранит в себе чувство благодарности и при первом подходящем случае платит добром. Эпилептоид к тому же не любит быть долго в долгу, его это тяготит, и он хочет поскорее отплатить человеку или он делает ответное добро при малейшем напоминании.*

Впрочем, и в том, и в другом случае ответное добро эпилептоид склонен адекватно **дозировать**. Особых передозировок ждать не следует. Вот гипертим, тот в ответ на одно добро делает два, но сразу, в этот же день, а чуть с глаз долой — из сердца вон. Эпилептоиду можно делать добро в «долгосрочный кредит». **Для эпилептоида важно показать больше себе, чем другим, какой он благодарный человек**, в отличие от истероида, которому важнее продемонстрировать это **другим** людям, какой он благодарный.

Если эпилептоид видит пользу в превентивных благодеяниях — в том смысле, что они ему в конце концов тоже будут оплачены, — то он может давать такие «кредиты». А просто сеять вокруг себя добро он не станет — люди, по его мнению, такие неблагодарные.

Самого эпилептоида в неблагодарности не упрекнешь, он помнит хорошее и склонен возвращать долги, а не забывать. Но зато он часто упрекает в неблагодарности других людей, корит их, ведет счет, сколько кому он сделал благодеяний и сколько кто сделал ему. Это иной раз выглядит неблагородно, расценивается людьми как мелочность. Хотя по существу эпилептоид может быть справедлив и, по большому счету, имеет моральное оправдание: нельзя же, чтобы игра шла в одни ворота. Тем не менее эпилептоид может навредить этим себе и делу.

Врет ли эпилептоид?

Ну если для дела надо, то и соврет, вернее, скроет правду. Но так, чтобы наврать с три короба — этого нет. Гипертим и ис-тероид врут, хотя и они, как мы увидим дальше, врут по-разному. Ложь, как правило, для эпилептоида — грех.

А как у эпилептоида вообще с грехами? Вот **паранойяльный**, если припомнить, **грешит и не кается**. Заглядывая вперед, скажем, что **гипертим грешит и кается, истероид грешит, чтобы каяться** (это мы еще посмакуем), **психастеноид не грешит, но кается**. **Эпилептоид же чаще не грешит и не кается**.

Точки над «і»

Эпилептоид любит ставить точки над «і». Но более того, чтобы впоследствии не ставить точки над «і», **он предпочитает** как бы ставить точки над «а», то есть **подробно договариваться обо всем заранее**, до вступления в какие-то новые отношения. Иногда это проявляется и в мелочах. В принципе эта черта целесообразна, но если она принимает гротескный, психопатический оттенок, это воспринимается как занудливость и усложняет, а не улучшает отношения с людьми.

Законопослушность

Эпилептоид законопослушен. Он чтит букву закона больше, чем дух закона. Он послушен сам и заставляет быть законопослушными других людей. Последнее ему особенно нравится, потому что он законопослушен не из трусости, как сензитив, а из почтения к закону.

Но близко к закону лежат общепринятые нормы морали. Он и их придерживается и клеймит тех, кто от них отступает. Для сравнения: психастеноид тоже уважает нравственность, но вот законы несправедливые может осуждать. *Эпилептоид склонен уважать и несправедливые законы*, если это законы. Поэтому можно сказать, что **эпилептоид более законопослушен, чем «нравственнопослушен»**

А психастеноид более послушен нормам нравственности, чем нормам закона. Кроме того, еще одна важная вещь: психастеноид более придирчив к себе, чем к другим, а эпилептоид себе кое-что и простит в случае отступления от закона и морали, но другим того же самого не простит.

Справедливость

Эпилептоид пусть несколько меньше, чем психастеноид, но все же любит **справедливость**. **И любит наводить справедливость**. Ведь справедливость — это порядок. Но эпилептоид очень прямолинеен в своих поисках справедливости, не чувствует нюансов (психастеноид чувствует). Ему трудно дается разрешение противоречий, трудно даются компромиссы. Поэтому противоречия часто перерастают в бурные конфликты: эпилептоид старается сдержаться, но это стоит ему большого труда, особенно если вопросы объективно острые. Это бывает опасно.

■ *Сего точки зрения, иногда преступника надо расстрелять на месте, были бы два свидетеля. А то, что свидетели могут быть подставными, он задумается только тогда, когда ему это подскажут в ходе полемики. За убийство, по его мнению, надо казнить. А то, что убийство может быть совершено в ответ на другое преднамеренное и неоправданное убийство, это тоже не сразу приходит ему в голову.*

Множество эпилептоидов пошло вслед за большевиками осуществлять диктатуру пролетариата, не задумываясь, что другие люди тоже должны иметь право голоса. Эпилептоидам следует не забывать об этом в своем рвении к справедливости и проводить глубокий нравственно-психологический анализ своей позиции.

Ультиматумы

Эпилептоид, пытаясь повлиять на человека, скорее ставит ультиматумы, чем манипулирует. Напомним, что манипуляция — это скрытое психологическое воздействие на человека. Нет, эпилептоид прояснит все, спросит мнение, сформулирует противоречие и, сочтя свое требование справедливым, поставит условие, при выполнении которого он не сделает чего-то нежелательного для партнера или даже сделает то, что желательно для того. Это и отличает его достаточно фундаментально от истероида.

Власть

Эпилептоид любит власть, любит распоряжаться, ему нравится, когда его слушают и слушаются. Но властвует он в соответствии с установленным порядком, с «табелью о рангах», не превышая своих полномочий, но и не давая другим превышать их по отношению к себе и к людям. Он не рвется к власти, как это делает паранойяльный. Но если ему ее «доверили», то он обставляет свою власть со свойственной ему основательностью: кабинет, входит с докладом, секретари, нравоучения, выговоры...

Если эпилептоид имеет определенный статус, а вы в отношениях с ним не хотите сложностей, хотите мира, слушайте его, и он станет вашим другом. В противном случае — недругом. Вы этого добивались?

Отрицательные оценки

Эпилептоиды бывают трудны в общении тем, что склонны давать отрицательные оценки — и чаще всего обоснованные. Но делают они это чересчур прямолинейно, режут правду-матку в глаза. За глаза эпилептоид гадостей обычно не говорит — это, по его мнению, нехорошо, он и не наушничает, но слушать «правду-матку» в глаза, понятно, тоже не нравится людям.

Положительные оценки людям эпилептоид дает вынужденно, когда другие высказывают объективные положительные мнения или когда от него требуют дать объективную характеристику (подчиненному, начальнику, коллеге на одном иерархическом уровне).

А спонтанные высказывания оценочного характера у него чаще всего отрицательные. При этом себя они в этом отношении оценивают положительно. Это работают бессознательные механизмы самоутверждения, желание возвыситься за счет унижения другого.

Если вы эпилептоид, сказанное не делает вас симпатичным ни в глазах людей, ни в собственных глазах. Поняли, приняли к сведению — даю совет: больше думать о положительном в людях, больше говорить об этом.

Больше думать о положительном в людях, больше говорить об этом.

Отрицательные оценки допустимы только тогда, когда нельзя без них обойтись.

Обвинения

Беда эпилептоида, однако, больше в том, что его отрицательные оценки переходят в обвинения. Эпилептоидам не просто свойствен обвинительный подход. Они распекают, наказывают сами, требуют от властей наказания провинившегося, чаще эквивалентного, как в Ветхом Завете: кровь за кровь, смерть за смерть, око за око, зуб за зуб. Но бывает, что и перегибают палку. Они, как и паранойяльные, склонны к суду Линча, к геноциду. Обуздывают свою агрессивность они в том случае, если общепризнанная тенденция склоняется в сторону гуманности. Или же если с ними серьезно поработают психологи, которые помогут понять, что многие решения эпилептоидами принимаются неосознанно, без глубокого осмысления. Увы, многие эсэсовцы, многие чекисты и муровцы относились именно к эпилептоидам. Жеглов в исполнении Высоцкого — яркий тому пример.

Категоричность

Эпилептоид категоричен, безапелляционен в суждениях, даже не касающихся оценки тех или иных личностей. Усвоенное со школьной скамьи для него непреложная истина, и тот, кто его истину не понимает, тот **должен понять**.

В особенности сильно это проявляется, когда мнение эпилептоида «подтверждено» в книгах, и чем более фундаментальны эти книги, тем более он настойчив.

Эпилептоид, как и паранойяльный, назидателен, любит поучать. Для него характерна родительская позиция по отношению ко всем, даже к старшим, а тем более к младшим и в первую очередь к своим

детям, даже повзрослевшим. Нередко можно увидеть на улице эпилептоида, разбирающего конфликты чужих детей. Он из тех, кто следует призыву «не проходите мимо».

Если сравнивать эпилептоидов с паранойяльными, отметим, что они все же более терпимо, чем паранойяльные, относятся к чужому мнению, более сдержанны в его отрицании, даже если не согласны с ним. Но **эпилептоиды чаще, чем паранойяльные, согласны с мнением большинства**. Они и составляют это большинство.

Требовательность

Эпилептоид требователен и дома, и на работе. Он все контролирует, не слишком доверяет, придирчив, всегда найдет, к чему прицепиться, в этом отношении он бывает неприятен.

В отличие от паранойяльного, **он чаще обоснованно требователен**. Он соизмеряет свои требования с возможностями человека, с моралью и законами и сочетает это с требовательностью к себе. В то же время, если люди предъявляют к нему необоснованные требования, он стойко сопротивляется. Он умеет отказать, при этом отказ часто имеет жесткий, а иногда и грубый оттенок. Всякая требовательность и всякий отказ неприятны, а жесткость, с которой это делает эпилептоид, — особенно.

Авторитарность

Манера влияния на людей у эпилептоида преимущественно авторитарная. Он покрякивает, строго, сухо делает замечания. Замечаний много, они часто мелкие. Он дает очень подробные инструкции, как пройти-проехать, сопровождает их чертежом. Распоряжения понятные, четкие: первое, второе, третье. А потом: повторите приказ — то есть он руководит конкретно. Сам выезжает на объекты. Это все объяснимо: **эпилептоид предпочитает брать на себя ответственность** и потому старается предотвратить разные непредвиденности.

Но он **не дает проявить инициативу**, что, понятно, людям не нравится и создает напряженность. Все же эпилептоида терпят, потому что, как правило, он ответственный и успешный человек, руководит так, что предприятие или отдел процветает или, по крайней мере, не хуже других.

Когда он оказывается в роли подчиненного, то проявляет меньше инициативы, предпочитая получать указания. Ничего сам не предлагает. Заметят его работу, позовут посоветоваться — хорошо, нет — будет работать на своем участке. Руководителям имеет смысл знать это свойство эпилептоидов и самим выдвигать их в интересах дела.

Отношение к новым веяниям

Эпилептоид, как мы уже знаем, все-таки прислушивается к веяниям времени. Ага, отмечает он, это уже во многих местах внедрено. Он может внять рекомендациям по стилю управления. Услышит с кафедры теории управления на курсах повышения квалификации, что авторитарность — это плохо, а демократический стиль — хорошо, и будет стараться: введет в свой обиход элементы демократического стиля, приструнит себя в проявлениях авторитаризма.

Переделка характера

Многие психологи правильно подчеркивают, что характер эпилептоида трудно переделать, все равно что-то авторитарное прорвется. Я со своей стороны могу сказать, что результаты здесь прямо пропорциональны усилиям, затраченным на тренинги. Авторитарность с трудом, но преодолевается на уровне овладения психотехникой, без переделки характера (который, конечно, является и результатом генетической предрасположенности, и результатом воспитания с пеленочного детства). Однако надо не только лекции прослушать и не только книги прочитать, но и, как говорится, «наездить часы». Любой

начинающий водитель знает, что чем больше наездишь часов с инструктором, тем легче сдать вождение. Вот эпилептоиду и надо «наездить часы».

Критика

Эпилептоид с трудом переносит критику, хотя сам любит давать другим отрицательные оценки, но если критика объективна, справедлива, логична, конструктивна, если он видит, что его уличили, что он опростоволосился, то не будет выкручиваться, как это делают паранойяльный и истероид, а признает критику и будет стремиться исправить положение.

Юмор

С этим у эпилептоидов плоховато. То есть им хватает чувства юмора в том самом простом смысле, что, когда кто-то рассказывает что-нибудь смешное, они смеются вместе со всеми, над кинокомедиями Леонида Гайдая, рассказами Зощенко или выступлениями Жванецкого. Но такое чувство юмора есть даже у дебилов. А вот юмор Анатоля Франса, например, для эпилептоидов менее доступен. Но главное, **они сами непродуктивны в плане юморотворчества**. Могут рассказать свежий (а чаще устаревший) анекдот — и все, то есть юмор у них, как и у паранойяльных, **заимствованный**. Юмор в свой адрес эпилептоиды воспринимают крайне болезненно, злятся, иногда впадают в ярость, стремятся отомстить. Они менее злопамятны, чем паранойяльные, но все же злопамятны, а насмешка — это самое страшное для эпилептоидного самолюбия.

■ *В ряде публикаций я уже предупреждал, что с юмором надо обращаться осторожнее, но в особенности следует учитывать это по отношению к паранойяльному и к эпилептоиду. Я даю такой совет прежде всего шизоидным людям, которые могут быть талантливыми юморотворцами, и гипертимным людям, у которых юмор неглубокий, но тоже может задавать.*

Почему у эпилептоидов трудности с юморотворчеством? **Чтобы увидеть смешное, надо обладать нестандартным мышлением** (как у шизоида), а у эпилептоидов мышление стандартное. Поэтому и шутят они, используя банальные, «патентованные» остроты типа «У тебя в ушах чернозем», «Тебя пальцем делали». Часто это делается в рамках руководящих замечаний в адрес нижестоящих, в адрес своих и чужих детей.

А шизоид увидит сходство оттопыренных ушей с крыльями и выдаст это в виде оригинальной, но тоже неприятной шутки.

При том, что и у эпилептоида, и у паранойяльного юмор заимствованный, эпилептоид все-таки меньше, чем паранойяльный, склонен высмеивать людей.

Этикет

Эпилептоид в меру соблюдает этикет, он не матерится при женщинах, как может сделать гипертим или истероид. При своих, при мужиках, выругается — это же принято, но тоже в меру, не через каждое слово, как гипертим, а через несколько фраз.

Он соблюдает **общепринятый этикет**, а не лощеный-изошренный, как истероид. Он не упрекнет лишний раз за несоблюдение светских правил, как это сделает тот же истероид, но соблюдения основных правил приличия он потребует.

Сдержан, ко взрывчат

В психотехнике общения у эпилептоида бросается в глаза такая парадоксальная вещь. Эпилептоид **сдержан, но взрывчат**. Что это? А вот что: он дисциплинирован, поведение его упорядоченное. Он не распускает себя, как это делает паранойяльный, гипертим и истероид, а сдерживается. Но его энергетика

не уступает энергетике паранойяльного. И сдерживаться он может только до поры до времени. А там взрывается. Гнев его сокрушителен и страшен. Потом он себя корит, но не очень: ведь он не сдержался в ответ на **дурной поступок**.

Здоровье

Можно сказать об эпилептоиде и так: **взрывчат, но сдержан**. Это звучит еще более парадоксально. Но при этой перестановке понятий кое-что меняется. Начинаешь понимать, что эпилептоиды от своей сдержанности заболевают гипертонической болезнью с ее **инсультами** и ишемической болезнью сердца с ее **инфарктами**. У эпилептоида ситуация сдерживания воспроизводится постоянно, то есть все время: агрессивный импульс — задержка, агрессивный импульс — задержка... У него таких сеансов пятьдесят за день, и это играет решающую роль в возникновении этих психосоматических болезней, начало которых в психике, а конец, симптоматика, — в соматике (телесной сфере). Доктор Булгаков в «Мастере и Маргарите» устами Во-ланда провозгласил, что человек не просто **смертен**, но иногда **внезапно смертен**. Там, правда, речь шла о несчастных случаях, когда трамваем отрезало голову Берлиозу, — пусть, дескать, ни Бога, ни дьявола не забывает. Но человек **внезапно смертен иногда сам по себе**. Это как раз больше всего относится к эпилептоидам. Они иногда, будучи вроде бы абсолютно здоровыми, внезапно умирают.

■ *Неожиданно возникшая перспектива ареста — и он умирает от «молчащего» инфаркта (без обычных болей в области сердца) или от инсульта. Инфаркт и инсульт, впрочем, не всегда именно смертельны, они могут искалечить, превратить в инвалида, а предваряют их другие проявления ишемической болезни сердца и гипертонической болезни на фоне атеросклероза сосудов головного мозга.*

Все это эпилептоидные болезни — «сдержан, но взрывчат», «взрывчат, но сдержан»...

Сравним с паранойяльным. У паранойяльного меньше вероятность инсультов и инфарктов, так как он не сдерживает аффект, но у него больше вероятность гастритов и язвенной болезни (нерегулярно и плохо питаются). Эпилептоид же питается более или менее регулярно, ест горячую пищу, первое-второе-третье, так что у него меньше риск заболеть гастритом и последующей язвой желудка.

Эпилептоиды не слишком заботятся своим здоровьем, они не ходят по модным врачам, не ремонтируют, вовремя зубы, не проводят профилактику — некогда. Но они дисциплинированно проходят диспансеризацию, если потребует начальство. Иногда, когда требуют и убеждают врачи, эпилептоиды ради профилактики начинают заниматься на тренажерах, ходят в бассейн, налаживают правильное питание. Но все это — после «второго звонка».

Реакция на конфликтогены

На конфликтогены эпилептоид чаще всего реагирует холодной напряженностью, он не сразу включается в неуправляемый конфликт, но этот конфликт близок. **Эпилептоид сдерживается, сдерживается и взрывается**. Он может реагировать на конфликтогены и лицемерной пристройкой снизу: дескать плетью обуха не перешибешь. Он себя сдержит. Нередко эпилептоид открывает для себя более целесообразные способы оптимального реагирования на конфликтогены. Он, как мы заметили в процессе занятий по психотехнике общения, легко усваивает алгоритмы мягкой и жесткой конфронтации и управляемого конфликта.

Вегетатика

У эпилептоида стабильная. Ну, конечно, в гневе или при страхе он побледнеет, изредка покраснеет от стыда, но в основном сохраняет непроницаемость. **Он умеет скрыть свои чувства** и на уровне вегетатик, **устойчив к ударам, неожиданностям**. Он не паникует в случае банкротства, он знает, что можно найти выход, либо само «рассосется»; по крайней мере, можно уменьшить отрицательные последствия. И на лице — лишь легкая бледность.

Страх

В принципе эпилептоиды испытывают страх перед врагом, перед смертельно опасными ситуациями, но стараются быть собранными, приучают себя преодолевать страх и в конце концов становятся храбрыми солдатами, офицерами. Это подчинение витального страха социальным установкам — тоже результат особой социальности эпилептоида. Они сдержанны не только в проявлении агрессивности, но и в проявлении страха.

■ *Известный писатель-диссидент пятидесятых годов Виктор Некрасов описывал, как в первых сражениях люди испытывали медвежью болезнь, но потом привыкали к реву снарядов и свисту пуль и ходили в атаку.*

Эпилептоид не просто испытывает страх и преодолевает его. **Он стремится попасть в опасные ситуации.** Это **они** часто становятся летчиками-испытателями и берутся за другие рискованные профессии. Преодолев страх сами, они стараются заставить и других преодолевать его, а если у кого-то это не получается, высмеивают, обвиняют в трусости. Такой своеобразный садомазохизм. И с другой стороны, это опять же проявление социальности их существа.

Страдания

Эпилептоид их не выносит наружу. Ему трудно признаться друзьям, что изменила жена. В случае болезни он старается не обременять окружающих, не застонет лишний раз.

Эпилептоид как семьянин

Прежде всего уточним, что он **принципиально за семью**, он муж и отец. Он дуб для рябинки, как в песне. Он опора, надежная, ответственная. Но если жена придерживается иных, нежели он, ценностных ориентации, то неизбежны конфликты. Их можно избежать, если оба они успешно пройдут тренинг по психотехнике общения и скорректируют привычки, мешающие их отношениям.

Жена-эпилептоидка практически никогда не изменяет. Это самый надежный тип женщин. И она всегда помощник мужу, будь то эпилептоид, паранойяльный или истероид. При всех недостатках эпилептоидной жены (прическа с заколками-невидимками, старомодность, неизящность) для мужей это неценимо.

Муж-эпилептоид не уходит из семьи, но может изменять. Он очень сексуален и сластолюбив. При этом он все-таки всегда приходит ночевать домой. А если не приходит, то обеспечивает себе стопроцентное алиби, чтобы жена не волновалась.

Если гипертим изменяет жене с кем попало (с кем выпили вместе), если паранойяльный может изменить для дела, а истероидка — ради выгоды и с тем из престижных кавалеров, кто ею восхищается, то **эпилептоид изменяет по любви**, и он верен этой своей «измене», то есть он не меняет любовниц, а сосредоточивается на одной, ухаживает за ней. С любовницей у него отношения тоже стабильные. Она знает, что четверг — это ее день. Но она знает, что воскресенье — день семейный — и это святое. И ее ну не как жену, но все же он обеспечивает или помогает ей сколько может.

Если же, несмотря на свои измены, эпилептоид узнает, что изменила жена, то для него это трагедия. Да, вот так: сам изменяет, но если ему — трагедия. Это объясняется так называемой **двойной половой моралью**. Мужчина, в мнении большинства, имеет право изменять, а женщина — нет.

■ *Один мой друг жалуется мне:*

«Светка мне рога наставила. Нет, ты представляешь? Мне и рога. Ну не смешно ли?»

«Старик, ну ты ведь изменял ей, я же знаю...»

«Ну ты ж понимаешь, все мы мужики, что я, не мужик, что ли?»

«Ну, конечно, старик, понимаю.»

«Вот ведь какая гадина, а?»

Но если уж эпилептоид сам верен (а не ветрен, как истероид), тогда измена может повлечь убийство (Хозе — Кармен). А если не убьет, то, по крайней мере, побьет. Возможно и самоубийство или и убийство, и самоубийство одновременно (Отелло). Изменять, по его мнению, непорядочно — за это надо убить, это он считает порядочным. Потому что эпилептоид трудно переживает не только крах идеологии, в которую верил, но и крах отношений. Это ведь тоже своего рода крах идеологии: он **верит в брак, в семью как в общественные институты**. Он вложил в эти отношения, он построил их, **построил дом**, не то что гипертим, которому «под каждым кустом был готов и стол и дом».

С кем эпилептоиды сочетаются браком? Мужчины-эпилептоиды, понятно, предпочитают красивых пластичных истероидок. Они любят красоту, любят любоваться красотой. К тому же среди женщин вообще истероидок больше, так что даже если эпилептоид привлекает другой психотип, ему может достаться истероидка.

Этот альянс «эпилептоид плюс истероидка» насыщен специфическими трудностями. Мужчина-эпилептоид перегружен физически и психически, устает, ему не до ухаживаний за своей женой (и за любовницей часто тоже некогда ухаживать). А ей нужны ухаживания, атрибуты любви (цветы, подарки, мелкие знаки внимания, частые звонки с работы). Гораздо легче обстояли бы дела с сензитивной женой, пухленькой и робкой служанкой. Но истероидка его устраивает больше и по другим моментам. Эпилептоид высоко ценит общество и общественное одобрение. Ему небезразлично, «что будет говорить княгиня Марья Алек-севна», а значит, важно, какая у него жена. Истероидка — вывеска семьи. А сензитивная женщина боится общества. Вот эпилептоиды и женятся на истероидках и стреляются из-за их измен. Или просто возникают конфликты.

■ *Цветы, которые ей нужны, стоят дорого, их надо покупать, а он прижимист и ему некогда. Нужны гости и театры (а ему неинтересно, если это не деловое общение, и опять же некогда). А в результате — капризы, слезы, истерики, измены — замучишься. Но он предпочитает мучиться и держится за нее.*

Особенно если есть ребенок, а он зависимый и любящий отец.

Крайне редко он не выдерживает и сам подает на развод. Но чаще при разводах бывает так: она уходит, а он борется за брак. Интересно и то, что в любом из этих случаев он опять выберет скорее всего истероидку, и все повторится снова.

В браке эпилептоида и истероидки конфликт типичен: прижимистость эпилептоида и расточительность истероидки. **Совет: выделить истероидной жене разумную сумму и иногда дополнять ее по обстоятельствам.**

Дети

У эпилептоидных родителей дети не бывают брошены в роддоме или заброшены в интернате. Типичная картина: коляска с ребенком, при ней эпилептоидный отец, готовый на все, если не дай бог какой-нибудь пьяный полезет к коляске. У эпилептоидов **дети никогда не бывают безнадзорными**. Нос всегда утерт, накормлены, обуты-одеты. Дети не расфранченны, но все на них добротное и целесообразное.

Но, понятно, в ходу и строгость. Эпилептоидные родители аккуратно просматривают дневник, ругают за плохие оценки, ограничивают свободу.

■ *В детстве — свободу манипуляций с предметами, двигательную активность («не тронь — будет больно», «не бегай — упадешь», «не влезай — убьет»). В подростковом возрасте — свободу социальных контактов (запрещают дружить с одними детьми, навязывают других).*

Заставляют своих детей учиться по своему усмотрению: «Никакой музыки, пойдет в финансовый техникум». Но и помогают в учебе, регулярно ходят на родительские собрания. Часто они члены родительского комитета в школе. На людях своих детей защищают, дома же ругают, иногда, впрочем, склонны отругать и в присутствии чужих. У эпилептоидов вообще сильно выражены родственные чувства. Они склонны помогать племянникам, внукам.

В сексе

Здесь эпилептоид противоречив. С одной стороны, он сластолюбец. С другой — ханжа. В каком смысле? Если что-то уже дозволено обществом, он с радостью это принимает. Но дозволено не так уж много. Тогда он либо втайне это недозволенное практикует, вслух при этом осуждая других, либо и сам себе не позволяет, и тогда становится невротиком.

Секс эпилептоида может быть стандартен или расцвечен в зависимости от его культурного развития.

Можно сказать, что эпилептоид склонен к садомазохизму в сексе. Он любит **подчинять сексуального партнера**. Это не всегда выражается именно в **требованиях** каких-то сексуальных действий, иногда, и даже часто наоборот, в **запрете** на те или иные, даже вполне невинные с точки зрения современной сексологии действия, например в запрете на орально-генитальные игры. Запрещает себе — мазохизм, запрещает партнеру — садизм. Сексологически грамотные, осознавшие и принявшие свои сексуальные потребности эпилептоиды склонны выражать их в игровой форме.

Садомазохистские тенденции проявляются у эпилептоида и в том, что, если у него на теле, на лице что-то не так, он склонен выдавить, сковырнуть, отрезать, доставив себе болевые ощущения: здесь садистические элементы непосредственно сочетаются с мазохистскими.

Добавим, что эпилептоид-мужчина больше склонен к нормальному (не носящему неотвязный, принудительный характер) вуайеризму.

■ *То есть эпилептоидный мужчина любит видеть обнаженную женщину, ее половые органы, откровенные позы. Или же он мазохистски вытесняет из своей психики эти желания.*

При этом истероидка-женщина склонна тоже к нормальному (то есть тоже без принудительности) эксгибиционизму. Тогда все в порядке: он смотрит, она демонстративно не скрывает себя.

Получается **гармоничная пара**. Если, конечно, ни у него, ни у нее это не зашкаливает в психопатию. Но если он начинает требовать от женщины вещи, для нее неприемлемые, а она даже и простые вещи отказывается для него делать, то возникают страсти-мордасти.

Эпилептоид **любит секс в себе, а не себя в сексе** (последнее свойственно истероидам). Он заботливо организует свою сластолюбивую сексуальность, в этом он похож на истероида, но отличается от паранойяльного, шизоида и гипертима, тем более от гипотима и сензитива.

Если эпилептоид сексуально неграмотен и стандартен, то он может и от других требовать стандартности. Тогда это жуткий святоша, что более свойственно эпилептоидкам. Но это, как мы уже говорили, оборотная сторона активной сексуальности: запреты — это своего рода садизм.

Здесь и дальше я не слишком соблюдаю порядок изложения признаков психотипа. Какой порядок ни избери, все равно можно найти, к чему придраться, а вот другой принцип был бы в каком-то отношении лучше... Тут даже очень условно трудно отделить **внешние** признаки от **внутренних**, допустим верность вождю. Потому что эпилептоид одевается по той, например, униформе, которую санкционирует вождь.

Но все же стоит чуточку поднапрячься и попытаться мысленно делить признаки на **внешние и внутренние**. По внешним признакам мы как бы видим, схватываем, быстренько вычисляем психотип, а потом предвидим его поступки, стелим соломку и правильно реагируем.

■ *Например, стол и пиджак у человека в порядке, значит, и от меня он будет требовать этого и будет осуждать, если у меня непорядок. И если этот человек мне близок, дорог, если это отец, то, может быть, и не стоит раздражать его своей расхлябанностью, своим «художественным беспорядком»/*

А если все же не удалось причесаться, то когда он сдержанно посмотрит на торчащие вихры, лучше сказать сразу: «Будет сделано» — и причесаться.

Я буду и дальше по мере необходимости советовать, что и как должно быть в отношениях с тем или иным психотипом.

Я буду стараться соблюдать плавность, логическую структурность в переходах от темки к темке внутри темы о данном или другом психотипе. Но это не всегда удается.

А сейчас я перехожу к тому, что, наверное, является ключевым моментом в эпилептоидном характере.

Они во что-то свято верят, **не слишком подвергая критическому анализу догматы веры** — будь то вера в Иисуса Христа или в то, что его вовсе и не было и что Бога тоже нет, или в светлое коммунистическое завтра, или в богоизбранность собственной нации. Главное, что это — **некритичная вера в постулаты паранойяльного пророка.**

И вот еще что важно и страшно. Если идеи, за которые эпи-лептоиды боролись и умирали, вдруг рухнули, то этот крах идей они тяжело переживают. Они тяжело переживают не только гибель идей, но и смерть вождей. Мужчины плакали, когда умер Ленин и когда умер Сталин. В отличие от эпилептоидов, паранойяльные изобретут новые идеи, во имя которых будут привлекать новых адептов. И «все начнется вновь... и слова, и пули, и любовь, и кровь...» — как в песне Булата Окуджавы. Гиперти-мы, в отличие от эпилептоидов, выпьют за новую власть («король умер, да здравствует король!») и будут крутиться возле новых кормушек. Истероиды, в отличие от эпилептоидов, не вдаваясь в теоретические дебри, будут петь талантливые или пошлые песни, прославляя новый порядок. А эпилептоид, скорее всего, будет верен старым идеям и будет работать на их возрождение. Он будет пытаться реабилитировать низвергнутых вождей. Это я и о том скорее трагическом, чем трагикомическом зрелище, когда старушки несут портреты Сталина, который убивал их родственников.

Родина и честь

Эпилептоиду более, чем другим людям, свойственна «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Он не может эмигрировать из страны, ведь здесь же могилы предков, а как сказал Маркес в одном из романов, родина не там, где родился, а там, где похоронены близкие. Для эпилептоидов важнее, чем для других психотипов, само слово «Родина». Это они умирали за Родину и, увы, «за Сталина». Эпилептоиды знают, что такое честь — честь мундира, семьи, честь полка, народа, страны, руководства.

Командир — подчиненный

Эпилептоиды хорошо командуют и хорошо подчиняются.

В ранних работах известного и очень талантливого психолога профессора Ф. Д. Горбова говорится о том, что загребной (командир в многовесельной лодке) всегда был и хорошим рядовым гребцом.

Эпилептоид нередко так ограничен шорами, что скорее сам может погибнуть, чем выйдет за пределы отведенного ему круга.

■ *Жуков мог двинуть всю армию на Сталина, но он был маршал, а не политик, и Сталин убрал его на задворки — командовать округом, потом то же повторилось у Жукова с Хрущевым: он «вывел Никиту на орбиту, как ракета-носитель, и отвалился» (старый анекдот), а мог бы свалить Хрущева.*

Из-за своей преданности эпилептоиды часто оказываются в трудных нравственных ситуациях. Зависимый от чужих воззрений **человек с вставленным в него стержнем**, эпилептоид, становится, попав в несправедную систему, **орудием этой системы**. Так было с немецкими эпилептоидами, так было с советскими эпилептоидами. Это **их руками** творился гитлеризм и сталинизм.

Эпилептоид не просто исполнитель в проведении линии своего паранойяльного вождя, пророка, своей партии и ее традиций. Он навязывает другим свои взгляды, заставляет исполнять программы его партии, ее ритуалы, чтить ее символику, исповедовать устои, которые он считает нравственными, хотя другие люди могут считать их, наоборот, аморальными.

Он ревностный служака и рубака. Он рубит плеча — и летят головы. Он становится рыцарем революции. С оружием в руках и соблюдая воинскую дисциплину, он насильно навязывает идеологию, политическую систему, государственное устройство.

Вот шизоидам, гипертимам, психастеноидам это не свойственно. Истероиды могут примыкать то к одним, то к другим; вставленные в них стержни столь гибки или так легко вынимаются и заменяются другими, что ни в какое сравнение в этом смысле с эпилептоидами не идут. Хотя в какой-то отдельный момент они могут быть вполне страстными ораторами и красиво-храбрыми воинами.

Печатное слово

Для эпилептоида очень важно печатное слово. Раньше, когда «правду» говорила только газета «Правда», это было особенно заметно. Но и сейчас, если что-то написано, например, в «Медицинской энциклопедии» или опубликовано в издательстве «Медицина» или «Наука», то он проникается к этому доверием. Поэтому в разговоре с эпилептоидом при разногласиях имеет смысл сослаться на солидные издания. Если что-то опубликовано в несолидных коммерческих изданиях, то эпилептоида это не убедит. Ему нужны basic books (основные книги).

Глубокое доверие эпилептоида к печатному слову, а также к серьезным программам радио и телевидения вполне объяснимо: все это связано с властными структурами и установлениями. Важны для эпилептоида и другие проявления истеблишмента.

■ *Он испытывает благоговейный трепет перед всякого рода штампами, печатями, подписями чиновников, бланками с «шапкой», перед аббревиатурами типа ЦК, ЧК, КГБ, МГУ, перед магическими для него словами типа «Государство», «Политбюро», «Президент».*

Особенно — перед словом «генеральный». Все равно: секретарь, директор — но важно, что «генеральный». Это для эпилептоидов паранойяльный объявляет себя Главнокомандующим и усиливает дополнительно словом «Верховный».

Чинопочитание

С уважением к порядку у эпилептоида связано и чинопочитание. Он свято блюдет табель о рангах. В обоих направлениях: вверх и вниз. Он сразу берет под козырек: что партия наметила, то и выполним. «Колелется вместе с линией партии», как в застойном анекдоте, а потом тяжело переживает крах партии.

Эпилептоид любит чинопочитание и по отношению к себе. И ценит он не только честь, но и лесть. Нередко на этом попадает, вкладывается в льстецов, а потом досадливо сетует или бурно гневается на них. Когда ему что-то очень нужно, то и он может быть льстивым до безвкусицы.

Ценностные ориентации

Эпилептоидной личности свойственны, разумеется, не только те или иные характерологические черты, но и те или иные ценностные ориентации. Конечно, в выборе той или иной ориентации характер играет ведущую роль, но все же не полностью его предопределяет, многое зависит от того, какие идеи предлагаются эпилептоиду.

Национал-социализм, социализм, религиозный фанатизм, расизм, воинствующий атеизм, патриотизм, панамериканизм и т. п. — такого рода ориентации при всей их противоположности могут быть в цене для эпилептоида в зависимости от обстоятельств.

Религия

Я уже затрагивал вопрос о месте эпилептоида в религии. Но эта тема заслуживает и нескольких специальных абзацев. Так что же есть эпилептоид в религии?

В предыдущей главе я уже говорил, что паранойяльный — это пророк, а эпилептоид — апостол. Этот образ можно использовать и для понимания роли эпилептоида **в любой религии**.

Но сначала возвратимся к паранойяльному. Напомним, паранойяльный в религии — пророк. Так что и Магомет, и Моисей, и Будда, и Заратустра, и сам Иисус Христос — личности паранойяльные. Ну а эпилептоиды? Нет, они, конечно, не только апостолы. Они и церковные иерархи инквизиторы, и просто пастыри. Вместе с паранойяльными пророками они, можно сказать словами Иисуса, — **ловцы человеков**.

Итак, **эпилептоиды — пастыри, патриархи, иерархи, архиереи, отцы церкви, а другие психотипы для эпилептоидов — дети, «овцы», в том числе и заблудшие, предмет заботы.**

■ В повести Георгия Владимова «Верный Руслан» овчарке Руслану кажется, что реабилитированные заключенные на самом деле убежали и без лагеря пропадут.

Понятно, что и сами эпилептоиды могут играть роль паствы.

В религии каждый психотип находит свой путь, свою роль, свои радости и утешения. Гипертим — это типичный поп-расстрига. Йстероиды — кликуши, одержимые бесом; из них особенно легко бесы выходят по простому приказу «изыди». Истероиды легко могут уверовать и легко разочаровываются, но, будучи многочисленными, играют определенную роль в утверждении, новой религии. Место разных других психотипов в религии обрисовывается здесь вскользь, для понимания разницы с эпилептоидами, но в каждой главе, посвященной отдельно тому или иному психотипу, это будет развернуто.

Общественная нагрузка

Каждый психотип в своем своеобразии несет определенную **общественную нагрузку**, и каждый по своему привлекателен и нужен, при всех его психотипных отрицательных качествах. Так происходит и в религиозных общинах.

■ *Да и взять просто в туристической компании: гипертим не позволит унывать, астероид будет петь, паранойяльный фанатик туризма — разведывать новые места и вести туда группы и т. п.*

Так что, действительно, «мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Общественная «нагрузка» эпилептоида — организовывать быт, восстанавливать справедливость, воспитывать, следить за нравственностью и, увы, «за внебрачными связями».

Эрудиция

Она у эпилептоида **фундаментальна в области практически значимых вещей и в рамках его специальности**. Он глубоко покопался в нескольких узкоспециальных вопросах. Он дочитывает книги до конца и конспектирует их, не то что гипертим или истероид, которые могут начать с середины и на середине же закончить. Особенно этим отличается истероид: словно ковыряет вилкой в блюде, оставляя самое «вкусное», в сущности, нетронутым, но потом будет хвастать: «Я Борхеса читал, а ты? Ну что же ты, это надо знать, это уже классика».

Нет, эпилептоид делает выписки на карточках, ведет каталоги. Нельзя сказать, что эрудиция эпилептоида очень обширна. Чего-то он может не знать, но если нужно — покопается и овладеет. Правда, это не касается поэзии, хотя эпилептоид не чужд искусства, любит почитать и романы, в отличие от паранойяльного, который читает только для дела. Это и не широко эрудированный шизоид. И не припудривающий мозги иногда километрами стихотворных строк истероид.

Науки и творчество

Творчество эпилептоида в науке целеустремленное, на заданную тему. Тему эту задает паранойяльный или другой эпилептоид, который тоже выполняет заказ паранойяльного. Эпилептоиды склонны скорее разрабатывать прагматические задачи, если ясно, что их работа даст значимый результат, пусть даже отрицательный, но зато отброшен туиковый путь. Свободный поиск эпилептоиду менее присущ. Он не генерирует принципиально новые идеи, а честно работает на проторенных дорогах.

Эпилептоид целеустремленно овладевает наукой, той наукой, которую создали до него и для него другие. Но фундаментальную науку он может как ученый продвигать в основном в качестве организатора. Успешно заниматься прикладной наукой он способен, при этом ему ставят задачи другие ученые. Иногда он выполняет социальный заказ. Но **эпилептоиды очень нужны даже фундаментальной науке, потому что они могут довести идею «до ума»**, честно и скрупулезно проверить чью-то смелую гипотезу и решительно выступить против, если она не подтвердилась, или за, если она подтвердилась.

Бывает, что эпилептоид берется и за художественное творчество. Тогда его тянет на фундаментальность, реализм-натурализм, фотографичность, помпезность, прославление вождей или

революции, патриотизм. Он клеймит позором изменников родины, развратников, проституток, наркоманов, алкоголиков, трусов, противопоставляя им положительного героя.

■ *И никаких тебе надломов души, драм или трагедий с самоубийствами или фиолетовыми туманами... Вот Борис Полевой — «Повесть о настоящем человеке». Вот Вадим Кожевников — «Щит и меч».*

Конечно, эпилептоид, становясь художником, в какой-то мере приобретает черты истероида, начинает любить себя в искусстве, но при этом эпилептоидные художники и композиторы холодны, в них нет живого человеческого чувства, как нет, например, его в партийно-славословящих песнях эпохи застоя типа «Мы делу Ленина и партии верны» или в песне на заданную тему про андреевский флаг, которую поет эстрадная трансвес-титка, демонстративно напялившая фуражку и гимнастерку белого офицера... Это она истероидка, а автор, судя по тексту, — эпилептоид.

По служебной лестнице

Эпилептоиды практически всегда поднимаются планомерно по служебной лестнице, не перескакивая через ступени, как это часто бывает с паранойяльными, а постепенно или, даже скажем точнее, **поступенно**. И опять же в противовес паранойяльному у них редко случаются падения, разве что ломается генеральная линия, которой они служат, тогда и карьера эпилептоида может рухнуть. Если же он вовремя перестроится под новую «генеральную линию», то восстанавливается в обществе в прежнем статусе. Но напомним, что перестраиваться ему трудно. Такая планомерная, **постепенная карьера** без особых падений возможна благодаря сдержанности, исполнительности и чиновничеству эпилептоида.

Обучение

Учеба для эпилептоида — часть карьеры. Он, как правило, учится достаточно ровно, без зигзагов. Переходит из класса в класс, с курса на курс, не отстает и не опережает, не перескакивает через курс. В соответствии со способностями, конечно. Оценки: тройки-четверки, четверки-пятерки, пятерки. Но смесь из троек, четверок, пятерок и... двоек — крайне редко; это уже не эпилептоид, наверное. Так учатся скорее всего паранойяльные, шизоиды и истероиды. Хотя и у них может быть поровнее. Ну вот, как видим, это тоже плюс эпилептоиду. Эпилептоид ценит сделанные в него вложения. За учебу надо платить; платит ли государство, родители или он сам — надо отрабатывать.

Честолюбие

Эпилептоид по-хорошему честолюбив в плане нравственности («Я чист и честен»), а в плане интеллектуальных находок не так честолюбив. Он хотел бы, чтобы приветствовали исповедуемую им идеологию, его клан, его этнос, но личное авторство он не так уж отстаивает и к нему не так уж стремится. Напомним, что для паранойяльного очень важно его авторство, и запомним, что для истероида тоже. А вот гипертим еще менее, чем эпилептоид, дорожит своим авторством.

Профессии

Эпилептоиды более преуспевают в профессиях, которые как бы более «предназначены» для них... Ну, разумеется, военные, точнее, офицерский корпус по контракту, а не солдаты-призывники. Полиция и правоохранительные органы. Учителя, врачи. В меньшей степени, но все же подходит эпилептоидам работа бухгалтера. Для каждой из этих профессий характерны назидательность, требовательность, авторитарность и т. п.

В овладении профессиональными навыками эпилептоиды упорны, но, раз овладев чем-то, они с трудом переучиваются. Они ретрограды в плане нововведений по интероргтехнике. Научившись печатать на машинке, эпилептоид сопротивляется переходу на компьютер. Овладев одними компьютерными

программами, он со скрипом переходит на другие, более совершенные программы. То есть он **хорошо удерживает программы**, но можно сказать, **что и они удерживают его**.

Коммерция

Какие эпилептоиды коммерсанты? Прежде всего, в основном честные, то есть на них можно положиться, но надо иметь в виду, что при определенных трудных обстоятельствах они могут и оступиться... Конечно, абсолютно честных людей, наверное, вообще нет; даже психастеноиды могут слукавить и потом мучиться совестью. Но все же при известных предосторожностях, гарантирующих безопасность, **с эпилептоидами иметь дело предпочтительнее*** чем с другими психотипами (психастеноид как ком-мерстант не очень деятелен, гипертим суетлив, но по большому счету неудачник, любит риск и часто нечистоплотен в делах...). Эпилептоид не любит коммерческих рисков, он рискует десятками процентами капитала, не больше, не идет на сомнительные сделки, наводит справки, требует расписок.

■ *Один эпилептоид дал мне в долг деньги и потребовал расписку. Я спросил его, неужели он мне не доверяет. Доверяю, конечно, был ответ, но вдруг ты погибнешь в автокатастрофе, родственники отдадут.*

Друзьями близкими мы не были, я простил ему бестактность, взял деньги в долг и дал расписку. Когда я вернул ему долг, он сам без напоминаний отдал мне расписку.

Эпилептоид склонен то или иное дело проверять сначала на малых оборотах капитала, проэкспериментировать и только после этого увеличивать обороты.

Бережливость

Эпилептоид скромнен в тратах, бережлив. Он не сделает лишнего междугороднего и тем более международного звонка, а позвонив, сэкономит секунды, будет краток — все только по делу. Ему трудно выбросить недоеденную пищу или вышедшую из моды одежду. Но он не доводит пищу до порчи, он ее бережет: вовремя пережарит, перетопит жир. Он не выбросит верхние листья от капусты, а постарается отмыть их и сделать голубцы. А вот истеро-идка срежет половину хороших листьев в отходы. Паранойяльный же вообще не будет готовить, но и ругать за неэкономность не станет, если без особого напряжения на все хватает. Гипертим расточителен. Шизоид просто не умеет ни готовить, ни экономить. Но вот с психастеноидом у эпилептоида здесь есть сходство. Психастеноид тоже очень бережлив. Разница все же в том, что психастеноид просто сам сбережет, и на этом все, а эпилептоид будет сердиться на расточителей. Как всегда, в плюсах и минусы, бережлив, но раздражается при неэкономности других.

А вот еще плюс: **эпилептоид отдает долги всегда вовремя и полностью.** Правда, он не будет за пять дней предупреждать о предстоящем возврате долга, как это делает психастеноид. Но эпилептоид и в этом отношении дорожит своей честью. А если его и подмывает слукавить, то верх берет рационализм: отдам вовремя, мне будут доверять и давать в долг и дальше, а нет — лишусь кредиторов.

Еще более характерно для него то, что он **старается не залезать в долги.** Он не любит быть должником. Взяв в долг по необходимости, он стремится вернуть его по возможности быстрее. И при этом, в силу финансовой дисциплинированности, он умеет копить деньги и практически всегда может дать в долг друзьям, но он всегда точно оговорит дату возврата, напомнит о сроке должнику за два дня до отдачи долга.

Он не склонен давать больших сумм, не доверяет человеку или ситуации, не хочет рисковать. С другой стороны, уверившись, что человек отдает долги вовремя, он может в дальнейшем одалживать и более крупные суммы.

■ *Впрочем, обычно у эпилептоида не так много денег, за исключением случая, если он вышел на «финансовый эскалатор», когда деньги делают деньги.*

Чаще он служащий, который честно зарабатывает свою зарплату, наемный работник, не склонный к финансовым рискам и, следовательно, не вырывающийся за определенные средние пределы. Он зарабатывает свои твердые 25 минимальных окладов, и на этом спасибо любому правительству.

Деньги

Деньгам эпилептоид ведет счет, записывает траты, доходы, кому сколько должен. Не забывает долги. Опять вроде бы плюс. Но вот и «минус». Эпилептоид считает деньги не только в своем кармане, но и в чужом. По его мнению, не только он, но и другие должны рачительно относиться к деньгам, а не транжирить их. Деньги надо расходовать правильно. Очень плохо, если неправильно тратят деньги родственники. А уж особенно, если неправильно расходуются деньги, которые он подарил, или деньги, которые могли бы быть сэкономлены и потрачены на него или по его усмотрению.

■ *И вот эпилептоидная свекровь начинает считать деньги в кошельке истероидной невестки — и пошел скандал за скандалом. Или теща считает деньги в портмоне зятя... А между молотом и наковальней — дочь и внуки.*

Отношения эпилептоида с людьми осложняются постоянными конфликтами с расточителями (гипертимами и истероидами) по поводу лишних трат, особенно в семье. Истероиды тратят деньги и в самом деле неосмотрительно. И если у эпилептоида «стероидная жена, у них постоянно возникают ссоры по этому поводу.

■ *Стремясь уменьшить такие конфликты, один эпилептоид договорился со своей женой-истероидкой, что не будет возражать против покупки какой-то вещи, если она сначала отойдет от прилавка на почтительное расстояние, а потом все-таки вспомнит об этой вещи и вернется.*

Интеллектом жена обделена не была, и согласилась. Раздоров стало явно меньше. Как правило, истероидки считают эпилептоидных мужей скрягами, стараются быстро вложить деньги в покупки, а там будь что будет, в ответ эпилептоиды раздражаются гневными тирадами по поводу расточительности и безответственности этих трат.

Эпилептоиды, действительно, часто чрезмерно прижимисты. Им имеет смысл пересмотреть эту позицию, если есть возможность хотя бы слегка расслабиться относительно трат. Можно, например, просто договориться о сумме, в расходование которой эпилептоид не вмешивается вообще. Будет явно меньше трудностей. Запомните этот совет, читатель. Если не вам, то другу вашему он пригодится. Неважно, что это всего лишь строка. Это записано **отдельной строкой**.

У эпилептоида всегда есть «подкожные» значки. Причем, становясь старше, он имеет все больше не учитываемых женою денег. Ведь помимо основной работы у него обычно есть приработки. Когда это обнаруживается, опять возникают конфликты.

Считать деньги в чужом кошельке эпилептоид любит и в более широком смысле. Он **следит за справедливостью распределения средств в обществе**, за «нетрудовыми доходами», за спекулянтами или другими пройдохами, за фирмами, работающими по принципу «пирамид», за утечкой валюты из страны. Он принципиальный налоговый полицейский, инспектор КРУ. Он может вступить за экономические интересы бедных, способен стать и анонимным осведомителем по финансовым преступлениям.

Домовитость

Эпилептоид — домовитый и домашний. Домовитый в том смысле, что в доме у него все устроено, он сам все наладил-приладил и, возможно даже, сам многое сделал (антресоли, стеллажи, шкафы), врезал два-три замка. Дверь всегда на запоре. Гипертим, в противовес ему, сделает хилый замок, да и тот толком не запирает. У эпилептоида есть мастерская на балконе или даже сарай, гараж, во всяком случае он к этому стремится. А у гипертима сама квартира как сарай. Эпилептоид домовит и в том смысле, что все несет в дом, в отличие от гипертима, который все тащит из дома. Можно сказать даже, что эпилептоид — стяжатель. Ну если и не стяжатель, то уж никак не расточитель.

К вещам эпилептоид относится с уважением, чинит их. У него стол не будет шататься, он перевернет его, уберет сломанное, врежет новые детали, поставит все на шурупы, на уголки, и стол будет в порядке.

Домашним мы эпилептоида назвали не потому, что он сиднем сидит дома, а не в офисе; нет, он часто пропадает на работе.

Но для эпилептоида его дом — его крепость.

Он склонен окунуться и в домашний уют, созданный для него истероидной или сензитивной женой. Он не любит общежитий и бульонов из кубиков, он любит тахту и свежеприготовленный огнедышащий борщ.

Эпилептоидная женщина приводит в порядок квартиру полностью, пусть и не до каждой пылинки доберется, как это делает психастеноидка, но и не как истероидка, которая подметет пол посередине комнаты, а под диваном — клочья пыли, и тем более не как шизоидка, у которой куда ни ступи — грязь.

Отдых

Эпилептоиды работают год, чтобы скопить деньги, купить путевки и поехать на юг с женой и не только доехать и обеспечить «койко-дни», но и фрукты, и прогулки на теплоходике по Черному морю, а когда деньги кончатся, уехать к себе домой на Белое море, снова зарабатывать на будущий год. Ну, может быть, южный берег будет теперь уже не «советский», а турецкий. То есть ему нужен отдых запланированный, когда все просчитано. Никаких дополнительных трат, неумеренных развлечений с фейерверками, тем более никаких казино.

В командировке

Эпилептоид может полностью себя обслужить: пришить пуговицу, сварить в номере кофе или даже суп (маленькая плиточка, кипятильник), у него разумный, без излишеств запас еды, одежды для выступлений и для отдыха в гостинице.

Не склонны к перемене мест

Эпилептоиды не склонны к смене жилища. Они не поймут призыва Марины Цветаевой: «Переезд! Не жалейте насиженных мест!» Они годами и даже десятилетиями живут в одном городе, работают на одном месте, если их не перемещают по службе начальники (паранойяльные или другие эпилептоиды), чаще с повышением. Или «по зову партии» переходят на другую работу такого же уровня, а бывает, и с понижением. Тогда в связи с этими перемещениями они и переезжают в другие местности. Впрочем, эпилептоид и сам может поехать учиться в другой город. Но это тоже «по путевке комсомола». Или потому что вообще так надо, ведь «великий учитель» сказал: «Учиться, учиться, учиться».

У эпилептоида не только нет привычки к перемене мест, он и мебель редко переставляет. Поставили — и пусть стоит. И даже мелкие предметы не любит передвигать. Свои архивы эпилептоиды годами не пересматривают.

Хобби

Эпилептоид предпочитает постолярить, послесарить, то есть прагматически важные занятия. Эпилептоид редко начинает собирать спичечные коробки, разве что марки, которые могут принести доход.

Эпилептоид любит животных, больше лошадей, служебных собак. Они его выгуливают. Относится он к ним с уважением, как к друзьям. К кошечкам и попугайчикам в основном равнодушен, не будет с ними возиться, ну разве что ради детей и жены.

Выпивает

Эпилептоид выпивает нечасто, хотя может выпить много. Но никогда не напьется так, чтобы попасть не домой, а в вытрезвитель. **Он знает меру**, свою предельную дозу, не переходит грань. Хронический алкоголизм ему не грозит. Он не будет пить «на троих» или «за столбом», разве что в походе или на вынужденных мужских пикниках (наподобие застойных картофелекопательных). Ему не свойственны

запланированные пикниковые и туристические выпивки. Дома или в гостях, на представительских фуршетах или в ресторане на банкете — это пожалуйста. Но тут все как надо: аперитив, салаты, горячее, десерт, сигарета, тосты с прославлением лидеров, тосты за начальство и за хорошо работающих подчиненных.

Настроение

Оно в основном у него ровное, **без особых перепадов**, хотя зависит от ситуации. Но их эпилептоид в основном создает сам, так что случайных отрицательных ситуаций у него бывает мало. Ровное настроение. Ну плюс-минус на «успех предприятия». Некоторые психологи могут спросить, а как же с дисфориями? На это я отвечу, что тогда речь идет скорее не об эпилептоидном характере, а об эпилептическом психозе, характеризующемся дисфорией (злобно-тоскливым состоянием).

Тем более редки у них серьезные невротические депрессии, ведущие к самоубийству. В основном это самоубийства при уходе любимого человека. Эпилептоид может принять решение о самоубийстве и осознанно, в реально безвыходной ситуации, но и здесь он скорее попытается найти выход.

* * *

Многие из обрисованных выше черт эпилептоида узнаются при более или менее длительном контакте, в процессе наблюдений за его взаимодействием с другими людьми. Отдает ли вовремя деньги, например, или нет? Нужно время, чтобы убедиться, отдает или не отдает... Но имидж частично виден сразу. Почему частично? Ну так ведь имидж тоже меняется время от времени: раз так причесался, раз — этак (или всегда одинаково). Но кое-что все же видно сразу. Сегодняшняя прическа тоже о чем-то говорит.

Начнем все-таки не с одежды, которую можно и поменять, а с телесных соматических особенностей, которые более или менее одинаковы. Конечно, придирчивый критик может сказать, что человек может похудеть или поправиться или сходить в парную и уже этим несколько изменить внешность. Это, конечно, так. И все же соматический облик более или менее постоянен у любого психотипа.

Кожа

Обычно бледноватая, если он северный человек, — он не загорает в соляриях и не ездит на юг зимой. Летом в деревне или на южном пляже, куда он съездит с женой, подзагорит, но это быстро проходит. Кожа более или менее чистая, без грубых прыщей, угрей и землистых пятен. В период полового созревания они, конечно, могут появиться, но это не носит катастрофического характера. В пожилом возрасте лицо покрывается сеточкой мелких сосудов склеротического и гипертонического происхождения.

Телосложение

У эпилептоида в основе своей телосложение правильное, остальное зависит от еды, от спортивности, от образа жизни. Но чаще это атлетическое телосложение, хотя к пятидесяти уже появляется неизменное брюшко, которое, впрочем, не мешает ему нравиться женщинам.

Лицо у эпилептоида овальное, с правильными чертами, без резкой асимметрии, нет диспропорций, не полное, но и не слишком худощавое. Брови нередко сдвинуты к переносице.

Речь

Говорит эпилептоид связно, членораздельно, внятно, чеканя слова и фразы. Обычно у него хорошая дикция, без картавости, без каши во рту. **Говорит понятно**, последовательно: первое, второе, третье. Голос не тихий, но и не громовой, отчетливо слышный. Интонации — «в пределах нормы». То есть модуляции

есть, но не слишком резкие. Перебить себя не дает, но и сам редко перебивает, не то что паранойяльный или гипертим и истероид. У эпилептоида и здесь довлеет самодисциплина.

Движения

У эпилептоида они четкие, размеренные, в меру резкие, но и достаточно пластичные. Сложные действия как бы раскладываются на ряд более простых; это не слитная мелодия, как у истероидок, видны иногда стыки, но в то же время это и не вычурно смешные движения шизоида, который неловко пытается дотянуться до далекого предмета и падает. Эпилептоид просто обойдет препятствие и спокойно возьмет нужный предмет, а вот истероидка, дотягиваясь рукой, изящно вытянет в качестве противовеса ножку и, балансируя на другой ножке, дотянется и двумя пальцами возьмет рюмку и так же изящно поставит ее на стол.

С особенностями эпилептоидной двигательной пластики связаны понятным образом и отношение к танцам. Изначально не отличаясь изяществом, эпилептоиды не тянутся к танцам, они не могли бы стать «раздватрисами» из «Трех толстяков». Но, в меру пластичные, они при необходимости научатся танцевать, особенно если того требует придворный этикет или желание добиться успеха у женщин.

Одежде

Постарев, эпилептоиды носят костюмы времен своей молодости и зрелости. Они привыкают к моде, как привыкают к форме. Новую вещь эпилептоид покупает наподобие прежней. Поэтому они **отстают от моды**. Даже молодые эпилептоиды отстают года на четыре, одеваются в духе близкого **ретро**. Авангардизм в одежде — не для них. Но для того, чтобы не чувствовать и особенной ущербности, они предпочитают строгий классический стиль, который всегда в моде. Темный костюм, галстук, светлая рубашка, все чистое, отглаженное, ремень затянут, пуговицы застегнуты — типично чиновничий вариант. Эпилептоид слегка, таким образом, старомоден, но не вычурно старомоден, как шизоид, который может «позволить себе» надеть неистлевшую рубашку, бывшую модной 15 лет назад.

Эпилептоидам свойственно постоянство в одежде (как в идеологии, как в дружбе). Они привыкают к вещам. Они не могут понять, как это можно выбросить вещь, если она еще не износилась, а только вышла из моды. Они донашивают одежду до ее реального, а не морального износа. Даже если приходится перестать носить какую-то вещь, они ее не выбрасывают, а убирают в шкаф — вдруг пригодится. Но если шизоид носит пиджак, пока тот не развалится от ветхости, то эпилептоид изношенную вещь перелицует, перешьет, подремонтирует.

Женщины-эпилептоидки в одежде несколько мужеподобны, но не до трансвестизма, не до гомосексуальных переодеваний в явно мужскую одежду; они не наденут и выпендренные штанишки истероидок. Это, как правило, строгий однотонный костюм: жакет и юбка, в наше время и брючный костюм, но ни в коем случае не кокетливый, или же закрытое без «финтифлюшек» и не слишком облегающее фигуру платье.

Прически

Как правило, без каких-либо ухищрений или кокетства, всегда одинаковая, в духе легкого ретро, у пожилых — прическа времен их молодости. Мужчины не красят волосы. Женщины в возрасте могут и покрасить их в тот цвет, который был у них в молодости, но брюнетка не перекрашивается в блондинку. У женщин волосы — на прямой или косой пробор, заколка-невидимка, чтобы не мешали, часто открыт лоб. Волосы короткие или средней длины, чтобы быстрее можно было привести себя в порядок и чтобы шампуня меньше уходило — этакая Калугина в исполнении Алисы Фрейндлих из первой части фильма «Служебный роман».

Склонность эпилептоидов к старомодности объясняется не только привычкой к вещам и бережливостью. Они в принципе против лишнего украшения, нерациональной траты денег на моду, они осуждают ее за легкомыслие.

«Верный Руслан»

Некоторые психотипы для диагностики удобно сравнивать с хорошо знакомыми нам животными. Прочитайте глубокую психолого-социологическую повесть Георгия Владимова «Верный Руслан».

■ *Руслан (мы о нем уже упоминали) — это лагерная собака-человек, погибающая в своей слепой вере и преданности.*

Так вот, **эпилептоид** подобен этой самозабвенной служебной **овчарке**. А вот истероидка напоминает кошку или избалованную болонку.

Статистики

Я уже говорил, что исследований, которые дали бы психо-типную структуру человечества в процентах, я не знаю. По своим интуитивным впечатлениям могу сказать, что паранойяльных людей 3-5%, и среди них около 0,5% женщин. Эпилептоидов среди мужчин примерно 50%. И среди всех эпи-лептоидов 75% — мужчины и 25% — женщины. А вот эпилеп-тоидок среди женщин около 20%. Таковы мои наблюдения. Конечно, нужно иметь в виду и то, что у многих людей смешанная психотипная структура. Сколько их? Не знаю. Будем исследовать вместе. Хотя точные сведения об этом вряд ли кому-нибудь и понадобятся. Ну конечно, если предположить, что планирование и структурирование коллективов будет поставлено когда-нибудь на строгую научную основу, может быть, это и потребуется. А пока нас интересует только занимательная психология, обойдемся.

Логика поведения психотипа

Каждый психотип ведет себя определенным образом. Вести себя иначе ему очень трудно; требуются большие усилия, чтобы изменить поведение наперекор логике психотипа. В отношении эпилептоида можно сказать, что **логика его поведения** даже не железная, а **стальная**. Порядок в вещах — значит порядок и в отношениях. Раз у него порядок в отношениях, значит, надо заставить других его соблюдать. Не соблюдают — надо наказывать. Читатель сам уже, наверное, почувствовал эту достаточно жесткую связь. И мы не будем мучить его анализом каждого звена этой железной цепи, достаточно констатации того, что она есть и что на ее основе можно прогнозировать поведение эпилептоида и корректировать его.

Если вы эпилептоид

Стремление эпилептоида ставить точки над «i», подробное инструктирование и требование повторить указания, требование отчета о проделанном, стремление поставить партнера в позицию оценивания, отрицательные оценки, обвинения с применением неприятных эпитетов, назидательность, авторитарность, повышенный тон, жесткость в голосе, высмеивание с применением заимствованных штампов — все эти типичные для эпилептоида конфликтогенные черты делают его трудным для многих людей человеком, особенно если это переходит в эпилептоидную акцентуацию. И поэтому, если вы эпилептоид, а рядом с вами сензитив, гипотим, шизоид, истероид — будьте осторожны. Первых двух можно сломать, они расплачутся, будут плохо работать при постоянных придираках. Шизоид лишится творческого дара, а истероид будет реагировать истериками.

■ *Эпилептоиду стоит отследить в себе и зафиксировать трудные для людей тенденции, даже если они кажутся ему целесообразными, и оттормозить их. Конечно, полностью от себя не уйдешь, но существенно уменьшить проявление этих черт можно.*

Каждый человек способен, если он хочет, «подвинтить» себя там, где он бывает труден для других. Так и эпилептоид может осознать свои отрицательные в глазах окружающих психологические качества, и прежде всего в плане психотехники общения.

Чтобы оттормаживание происходило естественно на бессознательном уровне, нужен основательный тренинг. Напомним: успехи прямо пропорциональны усилиям, затраченным на тренинг.

Мы обсудили сейчас ситуацию «если вы эпилептоид».

Эпилептоид рядом с вами

Ему тоже не должно быть дискомфортно в вашем присутствии. В отношениях с ним целесообразно соблюдать разумную табель о рангах, учитывать возрастное старшинство, статус, отличия, ветеранские заслуги, соблюдать общественные установления. Если вы пришли к нему в дом или на работу, в его «монастырь», поинтересуйтесь, как именно, по его мнению, следует вести себя в его доме, каков устав этого его «монастыря». И соблюдайте его правила, если эти индивидуальные установления не противоречат резко другим общепринятым общественным установлениям.

■ *Ну например, если у него в доме принято снимать обувь и надевать тапки — снимайте. Если не принято — не снимайте, не навязывайте свое: мол, везде снимают, и я у вас сниму. Каждый человек имеет право на свои привычки, если они не вредят обществу.*

Имеет смысл даже заранее осведомиться о предпочтениях вашего знакомого эпилептоида.

С другой стороны, в каждом психотипе надо уметь **видеть** и ценить хорошие его черты.

Замечательный психотерапевт М. Е. Бурно говорит о том, что надо ценить в человеке психастеноидное, он увлечен проблемой психастении. Но вслед за ним мы скажем, что люди должны **ценить в эпилептоиде эпилептоидное, а в паранойяльном — паранойяльное**. Конечно, **хорошие** эпилептоидные качества и **хорошие** паранойяльные. Следует учитывать — а мы в ситуации уже разгорающегося конфликта, увы, этого чаще всего не делаем, — что **в каждом** человеке для нас есть не только плохое, но и **хорошее**.

Недостатки — продолжение достоинств; достоинства продолжение недостатков.

Попытаемся применить этот тезис и по отношению к эпи-лептоиду. Да, такие положительные качества эпилептоида, как **порядочность и упорядоченность, самодисциплина и надежность,**

часто переходят в агрессивность, взрывчатость и мелочную придирчивость. Я имею в виду главным образом неотвратимость соседствования этих качеств, а не прямое выведение плохого из хорошего.

При оценивании человека учтем, что какая-то его черта, трудная для вас, в принципе может быть **похвальна и полезна в глазах других людей**.

■ *Например, эпилептоидный муж каждую выдающуюся свободную минутку идет к компьютеру, а не обнимает любящую и любимую жену.*

На месте жены это **стоило бы простить**.

Людям, связанным с эпилептоидами по работе или в семье, дадим совет принять их с теми особенностями, какие у них есть, и в утешение себе помнить, что отрицательные качества других психотипов (необязательность гипертима, вероломство паранойяльного, манипуляторство истероида, занудли-вость психастеноида) могут оказаться даже хуже. Уйдешь от чего-то плохого в одном человеке (он эпилептоидный, значит, «жадный») к другому человеку с его хорошим; но потом вскроется в нем его плохое (он гипертимный, значит, расточительный).

При организации коллективов

Имеет смысл учитывать психотипы, то есть **каждый коллектив**, если угодно, **должен иметь свою психотипную структуру, в которой каждый психотип играет свою роль**. Когда еще в шестидесятых годах создавали академгородки (Дубна, Протвино и т. п.), говорили, что есть организаторы дела, генераторы идей, разработчики тем, доводчики и так далее. Наверняка легче организовать коллектив, **зная** психотипные особенности отдельных личностей.

Тогда паранойяльный становится руководителем, подбирающим группу для осуществления какой-то цели. Эпилептоиды, его помощники, организуют микрогруппы для разработки отдельных узлов проблемы. Шизоиды должны располагать собой, свободно перемещаться и генерировать идеи. Если им платить и

слегка направлять к цели, они будут заниматься этим повсюду, доказывая известный тезис, что, если физик идет на рыбалку, значит, это нужно для физики.

Эпилептоид, хорошо организованный и хорошо организующий дело человек, востребует нужных шизоидов как источник новых идей. Другие эпилептоиды и психастеноиды проверят их гипотезы, отделив фантастические от реалистических. Проверят сначала теоретически, просто обмозговав все «за» и «против», затем в эксперименте и сделают модель, а потом и собственно машину.

Гипертимные, сензитивные, психастеноидные и шизоидные лаборанты будут выполнять техническую работу.

Истероиды будут петь и танцевать и веселить весь научный коллектив.

Гипертимы будут всех развлекать выпивкой и сексуальными перехваченными в электричке анекдотами.

Глава III ИСТЕРОИД

Этимология

В приложении к такому яркому явлению, как истероид, термин и то, что под ним подразумевается, не имеют практически ничего общего. Дело обстоит даже хуже, чем с паранойяльным. Там греческая основа термина хотя бы к психике относится. А слово «истероид» происходит от греческого *hystera* — матка. Древнегреческий врач Гиппократ, чью клятву повторяют будущие врачи, полагал, что «взбесившаяся» матка блуждает по организму и заставляет женщину биться в истерике. Не будем осуждать хорошего человека и по тем временам прекрасного врача за такую нелепость. Не лучше ведь и современные глупости типа «рынок — панацея от всех экономических и политических бед». Воздадим должное Гиппократу за то, что термин его прижился. А если для всего можно найти основание, то методом мелких допусков мы придем к тому, что термин пусть образно, но отражает суть явления.

■ *Ведь, например, Фрейд говорил об истерии как о неврозе, в основе которого лежит неутоленная сексуальность, а матка к сексуальной сфере имеет прямое отношение. У мужчин в предстательной железе, оказывается, тоже есть «маточка».*

Но в сторону этимологические изыскания. Истерическая психопатия, истерические неврозы и истерические психозы — это то, с чем имеют много общего истероидный рисунок личности (норма) и истероидная акцентуация (пограничное с психопатией явление). И это общее — тотальная демонстративность, главная черта всего, что связано с корнем «истер-».

Тотальная демонстративность

Проступают ли кровавые пятна на кистях и стопах у христовых невест, поет ли песенку после гибели отца Офелия, подкашиваются ли ноги у первой знаменитой психоаналитической пациентки докторов Брейера и Фрейда, проглатывает ли на глазах у всех горсть снотворных таблеток покинутая жена, переодевается ли в женское на сцене эстрадная знаменитость Борис Моисеев, говорит ли провинциальная красотка своему мужу привычное «ты меня не любишь» — все это, несмотря на видимые различия, объединено этой самой тотальной демонстративностью.

Что же такое демонстративность? А это вот что... **Я ставлю свою личность в центр внимания окружающих, как бы любуюсь ею сам и демонстрирую свои положительные, а то и отрицательные черты всем окружающим. Я постоянно добиваюсь внимания — ежесекундно, ежеминутно, ежечасно, ежедневно...** Внимание должно быть тотальным. **Тотальным!** А все остальные достойны меньшего внимания и пусть даже не пытаются соперничать со мной.

Усилия для получения такого внимания могут быть разными. Если они в пределах разумного — одеться со вкусом, бросить кокетливый взгляд, заказать красивую визитную карточку, — то мы имеем дело с **истероидным рисунком личности**. Если более изощренны — женщина с красивой формой головы

бреет ее «под Котовского», вместо нужных для занятий книг приобретается дорогая косметика и т. п. — это уже акцентуация. Ну а когда в случае отсутствия результата от одобряемых обществом эффектов применяются шоковые средства (топлисс в метро или попросить у прохожего презерватив) — психопатия-психопатия...

■ *В Древней Греции — колыбели европейской цивилизации — никому ранее не известный Герострат сразу «прославился» тем, что поджег храм Артемиды только из желания стать известным благодаря этому глупому глумлению над трудом других греков. Психопат Психопатович...*

Что бы ни делал истероид, какие бы поступки он ни совершал, для него важно не столько их содержание, сколько то, смогут ли они привлечь внимание. Он постоянно старается **производить впечатление** и упивается своими **впечатлениями от того, какое он произвел впечатление**. Он все время на авансцене, а все люди для него зрители. А если их нет, он сам для себя и актер, и зритель. У него «весь мир — театр». Истероид ищет успеха у возможно большего для данного момента числа людей, все равно каких. И каких-нибудь людей он может привлечь даже тем, что на более взыскательный вкус не очень-то приемлемо: блеснет нарядом, далеко не блестящим, а только блестящим, по поводу и без повода кидает подцепленное у кого-то «обхохочешься», пройдет с соской во рту по любимому городу... Эмоции не в себе, а на весь мир. Пусть подслушивают, как она стонет в оргазме и жарким шепотом клянется в любви, пусть по радио передают... или по Интернету. Но не надо и подслушивать: в оргазме она чаще не шепчет, а так громко-сладко кричит, что этот крик души пробивает на пять этажей вниз и пять этажей вверх. Истероид даже застенчивость проявляет так, чтобы обратить на себя внимание.

Истероид всегда озабочен тем, чтобы о нем **думали хорошо, а не плохо**, при этом ему не слишком важно, хороший поступок он совершил или не очень, главное, чтобы его отметили. И даже каждый «Герострат» хочет, чтобы в его отрицательном поступке видели нечно замечательное: вот он идет по Тверской и орет **смело** криминальные песни. Кто-то звонит по телефону, и истероидка кричит домашним так, что на другом конце провода слышно: «Меня нет дома». Читайте: я не нуждаюсь в вас, у меня есть дела поважнее... В этом смысле истероид — полная противоположность психастеноиду, который думает все время о том, какой именно **поступок он совершил**, плохой или хороший, ну и, может быть, как же все-таки о нем подумают. Истероид не на людях яму обойдет, может не помыть руки после туалета, но при людях яму перепрыгнет и руки помоем мылом «Сейфгард». Сравним: гипертим перепрыгнет яму и в одиночестве, а руки не помоем даже и на людях.

Истероид может заниматься и философией или психологией, но при этом, ах, смотрите, я философ, ах, смотрите, я психолог. Истероида можно даже назвать целеустремленным. **Его цель — завоевать внимание окружающих**. Не все так просто, иногда далеко не сразу ему удастся сосредоточить на себе Внимание, порой это стоит немалых усилий: приходится репетировать речь, выучить наизусть стихи, отказывать себе в пище, чтобы купить платье с фирменными ярлыками. То есть истероид в какой-то мере в своей целеустремленности удерживает программу в памяти воли и склонен к не очень большим, но все же существенным усилиям, чтобы эту программу реализовать. Но если говорить о содержании его устремлений, то они меняются, он быстро загорается разными идеями, которые распространяют паранойяльные, но и столь же быстро остывает.

■ *Вот истероидка с живостью занимается живописью, накупила красок, холстов, этюдников, а через две недели с головой ушла в религию.*

И в этом смысле можно говорить, что истероиды мечутся от программы к программе.

Целеустремленность истероида в плане тотальной демонстративности, как и целеустремленность паранойяльного, тоже многое **съедает** на своем пути — чаще всего право других людей получить хоть толику внимания. Истероид все время **тянет одеяло внимания на себя**.

Не будем путать истероидку с истеричкой (напомним: и эпи-лептоид — не эпилептик, и паранойяльный — не параноик). Конечно, истероидный, или истерический (иногда так все-таки говорят), характер — основа для истерических неврозов и психозов. Но важно, что сам по себе он является вариантом нормы — специфическим и, в общем, чрезвычайно интересным. Ведь вся литература, вся сценическая жизнь и даже вся домашняя жизнь, — ну просто все проросло корешками от этого корня «истер-».

Какова природа этой тотальной демонстративности? Что движет истероидом?

■ *Если на меня обратили внимание, то есть оценили достоинства, которые я демонстрирую, это значит, что со мной захотят общаться и в деловой сфере, и по сексу и будут делать мне подарки, это значит, что я привлекательный для людей человек, что я «повсеместно обэкранен и повсесердно утвержден».*

Так что позитивное или даже негативное внимание — уже много. Цо это только в том, правда, случае, если все в меру и с чувством вкуса.

А если демонстративные проявления выходят за пределы нормы, то можно и проиграть. **Патологическая истерия** с ее психозами, истерическими дугами, параличами, двигательными бурями — это, в сущности, **слабоумие**. Ведь человек таким неумным способом пытается решить сложные жизненные проблемы.

Истероидов при их потребности в тотальном внимании к себе все же больше волнует сиюсекундный интерес, они любят срывать аплодисменты, им важнее именно живое внимание. Это вам не паранойяльный, который хочет глобального признания в веках. Истероиду не терпится, он должен получить сразу положительную оценку. Вот истероидный поэт написал две строфы и тут же звонит приятелю-поэту: «Ну как, мол, старик, здорово?» И ему отвечают: «Здорово», — а что еще скажешь, неудобно ведь.

Истероид не ждет, когда его оценят по заслугам. Он напрашивается на комплименты.

Энергетичность

Истероид менее энергетичен, чем паранойяльный и чем эпи-лептоид. Он может выдержать кратковременное напряжение, но быстро выдыхается. Можно сказать, что он **энергичен**, но **не энергетичен**. Истероидный человек способен делать над собой усилия, но не годами, а, допустим, неделю, на большее его не хватает. Если он актер, он может ради спектакля, в котором играет, не поспать ночь, но потом отсыпается двое суток.

Логика психотипа

Как и в случае с эпи-лептоидом и паранойяльным, мы выделили базовую черту — в данном случае ярко выраженную тотальную демонстративность. И теперь, следуя логике психотипа, будем выводить (так же, как в предыдущих главах), и уже кое-что вывели, другие его черты. Эта логика прочитывается у истероида во всем. Мы покажем, как эти черты определяют его поведение в тех или иных ситуациях. Он ведет себя именно **так**, а **не иначе**; чтобы вести себя иначе, он должен приложить серьезные усилия, скорее всего, после работы с психологом. Дальше мы разберемся в том, как проявляются эти черты в разных сферах жизни истероида и в множественных сторонах его актерской натуры. Метод изложения будет такой же, как в предыдущих главах. То есть, не слишком обременяя себя и вас анализом того, как базовой чертой, определяются конкретные свойства, мы будем последовательно показывать особенности, которые можно легко увидеть в истероидном человеке, а вы будете сами прослеживать логику психотипа.

Субъект-объектность

Хотя истероид практически всегда находится в свите паранойяльного человека, сам он к людям, как и паранойяльный, относится субъект-объектно. Он **эгоцентрист**, он демонстрирует всем, что сосредоточен на своем я, на своей персоне, которая для него важнее, чем все окружение.

Он может обвинять других в эгоизме, и часто это выглядит так: «Все **вы эгоисты**, ничего не хотите **для меня** сделать!» Он склонен поживиться за чужой счет, склонен оттеснить кого-то от паранойяльного кумира, склонен отнять необходимое другим внимание, чтобы привлечь его именно к себе.

И в то же время он склонен продемонстрировать великодушие и для этого может от чего-то отказаться в пользу других, но это минутный порыв или делается напоказ, а потом все же опять тянет одеяло на себя.

Эмпатия

Вспомним: эмпатия — способность вчувствоваться в психику другого с сочувствием и сопереживанием. При этом под эмпатией понимается **пассивное вчувствование** (в отличие от ДГЭИ, то есть действенной групповой эмоциональной идентификации, суть которой — **активная помощь**). Истероиды плохо чувствуют другого человека, почти как паранойяльные, с той лишь разницей, что паранойяльные часто даже и не скрывают этого, а истероиды хотят выглядеть все же добрыми, в связи с чем у них в ходу атрибутика человечности.

■ *Вот разговор с приятелем, которого он давно не видел: «Старик, ну как ты, как дочка, как жена, как вообще дела, рассказывай, рассказывай, ой, ты знаешь, а меня вчера... (далее следует длинный рассказ о нем самом). Ну ладно, ты позванивай, расскажи о себе еще что-нибудь, ну, пока, бай, чао, ошивидерчи, ауввидерзеен...»*

Истероид не чувствует и неискренности по отношению к себе, потому что сам часто неискренен. Но формально все соблюдено — к нему все хорошо относятся, считает он, раз говорят только хорошее. Обратная связь близка к нулю.

У истероида на низком уровне не только эмпатия, но и тем более ДГЭИ. Он склонен помогать лишь тогда, когда это видят и оценивают окружающие, если сам человек, которому он помогает, говорит об этой помощи в очень положительных тонах, а если нет, то истероид теряет к этому всякий интерес.

Истероиду можно посоветовать, чтобы он постоянно, буквально каждые пять минут, посылал бы себе импульсные самовнушения: **интересуюсь другими больше, чем собой**. Это будет способствовать в том числе и улучшению его репутации. А не будет он подавать себе такие сигналы — значит, прослышет эгоистом, эгоцентристом, неотзывчивым, негуманным, неуживчивым, неинтересным как собеседник и т. п.

Самооценка и уровень притязаний

У истероида они завышенные. Истероидка считает себя чуть ли не Лолобриджидой времен «Фанфана-Тюльпана», а сама тянет только на Катю из Тамбова. Замах на то, чтобы дать пощечину королю, а всего-то расцарапала лицо местному мафиози в рабочем поселке. Это сказывается неудачами во многих начинаниях, ударами судьбы, плохим жизненным самочувствием, а также и в сексуальных и семейных делах, и в профессиональных и политических.

Смелость — трусость

Истероид пуглив, а тем более истероидка. Но если свою трусость истероид-мужчина скрывает (оправился от испуга и хорохорится: да я его одной левой), то истероидная женщина **пуглива демонстративно** — ведь женщине пристало быть трусихой, мужчины должны ее защищать. В черновике рукописи этой главы я в свое время сделал знаменательную опечатку, я написал, что истероидка пуглива «дамонстративно» (вместо «демонстративно»).

■ *И действительно, она от мышки убежит на другой этаж; поднимет всех, смотрите — а-а-а — зверь, фильм ужасов, а там мышка, паучок или вообще божья коровка!*

Для дифференциального диагноза: гипотим и сензитив **внутренне пугливы**, страх их сковывает и отражается только в мимике. Впрочем, истероид может себя взять в руки и продемонстрировать храбрость — не как Джордано Бруно, который двенадцать лет упорно шел на костер, но как, допустим, Чапаев, может выхватить саблю и с развевающейся по ветру буркой на лихом коне скакать впереди дивизии. Луначарский, говорят, высказывался по поводу Троцкого, что тот, дескать, может умереть за революцию, но так, чтобы при этом присутствовало не меньше пятидесяти человек. В общем, ничего, наверное, плохого в этом нет, потому что наблюдательный, как всегда, фольклор гласит, что на миру и смерть красна. Франсиско Гойя, офорт «Какое мужество»: юная и нежная в длинном и женственном решительно и бесстрашно... фитиль к пушке, сейчас грянет выстрел, а она, нежная и юная, не дрогнет...

Психическая защита

У истероида, как и у паранойяльного, легко срабатывает поверхностная иррациональная психическая защита. Мы толковали о ней в главе о паранойяльном психотипе и договорились, что это любая перестройка в психике, которая снимает тревогу, например успокаивает растревоженную совесть. За истероида-ми не числятся таких страшных грехов, как расстрелы, но они совершали террористические выстрелы в тиранов. Они объясняют эти выстрелы любовью к родине, но объясняются эти выстрелы самоутверждением даже за счет смерти другого человека. И измену своему мужу истероидка легко оправдывает тем, что он эгоист, поздно приходит с работы, а в голове у него только баня. Нет у истероида терзаний и по поводу не отданного долга — просто забыл, что же в этом такого. А если истероидку переманил к себе более богатый — так на том и свет держатся: конкуренция. Вытеснение из памяти (забывание), простенькая рационализация (подведение рациональной базы под иррациональные желания) — в этих психозащитных механизмах весь истероид.

Он, как и паранойяльный, забывает чужие благодеяния, наивно удивляясь тому, что это действительно имело место, или преуменьшает их. Это поверхностная психозащита, люди не принимают этих построений, расторгают отношения, не вступают с истероидом в другие, возможно выгодные для него. Но из-за отсутствия глубоких отношений с людьми истероида не сильно страдают и приносят не так уж много бед, ну... не так уж. Просто семейные страсти-мордасти, не государственные же дела...

Часто психозащитное самоутверждение у истероида сопровождается принижением другого человека. Истероидка может сказать: «Не трогай ничего со стола, придет уборщица, уберет».

Истероиды спасаются тем, что меняют компании, получают в них признание, — и все повторяется. Из-за отсутствия долговременных целей истероид, списывая все свои беды на окружающих, может жить-поживать, пока его внешних данных хватает, чтобы хоть как-то быть интересным. Но к старости, не накопив постоянных связей, не заработав репутацию надежного человека, он страдает, пытаясь вызвать сочувствие нытьем, которое людей отнюдь не притягивает, а если и притягивает, то вскоре надоедает.

Комплекс неполноценности и гиперкомпенсация

У истероида, как и у паранойяльного, выражены симптомы **комплекса неполноценности**, но в существенно меньшей степени и по существенно меньшим поводам. Легкая полнота, которую истероидка скрывает, одеваясь во что-то балахонистое, незначительные неприятности с кожей лица, которые прячутся с помощью косметики-грима. А так, чтобы что-то совсем неустрашимое, как у паранойяльного, и чтобы это вызвало мощную психозащитную гиперкомпенсацию, — такого нет. Чаще это поверхностные психозащитные истерики вроде «ты меня предал, а я на тебя всю молодость потратила», и психозащитные фразочки после того, как замазаны прыщички на лбу: «На меня все на улице оборачиваются, шею свернут».

Из-за того, что у них нет настоящей мощной гиперкомпенсации, присущей паранойяльному, а есть лишь поверхностное сокрытие проступивших, а то и выпирающих недостатков, истероиды выглядят иногда нелепо. Тоже, в сущности, пусть не слабоумие, но недомыслие.

■ *Так, стареющая истероидка молодится и одевается все еще по авангардной молодежной моде (это с сочувственной издевочкой подмечено в известном небольшом живописном полотне «Старая кокетка» Бернардо Строщи). Или, как зло высказался один муж (конечно же плохой): «Моя жена заправит брюхо в брюки и думает, что само изящество...»*

Действительно, вместо того чтобы заняться коррекцией фигуры, используя всякие тренажеры, что сделал бы эпилептоид, истероидка предпочтет носить «корсетные джинсы».

Эмоциональная сфера

Герой этой главы — человек эмоциональный. Мы и эпилептоида называли эмоциональным и, конечно, паранойяльным. Ведь у паранойяльного эмоции выплескиваются по мере их возникновения. И чаще это гнев, чем радость. Но радость он тоже не скрывает. У Горького: «силу гнева, пламя страсти и

уверенность в победе слышат птицы в этом крике»; это — загляните в текст — «гордо реет Буревестник, черной молнии подобный...».

Эмоциональность эпилептоида мы описали в парадоксальном словосочетании «сдержан, но взрывчат». У эпилептоида эмоции сильные, хотя он и сдерживает их до поры до времени. А вот истероида можно назвать **эмоциональным в смысле подвижности и тонкости эмоций**. Подвижность выражается, например, в том, что истероидка горько заплакала — и тут же улыбнулась, просветленная. А тонкость эмоций — в восхищении красотой: «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд и руки особенно тонки, колени обняв» (Гумилев). **Тонкость эмоций истероида — одна из основ искусства.**

- «У капель тяжесть запонок».
- Ночь «превращала сухой бурьян в студёные хрустали».
- «Изба-старуха челюстью порога жуёт пахучий мякиш тишины».
- «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Истероид Хворостовский поет с таким вкусом, с таким чувством меры и в то же время с такими нюансами, что вот уже и умирать не хочется или хочется умереть от счастья.

Часто истероиды выражают свои эмоции открыто: «Взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне...» Эмоции могут быть не просто открытые, а демонстративно открытые. Выражают их истероиды ярко и образно: «В дряхлую спину хохочут и ржут канделябры» — это покинутый женщиной поэт стоит у окна: «плавлю лбом стекло око-шечное».

У истероидок под секундную эмоцию подгоняется все: то «на меня никто не смотрит» — плохо, то «все на меня пялятся» — плохо...

Впечатлительность

С этим словом, как можно было уже сделать вывод, истероид связан тоже прочно. Поговорим подробнее. Он обожает **получать впечатления**. Он гоняется за ними: ездит в Крым дикарем, если не удастся попасть в фешенебельные санатории, путешествует по тайге, ходит в гости и приглашает гостей. И как бы некоторая противоположность, но психологически очень связанная с впечатлительностью — **он любит сам производить впечатление**. Это мы уже знаем как демонстративность, но и здесь, в связке со словом «впечатлительность», об этом напомнить очень уместно, тем более что истероид любит **получать впечатление от производимого им впечатления...**

Суггестия

Суггестия означает внушение. Истероид и суггестия очень связаны. Истероид легко поддается внушению, в том числе и гипнотическому. Именно у него могут быть получены такие гипнотические феномены, как каталепсия («восковая гибкость»), внушенные галлюцинации, иллюзии, амнезия, анестезии. Это из него в состоянии гипноза можно вить веревки.

■ *Однажды в Иркутске под руководством моего учителя профессора-психиатра И. С. Сумбаева я произвел эксперимент с юным талантливым музыкантом, знавшим почти в совершенстве эсперанто. Это такой синтетический международный язык, в котором латинские корни, 16 правил и нет исключений. Я внушил своему испытуемому, что по выходе из собственно гипнотического состояния он не будет знать русский язык, а эсперанто как знал, так и будет знать.*

Так все и произошло, но я заволновался, потому что в его поведении возникли такие незапрограммированные мною вещи, что я подумал о спровоцированном психозе. Он не узнавал нас, не понимал, где находится, обжегся, нелепо медленно зажигая спичку. Длительными расспросами на эсперанто мы «выяснили», что теперь, по его представлениям, тридцатый век, что огонь не добывают трением, что эсперанто — не вспомогательный язык-мост, а единственный язык, на котором говорит человечество...

Тех, кому это любопытно, я отсылаю за подробностями к моей статье «Сомнамбула дает интервью» в популярном тогда журнале «Техника молодежи» (№5 за 1966 год). А сейчас для нас это важно как пример глубокой гипнотической внушаемости истероида, коим и был наш испытуемый. Впрочем, истероид поддается только такому внушению, какое соответствует его установкам, желаниям. Например, истероидная женщина хочет лечиться у дорогостоящего гипнотизера, и если муж согласится, то у этого гипнотизера она улучшит свое состояние, а у другого — ни за что, все только ухудшается.

Иногда истероид сам выступает в роли мага, гипнотизера, этакого провинциального «Калиостро». В этом он схож с паранойяльными пророками, с тем отличием, что быстро остывает и к этим занятиям и переквалифицируется если не в управдомы, то в депутаты.

Воля

Она у истероида «кратковременная», программы недолгосрочные, но, в отличие от гипертима, они у истероида есть. Гипертим удерживает программу хуже, чем истероиды и тем более чем паранойяльные. Можно сказать даже, что поведение у гипертима **не волевое, а полевое**, то есть он в своей деятельности зависит от того, что попадает **в поле его внимания**. Полевое поведение изучал Курт Левин.

■ *Человек, войдя в комнату, где на столе разложены разные предметы, подойдет, потрогает каждый из них, посмотрит, что он собой представляет, поиграет с ними.*

Это и есть полевое поведение. У истероида оно все-таки в большей степени **волевое** (эпилептоид еще более волевой, а паранойяльный — сверхволевой).

Рядом с проблемами воли стоят процессы принятия решений. Истероид **достаточно порывист в принятии решений**. Он может, как паранойяльный, один раз отмерить и один раз отрезать, но может и долго колебаться, чуть ли не как психастеноид, семь раз отмерить и ни разу не отрезать, если находится под влиянием различных авторитетных для него людей.

Ценностные ориентации

У паранойяльного и тем более у эпилептоида резкое изменение ценностных ориентации скорее исключение, чем правило. При этом, напомним, эпилептоид колеблется «вместе с линией партии», а паранойяльный все-таки гнет свою линию и осуществляет гнет, который с трудом выдерживают даже эпилептоиды, но не выдерживают истероиды. В противовес этолгу **истероид быстро доходит до красного и даже белого каления, но быстро остывает**. У него, выражаясь словами учебников физики, небольшая теплоемкость. Он увлекается новыми ценностями, новыми людьми, и в этом плане для него **новый друг лучше старых двух**, как и для паранойяльного. Но если паранойяльный в новом друге видит своего младшего адепта, то истероид в новом паранойяльном видит нового кумира, в новых истероидах — соратников-соперников, которые вместе с ним восхищаются и соперничают в этом восхищении и воспевании вождя, каждый на свой лад.

Соперничают истероиды и в степени близости к паранойяльному кумиру. Но, остыв и перейдя «в лоно другой церкви», истероид нередко поносит и проклинает своего бывшего кумира. Вспомним, как было с поэтами, некогда прославлявшими Ленина и коммунизм, которые теперь все сплошь антикоммунисты. И это даже не «сменив, с учетом современности, приспособленчество ко лжи приспособленчеством ко смелости» (Евтушенко). Это часто происходит вполне искренне. Не то что у паранойяльных, у которых все диктуется выгодой в деле достижения власти (мы видим, как бывший коммунист Шеварднадзе крестится, а бывший коммунист Алиев строит исламский Азербайджан).

Порядок

Истероид наводит свой истероидный порядок в вещах. При этом он прежде всего как бы следует законам красоты. Он эстет. Он знает и этикет, в этом он тоже эстет, истероид тщательно соблюдает правила этикета, кичится этим, делает замечания в адрес человека, нарушившего этикет. Может даже унижить его: нечего, дескать, лезть со свиным рылом в калач-

ный ряд. Ему даже нравится уничтожать других именно в отношении культуры поведения, но невдомек, что этим он сам нарушает психологическую культуру общения. Впрочем, в целом он любит «делать людям красиво». И хочет, чтобы ему «делали красиво». В одежде, в квартире, в книгах — у истероида во всем порядок в соответствии с модой и красотой в его понимании.

У паранойяльного и эпилептоида порядок целесообразный, рациональный, а у истероида — порядок нерациональный, даже иногда неудобный, но «красивый». Книги у него расставлены по обложкам, по сериям, по модности писателей, по популярности произведений, но не по содержанию, как у паранойяльного.

Вообще эстетика быта, одежды, манер, имиджа играет большую роль в жизни истероида.

Порядок, поддерживаемый истероидом в вещном и людском мире, диктуется модными веяниями, глянцевыми журналами, рекламными проспектами, привычками любимых актеров, писателей, иногда политических лидеров.

Можно сказать и так: **истероид любит внешний порядок или даже беспорядок, лишь бы это способствовало концентрации внимания на нем самом.**

Порядок в отношениях с людьми истероид скорее любит нарушать: он любит «пошалить», похулиганить, так чтобы все это заметили.

■ *Известная оперная певица, эффектно одетая, в ботфортах, в шляпе «с траурными перьями», переходит в самом широком месте Тверскую, перерезая вместе со своим смущенным спутником путь машинам, и подошедшему было милиционеру дает визитную карточку: дескать, будете в Большом, где я пою, заходите, не стесняйтесь.*

Но это еще что... Оказавшись с тем же спутником в ресторане «Националя» и не найдя свободного столика, присаживается с ним, еще более смущенным (на это и рассчитано), за уже сервированный стол и начинает есть одно из приготовленных для гостей блюд, а подошедшему метрдотелю, мило улыгнувшись, вручает визитную карточку, декламируя приблизительно те же слова.

Революция и истероид

Но зачастую истероид становится **врагом существующего порядка**. Без него немыслима ни одна революция. Он революционер по своим эмоциям. Он тоже любит ниспровергать: это эффектно. И он эффектно смотрится на трибуне, на баррикадах, на танке, даже на табуретке, когда ораторствует, обличает, высмеивает, разясняет, призывает. Чаще всего он из-за неглубокой проработки социальных проблем не сан приходит в революцию, а присоединяется к гвардии какого-либо паранойяльного лидера, которому искренне поверил, которому симпатизирует, и обретает в лучах его славы свой ореол его сподвижника. Это длится недолго, истероид остывает, разочаровывается, ссорится, иногда по пустякам, уходит к другим лидерам, получая ярлык предателя, перерожденца. На новом месте все повторяется, если он не уходит вообще от политики. Истероиду свойствен политический революционный романтизм, который подразумевает борьбу за справедливость, революционный терроризм, революционное жертвоприношение, революционное самопожертвование... Отличие от паранойяльного в том, что все это носит изменчивый характер.

Истероид иногда, как паранойяльный, — космополит, а иногда, как эпилептоид, — патриот. Все зависит от стечения обстоятельств, патриотизм может даже меняться на космополитизм, и наоборот.

Истероиды могут сочинять и петь революционные песни, песни свободы, равенства, братства. Красивая женщина-истероидка может выпить за революцию (Катя в старом фильме «Хождение по мукам»). Они могут быть поэтами революции, артистами революции, могут сыграть роль «Свободы на баррикадах», хотя вряд ли смогут быть глубокими ее идеологами.

Часто они роem вьются вокруг паранойяльного лидера, создавая ему реноме: их много, они сменяют друг друга, одни уходят, другие в еще большем количестве приходят. И, как мы уже говорили, они могут создать ту необходимую критическую массу, при которой к паранойяльному вождю присоединяются и более нужные ему эпилептоиды, а дальше, уже все вместе, они ломают **прежний порядок**.

■ *Ярчайшая Марина Цветаева буквально кричит: «Переезд, не жалейте насиженных мест, звезд упавших и тех не жалейте... выход в мир по аллейке, чуть левой...»*

У Цветаевой «чуть левой», а у Маяковского уже «Левый марш»: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!» Истероидное «пусть сильнее грянет буря!» тоже сыграло свою роль в революции семнадцатого, хотя в целом глубокий писатель Горький обладал далеко не только истероидными чертами. Да, **истероиды — не творцы идеологии** революционной ломки, **но ее певцы** и тоже в ответе...

Романтичность

Мы говорили о революционной романтике истероида. Но это, пожалуй, только одна из ипостасей его романтизма. Истероид — **вообще романтик**, он едет «за туманом и за запахом тайги» и ждет, чтоб все смотрели, как он едет... Он может завербоваться на рыболовное судно или работать в команде исследователей океана и чарующего его подводного мира. Парашютный спорт с фигурами в воздухе — тоже его стихия. Он может быть даже летчиком-испытателем. Много истероидов среди богемы, были они и среди французских художников... А русский авангард в живописи почти сплошь представлен истероидами. Борода, свитер, трубка... Обратите внимание на то, как они покупают краски и холсты в художественных салонах. Истероидных женщин больше привлекает романтизм отдыха на островах (ах!.. Канары, Сейшелы... «Вы еще не бывали на Тенерифе? Съездите — обменяемся впечатлениями»). Романтика мужчин-истероидов выражена в известных именах: Картуш, Скарамуш, Бумбараш...

Символика

Истероиды любят символику. Для них это часть романтики. Но чаще они и в этом плане идут в фарватере паранойяльных вождей. Красные звезды на васнецовских богатырских шлемах впечатляют, особенно когда над ними взметнется отблеск сабель...

Стоило заговорить о том, что звезды надо заменить двуглавыми орлами, тут же один фронт появился с галстуком, на котором золотой нитью был вышит двуглавый орел.

Символика у истероидов менее тяжеловесная, чем у паранойяльных и эпилептоидов, более изящная, вот не на флаге, а на галстуке, красиво вышита.

Впрочем, все это может доходить и до абсурда. У Маяковского мешанистая истероидка: «И мне с эмблемами платья, без серпа и молота не покажешься в свете. В чем сегодня буду фигурировать я на балу в реввоенсовете?» Да и о самом певце революции другой футурист, Василий Каменский, писал: «Драться так драться... оратор таковский в желтой кофте, кулак подымая, тигром рывкал: «Я, Маяковский, люблю грозу в начале мая!»»

Слава

Истероиды любят славу. Само слово «слава» их завораживает. «А где же аплодисменты?» — растерянно оглаживает истероидка совершенно пустой зал. А если зал полный, если он рукоплещет, истероид склонен выложиться до конца, у него появляется вдохновение, он вдыхает овации, на его лице счастливая улыбка. **Слава** — тоже **часть романтики**. Увы, ради славы истероид может унижить соперника сплетней, подставить ножку.

Конформизм — неконформизм

Истероид меняет или не меняет точку зрения, в зависимости от того, что надо, чтобы в данный момент понравиться и быть в центре внимания. Он и конформист, и неконформист попеременно (а неустойчивые и конформные психотипы меняют свои взгляды под влиянием сильной личности). Неконформизм, неподчинение, неординарность — все же очень привлекательные для истероида черты, которые он играет как роль на публику, вживаясь в эту роль (ненадолго, быстро ломается), любясь своим неконформизмом.

Эпатирование

Эпатирующие окружающих, стремление вызвать шок чем-то оригинальным и оскорбительным, дать «пощечину общественному вкусу» — одно из ярко выраженных свойств истеро-идного психотипа. Такое поведение истероидов особенно задевает эпилептоидов, в то время как гипертим только весело хихикнет. Эпатировать можно чем угодно: обрить половину головы, а на другой половине выкрасить волосы в сиреневый цвет, обнажиться больше, чем принято, вставить в стихотворение что-либо физиологически неприятное: «Я распустил своей мысли слюни, а потом ее рифмой сплюнул, на бумаге остались пятна, никому ничего не понятно». Истероид получает удовольствие, вызвав неудовольствие других. Но главное — это опять-таки способ обратить на себя внимание, и если нельзя это сделать чем-то очень положительным, то хотя бы чем-то в той или иной мере отрицательным: топless в метро или хотя бы на общем пляже.

Мышление

Оно у истероида преимущественно образное. Абстракции ему, конечно, доступны. Однако мыслит он отнюдь не математическими формулами. Любое понятие, которое он использует, легко представить. Оно, так сказать, на среднем уровне абстракции. Он мыслит не высокими философскими категориями (материя, дух, гносеология, аксиология), а более конкретными понятиями (травка, земляника, пушистый, ласковый, Сочи, Крым, «мерседес», яхта). Мечтая, он строит ряды образов: «Вот поеду в Рим, посмотрю на Колизей, потом перееду в Венецию, покатаюсь на гондолах...»

У любого человека логика искажается под влиянием иррациональных желаний, но у истероида **больше**, чем у других. Он, как и паранойяльный, **мыслит паралогизмами, которые ему выгодны**, но паранойяльный это делает в глобальных масштабах, а истеро-ид в масштабах микрогруппы. «Ты меня не любишь, раз не хочешь купить мне эту прелесть...». При этом договариваться с истероидкой почти бесполезно, все равно в аналогичном случае пойдет в ход другой манипулятивный приемчик. Но на какое-то время разъяснение, и договоренность все-таки помогают удержать ситуацию в рамках логики, так что не стоит отчаиваться.

Истероид в своем мышлении очень зависит от авторитетного паранойяльного, видит все в свете заимствованных у него идей. И какое-то время он убежден, верит, даже верует, пропагандирует, разъясняет. Потом увлекается новой идеей, другим автором. То же самое происходит и в политике.

Творчество

Как и мышление, творчество у истероида связано с простыми образами: пошел, ушел, пришел, ударил, люблю, интригую... Очень все понятно: романтические темы, простые песенки, мыльные оперы, мелодичные простые интонации в речи, прозрачные, как и у паранойяльного, символы. Но истероид быстрее обучается искусству, поэтому у него больше вкуса, чем у паранойяльного. Образы не так прямолинейны.

Истероид не может творить в стол, он должен сразу обнародовать результаты своего творчества. Ему нужен быстрый эффект. Для него лучше прочитать лекцию, чем написать статью, лучше написать статью, чем книгу. Но, впрочем, если он диктует книгу ученикам или книга состоит из его лекций, которые он знает уже наизусть, то легче напишет тогда и книгу. Истероид даже учить стихи не может в одиночку, ему нужны зрители или слушатели, хотя бы «телефонные».

Память

Истероид по многу раз читает стихотворение с текстом в руке и в конце концов запоминает. Создается впечатление, что у него очень хорошая память; действительно, выучено наизусть за всю жизнь не так уж мало, но это не за счет хорошей памяти, а за счет увлеченного неоднократного чтения этого текста.

■ *Аналогично и с прозой: сначала он цитирует какие-то места из прозаических произведений с текстом в руке, а потом и наизусть.*

Но запомнить концепции ему уже труднее, а в формулах — математических, физических, химических, да и в терминологии может и совсем запутаться... Все это опять же очень условно. Есть истероиды, способные (но не сверхспособные) и к абстрактным „наукам. Впрочем, и для них в науке важно в первую очередь общение, дискуссии, лекции, тогда он лучше запоминает нужный материал, который может потом блестяще преподнести, и создается впечатление глубоких знаний, но если копнуть, они все же явно уступают знаниям шизоида или даже паранойяльного.

Эрудиция

Истероид вращается во множестве мест и преимущественно старается общаться с людьми интересными, знающими, от них он нахватывается разных сведений, цитат, подробностей биографий разных интересных людей. И создается впечатление, что он очень много знает. Когда он рассказал все, что сам знает, и все взял из «этой» компании, он переходит в другую, там снова все рассказывает и берет все, что можно, там. И так повторяется вновь и вновь. Истероид черпает многое и из книг, которые, как правило, не дочитывает до конца, но из каждой что-нибудь да запомнится. Поскольку истероида тянет к новым людям, он, чтобы производить впечатление, должен все-таки что-то читать. Вот так и накапливается эрудиция, вернее, впечатление эрудиции. Чтобы знать наизусть новое стихотворение, его надо учить, а он уже знает десятка два стихотворений, но запомнить еще столько же, чтобы прочитать в этой же компании и произвести впечатление, — это нелегкий труд; тогда Он просто идет в другую компанию и там завоевывает аудиторию теми же двумя десятками уже выученных стихотворений.

Из-за усилий, потраченных на привлекательный имидж, истероиду не хватает времени для подлинного самообразования. Истероид не очень любит трудиться, поэтому и не блещет глубокой эрудицией. Он лучше почерпнет интересную информацию в одной компании и блеснет ею в другой. Там фактик, тут фактик, там любопытное суждение, тут оригинальная интерпретация, и смотришь, можно целый вечер заполнить собою, быть «интересным». На непосвященных это зачастую производит большое впечатление, а иногда даже на умных и эрудированных людей. Умный человек ведь не все на свете знает, а этот как будто бы знает все на свете, «эрудит», вот и на умного произвел впечатление.

Но не будем придиричивы, в минусах, как всегда, есть и плюсы, ведь и в самом деле истероид хороший рассказчик, держит вечер, душа компании, гвоздь программы, звезда сезона.

Вместе с тем истероид может даже и проработать какие-то особенно впечатляющие материалы и стать специалистом в определенной области. А обладая хорошими ораторскими данными, он становится хорошим лектором, прекрасно преподает.

Эрудиция истероида **неглубокая, но обширная**. Помним, у паранойяльного она очень глубокая, но в одной узкой области, у эпилептоида — достаточно глубокая и касается нескольких областей. У шизоида и психастеноида она глубокая и обширная.

А вот у истероида эрудиция, как и у гипертима, поверхностная, но во многих местах. Все же она более глубокая, чем у гипертима. Истероид и гипертим — как бы губки, которые впитывают в себя культуру той среды, в которой вращаются. Поэтому, если они циркулируют от группы к группе в интеллигентной среде, они впитывают в себя ее культуру. Пусть неглубоко, даже поверхностно, но все же что-то услышал, что-то прочитал подробнее — уже неплохо.

Истероид подбирает поражающие его парадоксальные факты, он может поразить и окружающих знанием дат исторических коллизий (это было не тогда-то, а тогда-то). Иногда проявляет грамматическое буквоедство. Может, например, рассказать известный только эрудитам (а ему, истероиду, случайно попавшийся) эпизод битвы при Трафальгаре: английский адмирал Нельсон поднес к слепому глазу подозрную трубу и сказал, что не видит приказа об отступлении.

В отличие от эрудита-шизоида, эрудит-истероид владеет поверхностной, но жизненно важной информацией. Сколько что стоит — это ведь тоже эрудиция, только в другой сфере. В «Шанель» или в «Тати» покупать, что стоит везти из Парижа, сколько жен было у Генриха VIII, как миледи из «Трех мушкетеров» устранила Бэкингема. А эрудиция шизоида: метафизика Аристотеля, метапсихология Фрейда, сюрреализм Кафки, гештальтпсихология Коффки, агностицизм Канта, позитивизм Конта...

Рефлексия

Ух, как любят это слово психологи! Сигарету не выкурят без него! Ну что ж, и я не прочь им пользоваться. Что такое рефлексия? Под этим термином понимается отражение своей психики в своей психике. Ни у паранойяльного, ни у эпилептоида самокопание не в почете. По их мнению, это удел хлюпиков, интел-лигентиков, шизоидов там разных, истериков всяких там. А они, дескать, люди дела. И в самом деле, истероид начинает копать в своих переживаниях.

■ *Шестнадцатилетняя школьница пишет в своем дневнике: «Люблю ли я Сережу? Не знаю. С одной стороны, он мне нравится. С другой стороны, я его презираю! А нужна ли я сама кому-нибудь, кроме Сережки... С одной стороны, на меня все смотрят. С другой стороны, не подходят».*

Это еще не занудное размышление шизоида о собственных мыслительных процессах и не нравственные колебания психас-теноида, но уже и не деловитое отбрасывание всяких сомнений, пусть самокопание в сочетании с самолюбованием, пусть по-верхностненькая, но уже рефлексия.

Речь

Интонации у истероида мелодичные. У него широкий диапазон, чуть ли не от баса до колоратурного сопрано. Он может произвольно замедлять и ускорять темп речи. Нет чеканности эпилептоида, есть певучесть. Слова произносятся плавно. Нет прерывистости, а если она и появляется, то намеренно, чтобы люди расчувствовались, чтоб показать, как «я смешался». Речь у истероида складная; не по складам он незнакомый текст читает, а так, как будто заранее все выучил наизусть. Модуляции и темпо-ритм речи истероида могут быть гипертрофированы, но практически всегда адекватны содержанию высказываний, в отличие от неадекватной речи шизоида. Речь истероида более выразительна, чем у эпилептоида, у которого она, впрочем, тоже адекватна смыслу, и более модулирована, чем у гипертима (этот и в речи просто вертляв). Иногда у истероида проявляется вальжная или ироничная интонация. Его речь достаточно тонко выражает эмоции.

Дикция прекрасная, все буквы выговариваются, все внятно, членораздельно. Ему легче, чем другим психотипам, даются скороговорки. Он может произнести слово «молнию» так, что слышны зигзаги; **молни-е-ю**. Легко и непринужденно произносит такие наукообразные абракадабры, как ассоциационизм и т. п.

Говорят истероиды с некоторым напором, но по степени убежденности и убедительности они отстают от паранойяльных.

Истероид поясняет смысл сказанного жестами и мимикой: «И дольней лозы прозябанье...» Это из пушкинского «Пророка». И он показывает жестами, какая она тонкая, одинокая и несчастная. Жесты тоже плавные, пластичные, мелодичные, как и все его движения. В принципе он может и старается говорить понятно, умеет донести до слушателя свою мысль. Но иногда, когда хочет показать свою причастность к некой элите, истероид может специально употреблять непонятную большинству терминологию, в чем проявляется своего рода кокетство. «Вы имеете в виду псевдогаллюцинации в составе синдрома Кандинского — Клерамбо или гипнопомпические галлюцинации аш-игрековой природы?» — во как закручено. Это «психологиня» — незурдированным в психопатологии педагогам.

В противовес таким истероидным садистически-непонятым пассажам шизоид навязывает недоступный стиль речи потому, что сам плохо связан с окружением, закован в латы терминологии, не может из них выбраться, он словно медитирует, цитирует самого себя, разговаривает сам с собой.

Речь истероида похожа на актерскую. Но есть отличия между истероидками менее образованными, «провинциальными», и образованными, как бы «столичными». Можно сказать, *«истероидка столичная — речь артистичная, истероидка провинциальная — речь театральная»*. В любом случае — кокетство.

Истероиды нередко перебивают собеседников, себя же перебить не позволяют, а если кто-то пытается это сделать, они форсируют голос, ускоряют речь.

Речевое оформление мыслей у истероида достаточно четкое, понятное. Он, как и эпилептоид, хорошо структурирует свои устные высказывания если и не по принципу «первое — второе — третье», как у эпилептоида, то все же разные аспекты мысли подчеркиваются хотя бы голосом.

Письмо

Почерк у истероидов аккуратный, но не всегда легко читается. Это эпилептоид все буквы прописывает четко. А у истероида, при том, что буквы округлые, бывает неясно, «п» написано, или «и», или «н».

По содержанию письмо тоже более или менее гладкое, но истероид может злоупотреблять вводными предложениями, причастными и деепричастными оборотами, скобками, сносками просто ради кокетства (вот, дескать, смотрите, как витиевато), а не из-за завышенной оценки собственных высказываний, как это бывает у паранойяльного.

Телосложение

Форма лица у истероида, как и у эпилептоида, — чаще правильный овал. Кожа в основном чистая, ухоженная. Торс у мужчин напоминает скульптуру Леохара «Аполлон Бельведерский», а фигура у женщины — «Афродиту Книдскую» Праксителя. У истероидок четко выраженная талия, движения верхней и нижней частей туловища отделены талией, а не как у жука — только лапки отдельно двигаются. Шея скорее с тенденцией к «лебединости», а не «головогрудь», как у Собакевича. И ноги длинные, и ногти длинные. Все пропорционально, гармонично и пластично.

Истероидки стараются следить за комплекцией, но стоит ей отметить, что талия уменьшилась на два сантиметра, и она сразу же прекращает диету. («Вот смотрите, талия уменьшилась», — втягивает в себя живот и тянется к пирожному, от которого отказывалась в течение целых трех дней.)

Истероидка-кошка

Истероидные женщины пластичны. Их движения элегантные, плавные, раскованные, ловкие, кокетливые. И они всегда это подчеркивают: «от бедра... выступаем, выступаем, выступаем...» Двигается истероидка, как **кошка**. Обратим внимание: кошка может пройтись по карнизу, развернуться на пяточке, пройтись назад, элегантно спрыгнуть и не разбиться. И голова, и хвост движутся по линии скрипичного ключа, это вам не гиппопотам, который весь похож на басовый ключ. Если эпилептоид разлагает на отдельные действия, которые выполняет слитно, если шизоид не может слитно выполнить даже одно действие, а выполняет неуклюже набор изолированных движений, то истероид легко, плавно, слитно выполняет сложные комбинации действий в одной льющейся деятельности или даже в нескольких сливающихся в полифонической музыке деятельности. Поэтому истероиды красиво танцуют, движения их в танце разнообразны, выразительны, это своего рода самовыражение в танцах, особенно в современных, тусовочных, где свободы для творчества больше, чем в традиционных балльных. **Танцы — его стихия, он им обучается, для него это серьезное дело.** Истероид гордится всем этим, демонстрирует.

Жесты у истероида плавные, пластичные, тоже чуть ли не танцевальные, но это в речи, а не в танце, и тем не менее это как бы танец рук... А как истероидка поправляет очки! Не тычком в переносицу, как это сделает шизоид, эпилептоид и паранойяльный, а изящно-кокетливо и аккуратно взяв за дужки так, чтобы при этом все обратили внимание на ее холеные руки. А если берется чашечка кофе, то демонстрируются холеные пальчики, чтобы все почувствовали, как эта чашечка становится красивее от того, что ее держат такие пальчики. При этом если красotka провинциальная, то мизинчик оттопырен, а если столичная, то мизинчик прижат колечком к другим колечкам-пальчикам... А как курит, как сигарету держит, как при этом нога на ногу, как дым тоже колечками, как пепел стряхивает?! Изящно, плавно-порывисто, выставляя всем на показ длинные тонкие пальцы с длинными красивыми ногтями.

В целом **пластика у истероида**, как и его речь, **артистична или театральна** (в завистимости от вкуса).

Любимые животные у истероидки те же, на каких она похожа: кошки, болонки, пуделечки. Она ими занимается, украшает их, дрессирует. Реже — служебные собаки всех пород, но тут уже экзотические: мастиф, далматинец, бультерьер, ротвейлер — словом, те что в почете у «элиты». Истероидка может любить и лошадей («Ах, как я смотрюсь на этой лошадке!»).

Они обожают фотографироваться — с животными и без животных. Но это всегда позирование — в разных видах, с разными людьми, на разном фоне, в разных нарядах.

Лицо

Лицо человека, пожалуй, — самое для нас важное в его имидже. Ведь, общаясь, мы смотрим прежде всего на лицо. Так вот, к тому, что уже было отмечено, — правильной овальности — добавляется пропорциональность его отдельных деталей и черт. Ничто не преувеличено и не преуменьшено. При некотором разнообразии типов лица у истероидов, придающем своеобразие каждому из них, эта притягательная для многих правильность черт определяет сексуальный успех истероидов.

■ *Мелкие погрешности сглаживаются у женщин умелым макияжем, прической, которые всенепременно по последней моде. Все может быть в нежных женственных тонах, но нередко с оттенком агрессии или даже подчеркнуто агрессивно — такая женщина-вамп, тридцатые годы. Отконтурированные глаза, темные тени на веках, черная контурная стрижка-каре. А то и вовсе «под Нефертити» — бритая красивая женская головка.*

Истероиды-мужчины нередко, наоборот, прибавляют «волосистости» на голове за счет бороды. Борода придает оригинальность, она как бы знак нонконформизма, бунтарства. Сегодня борода большая редкость, чем в давние времена, так что это дополнительный способ привлечь к себе внимание. Если у истероида лысина, то она меньше бросается в глаза, восполняется бородой, как у Леонардо да Винчи. Чаще, впрочем, современный истероид гладко выбрит, не электробритвой (лишь бы побриться), а так, чтобы все волоски были срезаны под корень (для чего берется «Жиллет» или «Астор»), и непременно душит дорогим одеколоном. Истероидка часто, раз в два-три дня или даже каждый день, моет голову шампунями, чтобы волосы выглядели, как на рекламе фирмы «Проктер энд Гэмбл», — не то что шизоидка со своими слипшимися от жира волосами.

Но более всего в лице важна мимика. Истероидная мимика — это кино. Это множество утонченных движений.

■ *Вот она изогнула бровь, вот прищурилась, а вот выражение смятения. Сморщила носик, широко улыбнулась, хитро скосила глаза, выставила «наивно» губы для поцелуя — все у истероидки красиво и выразительно. И все адекватно.*

Этим истероиды отличаются от многих. Ведь у гипертима мимика преувеличенная, но не тонкая, выражает бурливость, но обычна по содержанию. У паранойяльного и эпилептоида она тоже содержательно беднее, чем у истероида. Психастеноид гипомимичен. А шизоиду вообще присуща парамимия, то есть у него мимика неадекватна содержанию. Так что в мимике и в сопровождающих ее выразительных движениях (дернула плечиком, положила головку на сложенные руки) истероид впереди всех психотипов.

И очки истероид носит красивые, с необычным дизайном. В семидесятые годы вошли в моду очки «бешеный таракашка» — круглые, большие, с высоко расположенными стеклами. Истероидки мгновенно их нацепили,

Маникюр

К длинным ногам идут длинные ногти, а длинные ногти нужно лелеять, думать об их красе (даже если вы «дельный человек»)… Набор лаков: и телесный, и перламутр, и могильно-синий, и в крапинку — какой хотите… Истероидка скорее выйдет без трусиков на Манежную площадь, чем без лака на ногтях! Ведь руки у нее — тоже зеркало души, они так часто на виду.

Одежда

Одежда у истероидов всегда модная, авангардистская, чаще агрессивная, кричащая. Они ее часто меняют. Одна истероидка заявила: «У меня должно быть столько платьев, чтобы первое, в котором меня

когда-то увидели, сейчас воспринималось как новое». Да, униформа истероиду «противопоказана». Если истероидная женщина увидела на ком-то такое же платье, как у нее, то свое она уже ни за что не наденет, забросит его в самый дальний угол гардероба, даже продавать стыдится. Это не эпилепто-идка с ее свитером, джинсами и единственным брючным костюмом.

Истероидки любят смену моды, им надоедает однообразие.

■ *Этой чертой удачно пользуются законодатели мод. Ведь дизайн, например, компьютеров, телевизоров, видеомагнитофонов, даже мебели меняется постепенно. А мода на одежду меняется быстро и круто, в противоположную сторону, потом снова в противоположную. То макси, то мини, то опять макси, но с макси-разрезом, то мини, но с длинными аксессуарами...*

Радикальное изменение моды нужно для того, чтобы выкачивать деньги из мужей и любовников, играя на истероидных мотивациях женщин. Это помогает Пьеру Кардену, при его художественной гениальности, делать коммерцию. Истероидки душу вытрясут из своих мужей и любовников, если не вытрясут из них деньги. Они платят огромные суммы именно за измененную моду. Получается, что психотип — это и экономическое понятие. **Даже** у мужчин-истероидов даже аксессуары соответствуют моде (галстуки, запонки и т. п.).

Истероид, впрочем, может исповедовать и проповедовать простой образ жизни. В шестидесятые годы было распространено движение хиппи. Дети богачей хипповали, одевались в простую дерюжку, продранную на коленях. Это было поветрие, выкрутасы. (Потом даже стали изготавливать новые джинсы, но уже специально «продранные» на коленях.) Все это означало: я тоже одеваюсь не по средствам; и обратите на нас внимание — мы против цивилизации и против этого гнусного мира. **Я богат, но отказываюсь от богатой одежды и пищи.**

Но если истероидка бедновата, то она старается одеться подороже. Хочется даже подытожить: **богата она или бедна, истероидка любит одеваться не по средствам.** Не удержимся от такой ремарки: хиппующие истероиды отказываются от богатства **на время, а не на все время**, они сохраняют свои права на имущество, которыми демонстративно пренебрегают в данный момент, и возможность вернуть себе положение в обществе.

Истероидка выглядит смешно, когда она, стареющая, пыжится выглядеть чересчур молодо, одевается и красится не по возрасту. Мы уже говорили о картине Бернардо Строщи «Старая кокетка». Это выглядит жалко — этакая экс-секс-бомба. В принципе, конечно, мужчине седина красит, а женщина седину красит. Но и здесь ей не должно изменять чувство вкуса. А если уж седой мужик красится в черный, а то и в блондинистый цвет, то это уже и вовсе нелепо (и мужчине-истероиду изменяет вкус). Но в целом имидж истероида среднего и даже старческого возраста, как правило, отличается импозантностью.

Мода

То, что **истероид — авангардист в моде**, можно вынести за скобки, ибо это проявляется в одежде, причёске, аксессуарах, квартире, танцах, местах отдыха.

Мода для него — это не просто способ подачи себя, а образ жизни.

Истероид — светский человек. Он целует дамам руки, высмеивает тех, кто этого не делает (эпилептоид может высмеять тех, кто это делает). Иногда старается быть похожим на кого-нибудь из великих людей: на Хемингуэя — свитер, трубка, борода, — но не на Маркса. Они лепят свой имидж с романтических и романических героев, а не с политиков. А провинциальные истероидки хотят быть похожими на столичных фотомоделей, манекенщиц, эстрадных певиц.

«Железная маска»

На лице, в одежде, в пластике, в движениях — во всем у истероидов **маска. Они неаутентичны.** Аутентичные люди — это люди без маски. А у них маска. Они все время **играют не себя.** Для истероида весь мир — театр. Театр одного актера. И он, выбиваясь из сил, все время что-то играет. Ну представьте себе, что надо постоянно притворяться. Все время носить маску, которую нельзя снять. И маска эта железная. А маска, как открыл тончайший польский психолог А. Кемпский, **утомляет.** Но истероид

утомляет своей игрой и окружающих. Все время думаешь: что он еще сыграет с тобой? Так что от этой маски устают и все вокруг.

Псевдонимы

Они у **истероидов**, так же как и у паранойяльных, появляются не для сокрытия истинного имени, а для **символики** (Багрицкий, Жемчугова). Иногда неблагозвучные фамилии заменяются благозвучными. Дикторша провинциального телевидения берет вместо родной и по-своему милой фамилии Ванина куда более, с ее точки зрения, романтическую Вершинина. Во времена антисемитизма в России поэты и писатели с еврейскими фамилиями старались тоже взять более русские псевдонимы. Пристрастие к псевдонимам роднит истероидов с паранойяльными. Только у тех псевдонимы, напомним, имеют более зловещее значение: Сталин, Молотов, Каменев. Пусть уж лучше истероидные: Кручинина, Вершинина...

Манипуляция

Средства влияния на человека у истероида в основном носят манипулятивный характер, в отличие от эпилептоида, у которого они в основном ультимативные. Что такое ультиматум, каждому ясно: не сделаешь того-то, то будет то-то. Что такое манипуляция, мы уже писали в главе о паранойяльном психотипе, для него манипуляция и шантаж — что для птицы крылья. Так вот, скрытое психологическое воздействие с материальной или психологической выгодой для себя в ущерб партнеру, то есть манипуляция, — прием воздействия, который и для истероида родной. Однако не только прямодушному эпилептоиду, но и мастеру политической интриги, паранойяльному, даже не снилась та психологическая тонкость, с которой манипулирует окружающими истероид. Истероид весь в манипуляциях.

■ *Вот он звонит по телефону другу, с которым не виделся миллион лет: что-то ему понадобилось. Вы думаете, он приступит к делу сразу, после формального «Как дела?» Нет, он заведет разговор, похожий на длинный коридор с множеством комнат, в каждую из которых он зайдет, посидит, попьет чайку, расскажет о своей жизни, расспросит про вашу, и только потом, в конце разговора, вдруг скажет: «Ты знаешь, обломилась вроде бы дешевая машина, как у тебя с деньгами, нужна крупная сумма, но ненадолго».*

Ну да, конечно, «ненадолго», думаете вы, на каких-нибудь два президентских срока. Но чтобы соответствовать тому образу, который манипулятор-истероид построил вам в ваших же глазах за время длинного разговора, говорите ему: «Ну, столько у меня просто нет в наличии, но половину я для тебя найду». Это то, на что он и рассчитывал, он и хотел сразу не больше половины — все же «связи связями, но и совесть надо иметь», как говорил король — Гарин в кинофильме «Золушка». Или жена-истероидка чуть не перед самым выходом на званый обед, от которого зависят контакты мужа, заявляет: «Мне не в чем идти! Ты подумал только о том, что меня надо им показать, а в чем показать, не подумал, ну пойду в трусиках, это единственное приличное, что у меня есть...» Или: «У меня нет ничего для театра, в этом платье я уже была, а то скорее для тенниса или лошадей». И муж вынужден согласиться на приобретение еще одного дорогостоящего платья.

Краткая иллюстрация манипуляции — во фразе «если ты меня не найдешь, то я за шкафом». А если подробно рассказывать о манипуляциях истероидок, то это «тысяча и одна ночь».

Кстати, и сама Шахерезада тоже ведь манипуляторша, не только спасая себе жизнь, но и окрутившая своими сказками Шахрияра.

Шантаж для истероида — слишком неподъемная вещь: надо долго трудиться — собирать компромат, риск большой, а истероид леноват и трусоват. Поэтому, хотя шантаж приносит большие доходы, истероид предпочтет манипуляцию, для чего нужно лишь тонко чувствовать струнки чужой души, на которых можно сыграть. А такой отрицательной эмпатии истероид научается легко.

В отношениях с людьми для истероида важен особый мани-пулятивный прием, чтобы показать свою значительность, — отказ. Отказ он обставляет. Ему все равно, в чем отказать.

■ *Вот, например, он начальник, может сейчас подписать бумагу, но пусть еще раз зайдут специально (он показывает свою значимость), или пусть сначала завизируют у помощника, или...*

Отказ всегда неприятен людям, а ему нравится, если нечем больше жить. Но он может поступить и иначе, он может демонстративно нарушить правила и не отказать, даже если имеет право отказать.

Отношения с другими психотипами

Истероид с истероидом быстро сходятся и столь же быстро расходятся, стоит только рассказать друг другу все о себе и выманить дополнительные секреты обаяния. Разговоры у них поверхностные: о тряпках, о жизни артистов — «салонный треп». (Опять повторяем, что это все в среднем, примерно 66 : 33.)

А вот истероидка с эпилептоидом... Эпилептоид фундаментален, как дуб, к нему можно прислониться, в его кроне можно спрятаться, «прижаться тонкими ветвями», ну как в песне, и даже питаться от его корней. Очень удобно.

Истероид развивает в себе манипулятивные способности, которые и позволяют ему выманывать, а не добывать. Эпилептоид-ду-добытчику, впрочем, это может в какой-то мере даже нравиться, если он владеет безраздельно, допустим, красивой истероидкой. Ну а если она не слишком хороша или не слишком верна, то это ему уже неприятно, и тогда неизбежны конфликты и страдания — у эпилептоида сдержанно драматичные, а у истероидки — бурно трагикомичные.

Истероиды часто присоединяются к паранойяльным. Даже иногда и не достигшим успеха. Паранойяльный все же владеет искусством убеждать. В мнении большинства, говорил Ана-толь Франс, повторять — значит доказывать. Паранойяльному же как раз свойственны фразы: «а я вам еще раз говорю», «я повторяю». А для истероида убежденность — это доказательство. Он не очень критичен, он верит и даже верует. И его «верую» на тот момент искренне. Он смотрит на паранойяльного пророка с восхищением, даже с сексуальным вожделением, он готов ему отдаться, предаться (а потом и предать, перейдя к другому пророку). Истероид легко усваивает его фразеологию, цитирует, смакует выражения, не слишком их перекраивая, не развивая, но с горящими, как у самого пророка, глазами, он уподобляется в эти моменты самому пророку, отождествляет себя с ним и получает часть той славы, которую пророк обеспечивает себе. Истероид получает нужное ему внимание в сиянии ореола избранного им на данный момент пророка. Здесь слово «пророк» мы употребляем уже в нарицательном значении: пророк он везде пророк — и в религии, и в науке, и в искусстве, и в политике. И везде есть истероиды, меняющие в зависимости от обстоятельств манеру говорить, содержание речей, одетые в белые одежды или во фраки, а то и раздетые, если это требуется.

Истероидам трудно ладить с шизоидами, у них нет общих интересов, мы их почти и не видим вместе. А когда они врозь, то истероид посмеивается над шизоидом за его пренебрежение к моде, а шизоиду с истероидом просто не о чем разговаривать.

Мы заметили уже, что соперничают друг с другом люди любых психотипов, даже психастеноиды и сензитивы. Но топят других больше паранойяльные и истероиды. Но если паранойяльный может даже убить соперника, то у истероидов все на порядок менее серьезно. Истероидка удовлетворяется тем, что манипулятивно унизит свою соперницу.

■ В романе Сомерсета Моэма «Театр» Джулия на сцене вынуждала молоденькую актрису так повернуться, что личико «негодницы» в свете лампы становилось похожим на мордочку овцы, и обеспечила ей провал, а себе — в который раз — аплодисменты.

Или же **истероидка**, подойдя к другой **истероидке** и, глядя в глаза и «искренне» соболезнуя, говорит: «Боже, как ты себя запустила, нельзя же так к себе относиться, съезди на недельку хотя бы на Канары, если на Форос не хватает». Так и хочется не на Канары съездить, а по мерзкой хищной мордашке, но нет, это опуститься до ее уровня, а надо в ответ «опустить» ее. И тогда: «Да нет, дорогая, ты знаешь, и Канары, и Форос — там одни новые русские с толстыми шеями, а приличные люди собираются по-прежнему в Баден-Бадене, нас туда пригласили швейцарцы...»

■ А одна «маменька»-истероидка, соревнуясь с собственной дочкой-истероидкой, в присутствии мужчин выдала: «Есть надо больше, а то остались от тебя только джинсы да кости».

Это она где-то раньше услышала и процитировала.

Эгоцентризм

В принципе по своей природе истероид **эгоцентричен**, о чем уже неоднократно упоминалось в этой главе. Но это достойно и специального внимания. Его эгоцентризм проявляется во всем — и в тотальной демонстративности, и в каждом манипулятивно-приемчике, и в одежде, и во всем, во всем... Он сквозит даже и в **альтруистических** с виду поступках. Они ведь у истероида тоже насквозь демонстративны: смотрите, дескать, и восхищайтесь, какая я заботливая и человечная. Истерия, говорили старые психиатры, — великая симулянтка. Так и истероидность может притвориться чем угодно, в том числе альтруистичностью. Истероид может быть более заботливым, чем даже эпилептоид и психастеноид, он может задушить в своих объятиях. Родитель сажает своего ребенка в золотую клетку, и все видят, что она **золотая**, только ребенок видит, что это **клетка**.

Самолюбие — честолюбие

Истероид **самолюбив**. В меньшей степени, чем паранойяльный, но попробуйте отрицательно оценить его вкус и вкусы людей, о которых он высокого мнения! Его легко задеть, особенно если это касается его внешности, одежды, умения вести светскую беседу, его способностей и личных успехов. При цитировании его авторских высказываний ссылки, как и в общении с паранойяльным, обязательны. А **честолюбие у истероида проявляется не только в том, что он любит, когда ему рукоплещут, но и в том, что он не может терпеть успехов другого человека**, он — лучший из лучших. Честолюбие выражается у истероида и в том, что он стремится быть членом престижной группы. Он может в других компаниях хвастливо подчеркивать, что входит в какие-то важные объединения. В своей обычной компании он тоже борется за собственный престиж. Впрочем, для него иногда престижно быть громко отвергнутым (истероидный каприз). Честолюбивые цели он тем не менее ставит такие, которые достигаются быстро. Он хочет немедленных бурных аплодисментов. Но, избегая долговременных напряжений, он часто получает **«бурные» жидкие** аплодисменты. Тяжелый многолетний многоплановый труд — это не удел истероида, истероид не творец больших форм, разве что это само плывет в руки или за него взялся некий импресарио-спонсор. Сам он скорее эстрадный певец, который может что-то выучить и тут же спеть, а не Лучано Паваротти, который прежде чем начать петь, должен сначала распеться на гаммах, и тем более не Микеланджело, который одну скульптуру делал пять лет.

Мечь

Истероид, не так, как паранойяльный, но в большей мере, чем эпилептоид, **любит отомстить**. Он не будет заранее составлять план мести и осуществлять его, но при случае и **ножку подставит, и руку помощи не подаст**. Впрочем, не очень грандиозный и не требующий больших усилий план мести он может построить и реализовать. Так что лишний раз не стоит провоцировать мстительность истероида. Он может «из соображений гуманности», но чтобы все это отметили, и продекларировать громко, что он забыл обиды. Но строить расчет на этом вряд ли имеет смысл.

Доброта

Истероиды склонны сотворить добро, совершить благой бессребренический поступок, но так, чтобы все это заметили. Они не хотят творить добро втайне, чтобы воздалось им на том свете, как велел Иисус. Они, как фарисеи, которых обличал Сын Человеческий, хотят, давая милостыню, сразу же увидеть восхищенные взгляды людей. Они предпочитают немедленное воздаяние за подаяние.

■ *Одна милая юная истероидка, плача крупной сочувственной слезой, приближается на глазах изумленных прохожих к проходивцу, которого я давно знал (много раз видел, как он перекидывал из шапки в карманы немалую прибыль), и изящным движением кладет ему в шапку солидную купюру, а потом вечером того же дня на моих глазах выклянчивает у матери деньги на завтра.*

Меркантильность

Истероид довольно **меркантилен**, он любит всякого рода подношения, подарки, выгодные сделки. Но при всем при том если он на виду, то может поиграть и в пренебрежение к материальным благам. Я, дескать, скапливаю себе богатства не на земле, а на небе, как Христос велел. Но, точности ради, скажем, что даже любовь к вниманию и демонстрация доброты для истероида важны не только сами по себе, но и в связи с тем, что из этого можно извлечь материальные выгоды. Ведь коль скоро ты попал в поле зрения многих людей, в том числе **нужных**: работодателей, потенциальных друзей, спонсоров, партнеров для выгодных сделок, журналистов (которые восхитятся и напишут рекламный портрет), — успех придет с большей вероятностью.

Истероид ищет выгодного брака. Женится, например, на дочери крупного чиновника. Истероидка после пылких любовных отношений с одним человеком может после минутных сомнений уйти к подвернувшемуся более богатому, оправдываясь тем, что, мол, один раз живем, а потом уйдет к еще более состоятельному, сказав себе и родственникам, что делает это для них...

Ненадежность

Можно ли доверять истероиду? В отличие от эпилептоида, истероид, как и паранойяльный, может быть вероломным.

И найдет массу оправданий, почему он нарушил договор. Но оправдания у него иные, нежели у паранойяльного. Он не смог, поскольку что-то помешало: нехорошие люди, стечение обстоятельств или просто заболел, но в другой раз все будет хорошо, то, что произошло... — случайность. Но в другой раз, увы, будет **все то же самое**. **Истероиду нельзя доверять долговременных дел**, он, как и гипертим, быстро переключается на другие интересные вещи и забывает. Но все же, если у него есть сейчас какой-то выраженный интерес, небольшие усилия истероид выдерживает, и, постоянно стимулируя его, с ним можно ладить. Как говорится, «доверяя, проверяй», но проверяй деликатно, а то, чего доброго, обидится и взбрыкнет.

Истероиду не стоит доверять серьезных тайн. Он «по секрету всему свету» разболтает их — чтобы унижить вас, чтобы возвыситься самому или просто для красного словца.

Тайны у него не держатся. С ним буквально происходит катарсис, когда он рассказывает чужие тайны.

Если истероид схитрил, но при этом о нем хорошо подумали, он доволен. У него отсутствует нравственная щепетильность, какая есть у психастеноида или хотя бы у эпилептоида. Так что ждите от него лукавства. Но не перестарайтесь в этих ожиданиях—он может из лукавства же не слукавить, и вы потеряете интересного приятеля.

Благодарность

У истероида она тоже демонстративная. Но чаще он тяготится тем, что долг платежом красен, поэтому легко забывает благодеяние, легко находит оправдания тому, что не испытывает особой благодарности. Или, по его мнению, все не так уж и было нужно, или, подумаешь, это стоило лишь одного звонка, или вообще не все было сделано... И если приложенные ради него усилия не увенчались успехом, то и тут какая уж благодарность: делал, но не сделал! А ведь человек, который пытался что-то предпринять, хочет, чтобы его усилия оценили. И в этом случае, и в дальнейшем он все же постарается помочь. Истероиды не умеют строить долгосрочных «взаимоблагодарственных» отношений с людьми, поэтому и проигрывают, сами себе сбавляют человеческую цену. Вот психастеноид, тот будет век помнить.

А гипертим при напоминании тут же станет искать, чем бы отблагодарить, даже эпилептоид почувствует неловкость, если его уличили в неблагодарности.

Общение как ценность

Истероид в отношениях ценит больше **само общение**, чем что-либо другое. Если эпилептоиды месяцами не общаются с друзьями и собираются только на юбилеи, но при необходимости окажут помощь, то Истероид ходит к друзьям регулярно, общается не ради дела, а просто чтобы поболтать.

Истероидка часами может разговаривать по телефону, нога на ногу, сигарета в одной руке, телефонная трубка в другой, да еще и любуется собой в зеркале. Она не в состоянии долго находиться в одиночестве, пусть хоть к соседям, но зайдет на огонек или пригласит к себе. А в минуты уединения готовится к очередной встрече.

Истероид не станет лесником — он сбежит, но если к нему «все флаги в гости», если он имеет свою «фазенду», где может с размахом принимать гостей, то он способен романтично жить и в лесу.

Психотехники общения

Рассказ о психотехнике общения истероида мы начнем с того, что многое в ней воспринимается людьми как яркие плюсы его личности, которые дают ему мгновенные «зрительские симпатии». Он, в частности, легко вступает в контакт, в отличие от эпилептоида и подобно паранойяльному и гипертиму. Но если гипертим просто суматошен, а паранойяльный слишком деловит, то истероид **игрив и элегантен**. Как только его представили другому человеку, он тотчас же находит темы для общего разговора, быстро их развивает, расспрашивает, но больше рассказывает сам. Сначала он занимательным рассказом интригуется собеседника. Он говорит много нового и любопытного, как бы раскрывает свою эрудицию перед человеком, который тоже в свою очередь может ею воспользоваться, не работая самостоятельно над литературой, не выкапывая интересные факты из библиотечных архивов. А потом истероид незаметно, но логично ставит себя в центр рассказа, говорит о своих возможностях, о том, как они могут быть использованы собеседником.

■ *В частности — и в особенности, — он говорит о своих дружеских и деловых связях. И делает это артистично, речь его льется плавно, он свободно переходит от темы к теме, соединяя их красивыми ассоциациями. И производит впечатление общительного, адекватного, интересного человека!*

Добавим, что истероид почти всегда хорошо одет, аккуратен, ухожен, собран, грамотно и красиво говорит, элегантно ухаживает или принимает ухаживания, соблюдает этикет.

Шизоид Гегель в свое время читал лекции одному записавшемуся к нему студенту. Это был Людвиг Фейербах, который как раз и положил конец немецкой классической философии и «материализм» которого Маркс соединил с «диалектикой» Гегеля. А истероид может без конца «читать лекции» одной-единственной студентке, что может положить начало их любви. Вы чувствуете сходство и разницу?

Истероид часто цитирует понравившиеся ему мысли, иногда со ссылкой на своего кумира. А бывает, что и без ссылки. Один истероидный поэт посвятил нескольким женщинам, последовательно одной за другой, выдав за свое, прекрасное стихотворение Гумилева, затерявшееся в дореволюционных сборниках и неизвестное широкой публике.

■ *А вот истероидка увидела свежую клубнику зимой: «Ой! Хочу клубнику!» Или: «Давай Новый год встретим 1 июля, иди руби в лесу елку!» И мужчина, чтобы показать любовь, покупает землянику, ананасы, рубит елку, рискуя штрафами и репутацией. А она: «Вот как за мной ухаживают! Видите? Смотрите!»*

Истероидка легко **манипулирует комплиментами**, как бы подстраиваясь снизу. Например, она может сказать: «Вы так хорошо водите машину, отвезите меня, пожалуйста». Для нее это тоже как бы демонстрационная игра: смотрите, я женщина, мне нельзя отказать, это уже как бы и не самоунижение, а обаятельная просьба, и сотрудник с машиной ее везет. Или же она пойдет демонстративно пешком: смотрите, какие вы плохие, женщину заставляете идти пешком.

Истероид вообще легко **усваивает приемы лстивости**. Прежде чем обратиться с просьбой, начинает издали, расспрашивает о детях, об успехах — дескать, я не сразу так вот со своими делами, я тобой интересуюсь. Но все это шито-крыто белыми нитками и производит не лучшее впечатление, слащавенько, хотя люди, как правило, реагируют на это положительно. Делая лстивые комплименты,

истероид сам не чувствует, что все это лезет наружу, что комплименты фальшивые, **не чувствует, что его чувствуют.**

Истероиды сами любят похвалы в свой адрес, любят признание, лесть, клюют на нее, они в этом отношении доверчивы, так как полагают, что, если о них говорят хорошее, это соответствует истине.

Они тоже дают положительные оценки людям. Но чаще это дешевые, ничего не стоящие комплименты типа «Ах, как вы сегодня хорошо выглядите!».

Позиция оценивания

В отношении истероида позиция оценивания не так конфликтозна, как в отношении паранойяльного или эпилептоида. Он не ждет отрицательных оценок, он самоуверен, у него завышенная самооценка, невротически, но завышенная, и это спасает его от неуверенности при оценивании со стороны. При этом истероид всегда как бы на сцене, он завоевывает (и иногда успешно) себе репутацию.

Истероиды жаждут положительной оценки и бьются за нее ежесекундно, истероидов интересует сиюминутный интерес к себе, они любят срывать аплодисменты, и им важно именно живое внимание. Сравним: паранойяльный у нас хотел глобальной положительной оценки, ему нужна слава в веках. Он может потерпеть и работать «в стол», не то что истероид — тот должен получить немедленно положительную оценку и аплодисменты...

Но любые отрицательные оценки вызывают в истероиде бурное негодование, он сопротивляется по принципу «сам дурак», а если не удастся защититься по той же линии, он наносит удар по другой линии. То есть когда истероида поймали, например, на незнании какого-то важного факта, он может дать понять: зато у тебя жена уродливая.

Откровенность

Насколько откровенен истероид с людьми? Сравним. Паранойяльный и эпилептоид не раскрываются в своих интимных переживаниях. У паранойяльного чувство доверия вообще может не возникнуть, он никому не доверяет. Эпилептоид доверится другу, с которым пуд соли съел, чтобы он открылся, ему нужно много вместе пережить. Гипертим все о себе расскажет, как и о других. А вот истероид — у него все по настроению: если человек сразу понравился, если он осознанно или неосознанно подыгрывает истероиду, хвалит его, если истероид чувствует, что его признают, проявляют к нему положительное внимание, то он может разоткровенничаться. Но может и закрыться.

Вранье

Истероид часто врет. Мы нарочно употребили это слово. Никакие эвфемизмы здесь не годятся. Именно врет. Это качество получило даже специальный термин «псевдология» (болезненная склонность к вымыслу). Истероид врет не просто так, а чтобы произвести впечатление.

■ *Один не самый известный кинорежиссер рассказывал, например, что как-то увидел в поле одинокого жеребенка, что они полюбили друг друга и он не захотел жеребенка оставить, забрал его, сел с ним в поезд, поместил его, договорившись за плату с проводником, на верхнюю полку, привез в Москву и выпустил гулять по травке на газоне около Кремля.*

Истероид легко прощает себе свое вранье. Напомним, что эпилептоид почти не врет, а психастеноид практически никогда не врет.

Неправду при определенных обстоятельствах говорят все, даже психастеноид (который все же **не врет**, — почувствовали разницу?). Но истероида от всех отличает то, что он **ставит себя в центр своих выдуманных историй** — так же как и в центр каждого своего рассказа. Любуясь собой, он заставляет любоваться собой и других. Ему не хватает событий, в которых он выглядел бы действительно красиво, жизнь его не так уж богата. Так что приврать — это просто настоятельная потребность, как у режиссера с его жеребенком.

Враньем, в сущности, оборачивается и любовь истероидки к порядку: середина выметена, а под диванами клочья пыли — все равно что белье грязное... И в страдании — тоже вранье. Все преувеличено. Даже при попытке самоубийства истероид самозабвенно врет: истеричка десять таблеток проглотит и десять записок разложит, чтобы ее вовремя нашли.

Первичное коммуникативное поведение

Оно, можно сказать, утонченно конфликтогенное. Он не грубит, а язвит. Или даже не язвит, а подает завуалированные конфликто-генные послы, стандартные, патентованные: вы меня утомляете, интересный вы человек, странный вы какой-то, я не с вами разговариваю... К такого рода конфликтогенам можно отнести и то, что истероид часто употребляет непонятные термины, чтобы блеснуть. Мы говорили уже, что в этом плане он сходен с шизоидом — тот тоже говорит непонятно, но отнюдь не для того, чтобы блеснуть, он просто не может выйти за рамки той терминологии, к которой уже привык, а истероид специально говорит заумно.

Безудержно пытаясь сконцентрировать внимание на себе, истероид не замечает, что кого-то обижает. Сам же он (как уже сказано) демонстративно обидчив.

Хрустальная слеза истероида

Особенно развит у истероидов институт плача. Плачут обычно дети. И взрослые истероиды. Это проявление их инфантилизма (задержки психики на детском уровне). Ну конечно, расчувствоваться могут и другие психотипы, даже эпилептоиды в старости и паранойяльные. Но специфично это именно для истероидов. Женщины — так те слезу пустят сразу после заливистого смеха, но и мужчины — артисты по системе Станиславского, даже и без ГИТИСа-Щукинки. Плач часто сопровождается рыданиями, хныканьем, а иногда это **тихие слезы**, но крупные, чтобы видно было издали и чтобы пожалели. А если никто не обращает внимания и на «хрустальную слезу», то все вокруг такие бесчувственные...

Отрицательные оценки

Льстивость льстивостью, но **отрицательные оценки** в адрес окружающих истероиду более свойственны, чем положительные. Это для них потребность наравне с потребностью в еде. Истероид часто дает отрицательные оценки. Мотивы с виду даже благородные: я смел, нелицеприятен, открыт... На поверку же они оказываются просто эгоцентричными. Ведь отрицательная оценка дается в тех областях, где истероид считает себя, и может быть не без оснований, выше. Оценивая кого-либо, истероидка старается не истины добиться, а себя показать в выгодном свете. Все, дескать, плохо работают, одна я — в поте лица («ну мне это нужно?»). То есть она по контрасту возвышает себя за счет унижения партнера.

Но высказываются отрицательные оценки больше не в глаза, а за глаза. Не хочется встречать сразу сопротивление, хочется получить сочувствие. Так что чаще — за глаза!

Впрочем, истероид может пойти и на открытый конфликт, в открытый бой — я, мол, нелицеприятный. Тогда в ход идут эпитеты с резко отрицательной окраской: это некрасиво, прошло, мерзко. Оценки перерастают в обвинения. Истероиды, как паранойяльные и эпилептоиды, тоже **распекают**, хотя, в отличие от тех, редко наказывают. Но беспардонность у истероидов не меньше. Широко известен истерический крик.

Конфликты

Конфликты у истероида чаще происходят в виде **скандалов**. Истероидка без разгона, без этапа холодной напряженности в конфликтной ситуации или просто так начинает сразу истерически кричать, визжать, царапаться в прямом и переносном смысле.

То есть истероид с полоборота врубается в неуправляемый конфликт с его передозировками ответных конфликтогенов.

Но все же можно сказать, что он скорее раздражителен, чем гневлив. Он может и сдержать в себе раздражение. Но если у эпилептоида это внешне не выражается, то у истероида все написано на лице: он молчит, но грозно молчит. Это затишье перед бурей. Эпилептоид же молчит с каменным лицом.

Истероиды любят пошептаться, они наушничают, говорят плохое за глаза, они доносчики.

Юмор

Истероиды любят юмор, они его с радостью воспринимают, любят посмеяться в ответ на чужую шутку. Шутки они понимают очень хорошо и принимают их, если эти шутки направлены не на них, понимают и комедийный юмор. И смеется истероид вместе со всеми, когда видит что-то смешное в жизни. Смеется заливисто, заражаясь и заразительно. А может и неестественно, манерно, чопорно смеяться — в зависимости от того, где какой смех принят.

Но с юморотворчеством у него плоховато — так, заимствованное все. Остроумных ходов истероид может придумать мало, для этого надо быть шизоидом. Но шутить любит. Он, как и паранойяльный, набирает в запас остроты типа «короче, Склифософский» и швыряется ими направо и налево. В День смеха истероид может придумать несложный розыгрыш типа «пойди за премией в бухгалтерию», а там человека поднимают на смех или искренне не понимают. Шутки у него хорошо сыграны, с модуляциями в голосе, вот и розыгрыши ему удаются, люди верят им.

Юмор истероид направляет чаще на партнера, чем вверх ни на кого, чтобы покрасоваться, чтобы все видели, какой он остро слов, не лезет за словом в карман, может ответить шуткой на шутку или первым подсмеивается над кем-то, вызывая на юмористическую дуэль.

Истероид может смешить специально, он знает много анекдотов — нахватал их в разных компаниях, иногда даже записывал впрок, чтобы потом других веселить анекдотами. Он может направить юмор даже на себя, чтобы посмешить публику, он ерничит, но скорее не в целях психозащиты, а просто дурачится, чтобы привлечь внимание, и у него это действительно кривлянье, а не принятие на себя вынужденной роли шута, как чаще бывает у гипертима, шизоида или сензитива. Истероид может быть намеренно неуклюжим, падать, подставляя сам себе ножку.

Шутки в свой адрес он переносит хуже, чем гипертим, но все же лучше, чем паранойяльный. Истероид знает, что необходимо понимать юмор, иметь чувство юмора, и может даже разыграть удовольствие от шутки в свой адрес, но потом в удобный момент отомстит.

Если истероида сделать объектом шутки, он отобьется более изящно, чем гипертим. С того вообще юмор как с гуся вода: он шутит незамысловато и неумно, но без обид.

■ *А вот одна истероидка по имени Клара страшно страдала от того, что каждый дурак, знакомясь с ней, тут же шутил: а как, дескать, у вас с кораллами, кларнетом и Карлом. На занятиях по психотехнике общения ей подсказали идею отвечать, используя другие скороговорки: «Вы, право, со мною так не по-колпаковски обходитесь», «С кораллами все хорошо, а вот курлы уже кончились, остались только мурлы. Вам мурлы завернуть или так донесете?» — и все наладилось.*

У истероидов развит интонационный юмор, то есть не фраза юмористическая, а интонация, ироническая вальяжность типа: «Ну конечно, большое вам спасибо, что вы лишь мне на ногу наступили».

Истероидов предупредим: если вы будете соревноваться с шизоидом, то, пожалуй, только раздражите его и он выдаст вам порцию перца, высмеяв по полной программе, поскольку он продуцирует юмор, а вы только цитируете.

Дружба, компании

У истероида много друзей: и старых, и новых; он непрерывно расширяет круг общения, стараясь знакомиться с престижными и влиятельными людьми, подчеркивает связь с ними, делая это не всегда

тактично. Впрочем, все зависит еще от ума, воспитания и вкуса. Но вкус вкусом, а подчеркнуть престижное знакомство надо. Это делается как бы вскользь:

■ *«Вчера мы с Женькой встретились в Домжуре, он себе такой шарф нацепил, обхохочешься».*

«Женька» — известный поэт. Близость к нему обозначена фамильярностью высказывания. Истероид подчеркивает связь не только с известными людьми, но и с начальством, с властями, с именитыми зарубежными гостями или даже не именитыми, но все же из дальних стран. Он устраивает встречи с ними, застолья, угощает их, часто за счет других, менее именитых друзей или родственников. Кстати, если у него есть богатые и именитые родственники, это тоже, естественно, при случае пускается в ход.

И стероид обожает праздники, карнавалы, уличные шествия.

Паранойяльному на это наплевать, в праздник поработать можно, никто не мешает, как и ночью. А истероид готовится, придумывает, какие бы сделать подарки поярче, сам ждет по-дарков-«сюрпризов». Для истероидки само слово «сюрприз» настолько значимо, что одна такая заявила своему любовнику: «Сделай мне сюрприз — подари колье», — забыла, что сюрприз — это неожиданный и неизвестный заранее подарок. Особенно важны истероиду подарки и тем более сюрпризы к празднику: что за праздник без подарка... А сам праздник для истероида — тоже выход на авансцену, где он выступит перед друзьями и новыми людьми, заведет новые знакомства, попробует новые лакомства.

С друзьями, которых много, истероид любит поболтать, обсудить с ними и осудить других. Но это все по секрету, «только те-, бе и больше никому», — и в разговоре с другим, тоже «только тебе и больше никому», и так со всеми он обсудит всех. Сам же он сказанное ему по секрету, доверительно, передает тому, о ком шла речь. И поскольку круг его друзей широк, тому, о ком он говорил нехорошо, становится об этом известно, а поскольку говорить о других плохое истероиду приятно, то со многими у него отношения портятся. Но вот он меняет круг общения, и вначале все идет неплохо, а потом — по тому же сценарию. Когда круг замкнулся, когда «пропеты все песни», когда истероид показал все свои положительные стороны и им перестали восхищаться, то он переходит в другой круг.

Истероид переходит из компании в компанию, в каждой из которых быстро производит впечатление, но из-за отсутствия истинной глубины, философичности, свойственной психасте-ноиду и шизоиду, или подлинной деловитости, свойственной паранойяльному и эпилептоиду, интерес к нему скоро улетучивается. Если, впрочем, это красивая женщина, то интерес к ней может поддерживаться за этот счет. А если мужчина, то интерес быстро утрачивается, так как к мужчине предъявляется больше требований в отношении интеллекта и деловых качеств.

Но все-таки компании без истероида немислимы, это человек яркий, он, как уже упоминалось, «гвоздь программы» и «звезда сезона». Истероид легок на подъем, если его зовут в новую компанию. «Пойдем», — и он идет, если там, куда его зовут, будут поднимать его в глазах публики: «Ты там споешь, тебя хотят послушать».

Причина его хождения из компании в компанию в том, что **в новой компании можно блеснуть старым запасом знаний и нарядов**. Ведь истероид всегда хочет быть в центре внимания, но чтобы остаться в центре внимания в старой компании, надо приобрести и предъявить что-то новое, а это требует серьезных усилий, на которые его не хватает.

■ *Например, все песни в старой компании он уже пропел, и они уже людям поднадоели, а разучить новую — это несколько часов труда. А чтобы заработать на новую нарядную вещь, вообще уйма времени и сил потребуется.*

Но вот сменил компанию — и снова блистаешь.

Впрочем, нередко практикуется **слет истероидов** с лозунгом «давно не виделись». Действительно, давно не виделись, но кто-то свистнул — «и вот летит на пламя мотылек» (не тот, что у Джордано Бруно «о смерти он своей не помышляет», а тот, что в «Подсолнухе» Леонида Мартынова: «Те мотыльки толклись и кувыркались, пыльцу сшибая с крылышек друг другу...»). К моменту этой встречи как раз сменились наряды, кое-что, даже при лености и праздности ума, поднакопилось, выучены новые песни, собрана занимательная информация из разных других компаний... И вот: «Ой, ты знаешь, что я тебе расскажу, обхохочешься...»

Истероид любит многое обещать, этим он тоже привлекает к себе людей. Но он ненадежен в своих обещаниях: наврет с три короба, наобещает, но ничего не выполнит, ведь нужны более серьезные усилия,

на которые его не хватает. Причем он всегда найдет себе оправдание, нередко фантастическое, но искренне и правдоподобно преподносимое.

У меня был приятель, «истероид по профессии», года три его не было видно, вдруг приехал, свалился на голову, я его отмыл, откормил, а он меня развлекал разноцветными историями. В их числе была такая.

■ *Он, дескать, проигрался вдрызг в казино, и тот, кто его обыграл, пригласил его в Бельгию в свой тамошний замок, и теперь он его первый помощник, «хочешь, я и тебя сделаю вторым первым помощником? Правда, сделаю, ему нужен такой, как ты».*

Звонит при мне, мол, есть мужик «первый класс», ученый с жизненным опытом, ты только не отказывайся сразу... Назначен день, час, место, форма одежды, пьем за успех предприятия (я тоже выпил, отчего нет, ведь за успех же)...Но ни в назначенный день, ни на следующий приятель мой не появляется, а возникает лишь через неделю, удрученный, и мы с ним снова пьем, только за упокой души его благодетеля, который, надо же, пересел с «мерседеса» на «шестерку» и, не справившись с необычным для него управлением, разбился вместе с любовницей, так что и опознать не смогли...

Предательство он тоже оправдывает легко: ты, мол, сам этого хотел.

Любовь

Истероид многое любит делать громко: громко читать стихи, громко выкрикивать лозунги... И любить он любит громко. Вот он познакомился и влюбился. Тут же ведет ее в свою компанию хвастаться. И чтобы все одобряли — если не одобряют, может фыркнуть и уйти с ней показывать ее в другой компании, но может и интерес утратить к своей новой любви. А если одобряют, будет любить еще крепче и ходить с ней во все остальные компании. Он всем друзьям звонит и сообщает о своей новой любви. И как только кто-нибудь к нему с трудом дозвонится (а это он рассказывал о своей новой любви предыдущему «абоненту»), он тут же вздохом начинает по полной программе рассказывать ему то же самое. **В любви истероид гонится за красотой**, и когда он ее заполучил, то щеголяет: смотрите, у меня лучшие женщины. На вопрос: «Что вам больше всего нравится в женщине?» — истероид скажет что-то вроде: «Ну, конечно, шея...» А может быть, это будут глаза или линия бедер — словом, истероиду важны детали внешности. (Шизоид больше ценит ум, эпилептоид — аккуратность, паранойяльный — преданность). Истероидка может тоже ценить в мужчине красоту и элегантность, а если он некрасив, то должен обладать какими-то социально значимыми качествами (богатство, статус, слава, знатность рода). И этим она тоже всячески хвастает.

Свадьба — это тоже как бы **шоу**: вот смотрите, какая у меня новая большая, серьезная любовь. Истероиды обожают свадьбу как общественный институт. Она должна быть пышной, на ней должно быть много гостей, которым следует прийти с множеством дорогих подарков. И все на свадьбе этой напоказ — даже поход к Могиле Неизвестного Солдата, и «Чайки» или «мерседесы» и вынос невесты на руках, и наряд Снежной королевы, утративший уже свой первоначальный смысл символа «невинности», и запечатление на кодаке или лучше на видео. А потом все это с упоением просматривается с теми же или другими гостями, и чтобы все говорили: «Любо».

В любовных отношениях истероиды — манипуляторы.

■ *Вот истероидка вроде бы уходит от него... но «вернулась за вещами», а он уже «понял», какую жуткую, непростительную ошибку совершил, отпустив ее и не уступив ее требованиям. Ведь она явно важнее, чем ей требуется, — ион кидается к ней с мольбами.*

Так ему и надо. Мужчины-эпилептоиды слишком быстро привыкают к женам, которые составляют часть их благоустроенного быта. Но у мужчины срабатывает охотничий инстинкт: он не пошевелится, если «объект не убегает», но если «убегает», то он за ним бросается. Истероидки бессознательно это чувствуют и начинают стимулировать мужа как раз такими демонстративными уходами.

Секс

У истероидов секс расцветенный, театрализованный. В оргазме она извивается, чтобы он видел, как ей хорошо. И стон ее, страстный, яростный, слышен на других этажах, чтобы всем было известно, какой у

нее великолепный мужчина и какая она роскошная женщина. Если у любовника не расцарапана в кровь спина, то с пиршества любви она ушла как бы без десерта... Это можно назвать эксгибиционизмом, в противовес вуайеризму (готов раздеть глазами и поглощать взором) эпилептоидов и паранойяльных. Истероид приемлет эротическое искусство, групповой секс.

Истероиды склонны к бисексуальности. Облигатная гомосексуальность (когда приемлем лишь свой пол) среди истероидов крайне редка и объясняется скорее всего самовнушением этой «моноидеи». Но при явно преобладающем интересе к противоположному полу склонность к гомосексуальности легко осуществляется благодаря пластичности их психики, готовой к различным перевоплощениям. Ведь почему гомосексуальность распространена больше в артистической среде? Потому что там больше истероидов, готовых к перевоплощению вообще. Если актер может вжиться в роли то Гамлета, то Федора Иоанновича, то самого Ивана Васильевича, то он столь же «естественно» может «перевоплотиться» в женщину.

И облигатная гомосексуальность, включая лесбиянство, часто тоже истероидна по психологической природе: я не как все, «я голубой» или «я розовая».

Садо-мазохистские игры в истероидных эротических спектаклях занимают не последнее место. Но это, скорее, именно игры, разнообразные по сюжетам и по атрибутике, чаще всего неопасные и неглубокие.

■ *Если рассуждать о системе «мазохизм — садизм», то истероид не «садист» и не «мазохист» как таковой. Он и то, и другое, «Два в одном». Сразу или попеременно.*

Но следует говорить не только о собственно сексуальном садо-мазохизме, но и о бытовом. Здесь тоже все перемешивается. И это уже игры опасные и глубокие. Вот она допекает его придирками, оскорблениями, высмеиванием, пощечинами — это психический садизм. А он ее бьет физически, и даже убивает. Такой «рабоче-крестьянский» садо-мазохизм. При этом **не люди играют своими инстинктивными потребностями, а инстинкты играют людьми.** Лучше, когда наоборот.

Истероид может быть также вуайеристом и эксгибиционистом. Опять «два в одном». Правда, женщина скорее эксгибиционистка, а мужчина чаще всего вуайерист. И это может комплементарно (взаимодополнительно) сочетаться с преимущественно эксгибиционистскими тенденциями истероидки.

Истероиды, перефразируя известное выражение Станиславского, любят себя в сексе, а не секс в себе. Но это, конечно, с некоторой натяжкой — секс в себе они все-таки тоже любят, как, впрочем, и искусство.

Сексуальность истероида — игрушечное суденышко в море морали. Она зависит от ханжей, от собственных комплексов, от компании, которая для него авторитет, от показного нонконформизма. Упомянутая уже куртизанка Таис у Франса «молитвами» Пафнутия (см. главу о паранойяльном) обращается к Богу и умирает на крыльях ангелов. Так вот таких, как Таис, сначала наблудивших, а потом приблудившихся к «монастырям», среди истероидок предостаточно. Таис умерла просветленная, но Франс использует это, чтобы оттенить падение Пафнутия. На самом же деле истероидки из монастырей потом, как правило, уходят, находят новую любовь с новыми разочарованиями.

Роскошь

Истероиды предпочитают жить в роскоши и богатстве, не заботясь о том, что это всегда за чей-то счет. Если есть возможность хитростью, лестью, обманом взять себе что-то от другого, даже близкого человека, истероид это сделает, не задумываясь над нравственной стороной проблемы, а если кто-то и скажет ему об этом, он моментально отыщет психозащитные аргументы.

Его не очень волнует социальная справедливость как таковая. При слове «политика» истероидка чаще всего состроит кислую мину, уйдет на кухню, включит развлекательные телепередачи или рекламу роскоши. Впрочем, истероид может и «похипповать», **не расставаясь, как уже говорилось, со своими правами на собственность,** чтобы всегда можно было к ней вернуться. Он уходит от богатых родителей, может пораздражать их, зная, что те его остановят, а если не остановят, то все равно не оставят.

■ *Хиппование — это кокетство, еще один способ привлечь к себе внимание, а стремление к роскоши — смысл жизни для истероида.*

Начав с любви к бедному паранойяльному революционеру, истероидочка легко переключается на любовь к богатому импозантному старцу, а то и к уродливому, но богатому мужчине средних лет и утешает себя и других тем, что «она его за муки полюбила». Но и от него при случае уйдет, добавив тех мук, за которые его «полюбит» очередная истероидная женщина.

Телефон

Истероид, как и паранойяльный, держит телефонный аппарат всегда рядом с собой, около постели, несет телефон в кухню, ему не терпится быстрее взять трубку — а вдруг кто-то интересное развлечение предложит, сплетенка какая «интересненькая» или еще что-нибудь... Но трубку истероидка берет не сразу, а выдерживает приличные три-четыре гудка, чтобы вдруг не подумали, что она ждет и дождетсся звонка — зачем признаваться в таком комплексе неполноценности — нет, три-четыре или даже пять, а потом эдак важно-валяжное: «Алло-у...» И дальше, как мы уже смаковали, часами, нога на ногу, перед зеркалом, покуривая сигарету, ведет бесконечный утомительный разговор. Помните, эпилептоид снимет трубку на пятый гудок, но не из-за стремления «не показаться», а просто потому, что телефон у него обычно стоит на своем месте и к нему надо подойти. Гипертим может вовсе не снять трубку, если он развлекается — «гулять так гулять», пусть себе звонят.

■ *Вообще телефон и для истероида, и для паранойяльного — чуть ли не самая значимая вещь. Тут тоже создается впечатление, что не телефон при истероиде, а истероид при телефоне. А что уж говорить, если есть сотовый телефон или хотя бы пейджер.*

Эти средства не только улучшают возможности связи, но и являются признаком респектабельности, богатства, поэтому мы часто видим истероидов, которые демонстрируют на улице, как они «работают» по сотовому телефону: смотрите, дескать, какой я деловой, какой я важный и какой богатый.

Религия

Истероид и религия — о, это поэма, роман в стихах. Как я буду смотреться в гробу? Меня не будет, как меня все будут хоронить и оплакивать в церкви? А пойдет мне монашеское одеяние? И все это рассматривается с эстетических позиций. Взгляните, как истероидка крестится, как целует иконы...

■ *Я как-то прогуливался в Париже по улице Сен-Дени, где проститутки штабелями стоят у каждого подъезда, вертя ключи на пальце, причем все они в основном в белых или по крайней мере в светлых одеждах. Увлекательное зрелище.*

И вот одна из них открывает сумочку, бросает туда ключи и, склонив голову, решительным шагом направляется к готическому храму Сен-Дени (потому и улица так зовется). А я в это время как раз и направлялся в храм, когда мы поравнялись, я пропустил ее вперед, она взглянула на меня искоса, слезы закапали на белое платье «мини»; кажется, во взгляде промелькнуло что-то вроде благодарности: я отнесся к ней как к даме. Но дальше я просто оторопел, так поразило меня увиденное. Храм был почти пуст: три человека причащались у священника. А моя героиня плашмя упала на пол и медленно поползла к священнику, извиваясь и завывая — словно призывая смотреть на нее... Мне вспомнились тогда кадры из гуманистического итальянского фильма «Ночи Кабирии», когда героиня Феллини приходит с подругой в церковь. Но «моя» героиня была явно живописней.

Подобно тому как и в политике, в религии истероид может уйти за чудотворцем-пророком и вписаться в его. паству-свиту. Истероидка может стать монахиней. **Истероиды — наилучшая почва для магических религиозных чудесных исцелений**, потому что и болезнь их — это тоже демонстрация страданий, а исцеление — прилюдная демонстрация чудотворства пророка. И происходит это не как в «Празднике святого Иоргена», где Игорь Ильинский притворился калекой и когда Кторов его «излечил», то он и пошел в пляс. Нет, в реальной жизни у истероида — **самовнушение болезни и самовнушение исцеления** — все развивается на бессознательном уровне. И особенно ярко это проявляется в случаях «бесноватости» — то бес вселился, а то его взяли да выгнали. Это кликушеством называется. Это тоже частая роль истероидов в религиозных шоу.

Истероидки, как говорилось, нередко и в монастырях встречаются, чаще в качестве послушниц, потом, может быть, и в роли игуменьи (вспомним милый фильм «Небесные ласточки»). Там они,

«одержимые бесом», не только чудесно исцеляются, но и убегают с любовниками, а потом, несчастные и кающиеся, возвращаются, чтобы затем снова сбежать...

Часто, очень часто истероиды увлекаются не религией, а эзотерикой, околорелигиозным течением. Истероиду очень хочется быть ближе к таинственному миру, быть «посвященным», каким-то особым, не таким, как все. Особенно модны у сегодняшних европейцев восточные веяния.

■ *Просто христианство — это для истероидки уже мало. Нет, она должна стать колдуньей, целительницей, гадать на картах Таро, быть экстрасенсом или клиенткой экстрасенса, летать с пришельцами в космос, знаться с полтергейстом...*

Истероидка часто ориентируется на гадания, на гороскопы, при этом верит в то, что ей подсказывают ее иррациональные потребности: она должна выйти замуж за директора, ей на роду написано быть актрисой...

Грех

Грех и истероидность — понятия нерасторжимые. Они словно созданы друг для друга. Это дуга лука и его тетива. Если паранойяльный грешит и не кается, эпилептоид, как правило, не грешит и потому не кается, то **истероид грешит, чтобы каяться.** В прилюдном грехе и прилюдном покаянии он получает особое удовольствие. Совершать что-нибудь незапретное ему неинтересно, ему нужен скандал вокруг его греха. А потом — всеобщее сочувствие и прощение после публичного покаяния. В общем, кающаяся Магдалина, такой сияющий образ истероидки на все времена. И если гипертим тоже грешит и кается, то у него **грех — естественное состояние тела**, не более чем физиологический процесс, а у истероида **грех — это естественное состояние души.** Покаяние у гипертима выражено просто, дескать, прости меня грешного, — перекрестился и опрокинул чарку. Покаяние у истероида — это почти шекспировская трагедия. Это «всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет».

■ *Это налагание эпитимьи, самоуничтожение, чуть ли не самоуничтожение, со слезами, расцарапанным лицом, раскачиванием в согбенной позе, катанием по грязному полу или по роскошному, хорошо пропылесосенному ковру.*

А потом — просветление, душа очистилась в покаянии, так что можно снова сладко грешить, Бог простит.

Греховность у истероида связана с мазохистскими склонностями. Возьмем даже само устрашающее понятие ад. Ад — это то, что ждет грешника на том свете за его грехи. И смотрите, если то или иное действие, даже и очень «недостойное», не грозит мучениями в аду, если оно **незапретно**, то оно как бы и не так интересно. А вот если за грех будешь мучиться на том свете — это уже **что-то**, это уже **некий смысл этой жизни.**

Но ведь и на этом свете можно устроить себе ад: заявите, что вы **голубой**, и будете обеспечены скандалами на всю оставшуюся жизнь: осмеяние, оплевывание, освистывание, избиения. Но они же хотят, очень хотят, чтобы их избили физически и морально, а потом пожалели, приголубили, додали бы родительскую любовь, которой им так не хватало в детстве. Несчастность, которая испытывается при такой мазохистской провокации агрессии на себя, должна спровоцировать жалость.

Такое психоаналитическое толкование имеет естественное продолжение. Паранойяльные пророки-садисты **придумывают ад**, испытывая наслаждение от самого только описания будущих мучений грешников. А эпилептоидные «инквизиторы» испытывают райское блаженство от того, что здесь **и теперь** они этого грешника **фейсом об сейф** (так большее и впечатлительнее, чем об тэйбл — сравните-ка: дерево или железо?). Ну а уж если это настоящая, католическая, инквизиция, то можно и на костер. Часть истероидов уподобляется в этом отношении и паранойяльным, и эпилептоидам, с той, может быть, разницей, что садистские и мазохистские тенденции у истероидов в основном взаимозаменяемы.

В науке

Приблизительно такие же процессы, как в сфере религии, происходят и в сфере науки. Он склонен безоговорочно принимать (эпилептоиды — критично) позицию новоявленного паранойяльного ученого,

его доктрину, он участвует в его скандальных научных шоу, которые поражают воображение отрицанием прежних истин и открывшимися перспективами покорения природы, развития промышленности, облегчения труда, оздоровления людей. И, как обычно, позднее к ним присоединятся и эпилептоиды, которые составят действительно научную гвардию, а наш истероид уйдет, скорее всего поссорившись, к другому паранойяльному ученому или лжеученому и будет светить его отраженным светом и создавать нимб вокруг него.

Истероидов в науке не так много, все больше шизоиды, паранойяльные и эпилептоиды. Но истероидке может быть приятно блистать на научной трибуне, быть причисленной к лику ученых.

■ *И вот тот или иной статусный профессор, увлекшись хорошенькой студенткой, принимает ее в аспирантуру, пишет за нее диссертацию, ну не полностью вместо нее пишет, но возится, правит тексты, печатает статьи в соавторстве с ней.*

И смотришь — она помыкалась-помыкалась и защитилась, в двадцать пять лет уже кандидат наук. Для разбавления скучной научной общественности вроде бы даже и не так уж плохо. Но если бы, не дай Бог, истероидов в науке оказалось много и все они старались только блистать, то это уже была бы не наука, а сплошной театр.

Профессии

Истероид по своей сути — не политик. Но, выражаясь словами Есенина, в политической жизни он — «самый яростный попутчик». Неважно, по какому пути движутся его лидеры, главное, что они ему симпатичны. Он больше ориентируется не на согласия или разногласия, а на симпатии или антипатии. И в то же время **без истероидов немыслима ни одна революция и ни одна война** — ни гражданская, ни отечественная, ни захватническая.

А какие сферы деятельности ему еще подходят? Что ж, исходя из основной черты — тотальной демонстративности, легко видеть, что

■ *это прежде всего артисты — эстрады и театра, кино, телевидения, радио, это ведущие различных ток-шоу, это эстрадные музыканты, а нередко и исполнители классической музыки, ну а дальше — это некоторые учителя, лекторы, дикторы, представительные и представительствующие секретарши, продавцы, рекламные агенты и т. д.*

А если отбросить предвзятость, то проституция — тоже в основном истероидная профессия. Чего стоят одни рекламные проспекты преуспевающих проститутток, в каких только позах и какие только интимные места они не выставляют на всеобщее обозрение, не говоря уже о порнофильмах. И для всех этих видов деятельности надо хотеть и уметь быть в центре внимания, не бояться этого. Но могут быть и другие романтические занятия, например (как и у паранойяльных), переплыть океан на парусничке, чтобы получать аплодисменты и раздавать автографы.

Артисты — они почти что всегда истероиды. И, как **истерои-ды**, они любят себя в искусстве, а не искусство в себе. Станиславский, получается, именно о них придумал эту глубокую фразу. Далеко не все, кто связан с театром, — истероиды. Режиссер, например, — не истероид. Но кто такой режиссер? Это человек, которого нет на сцене. Он выходит туда только раскланиваться. Это актеры-истероиды — на сцене. А он — за кулисами. Он, как «серый кардинал», — всем управляет, но его не видно. Его и не надо видеть. Он паранойяльный. Как другие паранойяльные ставят политические спектакли (и в них задействованы свои «актеры»), так и режиссер театра или кино воплощает свои художественные идеи, которые непосредственно зрителю несет актер-истероид.

Однако и ученый нуждается в том, чтобы как можно лучше представить свои работы, нуждается в продвижении своих результатов к людям, а для этого надо уметь сделать с блеском краткий содержательный доклад или держать аудиторию в состоянии напряженного внимания в течение всей вынужденно длинной лекции. Но если артист обходится своими истероид-ными качествами (художественностью, эмпатичностью), то ученый не может обойтись только этим. Чтобы добиться в науке чего-то дельного, он должен обладать качествами шизоида или эпилептоида. Так же как и в искусстве, истероиды любят себя в науке, а не науку в себе, не то что шизоиды, эпилептоиды или паранойяльные. Но слава богу, ученых среди истероидов мало, так что это все-таки будет наука, а не, как мы опасались, сплошной театр.

В овладении профессиональными навыками истероиды проявляют некоторое усердие, склонны учиться интерортехнике, языкам.

Арион

«Нас было много на челне; иные парус натягали, / Другие дружно упирали / В глубь мощны веслы... Ая — беспечной веры полн, / Пловцам я пел» — так Пушкин фактически изобразил роль талантливого истероида в обществе. Мы знаем и другое стихотворение — басню известного моралиста Крылова про попрыгунью-стрекозу, которая «лето красное пропела». «Ты все пела? это дело: так пойдя же попляши», — это муравей — стрекозе. Но Арион все-таки вроде серьезным тоже делом был занят. Так что истероиды нужны. Как бы мы обошлись без гениального истероида Смоктуновского? И без Кости Райкина (я специально так слил ИмяФамилию, потому что этот УмноКрасивый человек для нас навсегда останется как бы СыномОтца, неким вечным Инфантом, в то же время превзошедшим по значимост — так и положено Богом — своего непревзойденного папу Аркадия Райкина)?

■ *Кстати, у чтимого всеми психологами Л. С. Выготского есть наблюдение: дети жалеют стрекозу и осуждают угрюмого жадного муравья.*

И на самом деле, быть актером — это работа, и это нужно людям. Так что не следует плохо относиться к истероидам. Даже самого Пушкина один из его друзей называл попрыгунчиком. И если красивая жена-истероидка капризничает, так на том и романистика вся держится, с ее драмами-трагедиями человечества. И сам великий Пушкин из-за вертихвостки, в общем-то, но жарко любимой, Гончаровой стрелялся с пус-тосердным Дантесом. А не войди в его жизнь эта истероидка, которой нравилось, видите ли, танцевать с Жоржем (ведь жизнь проходит), то не было бы позднего Пушкина и его дуэли, вошедшей в историю России как одно из самых его великих произведений.

Если у паранойяльного **миссия мессии**, то у истероида **миссия певца**, Ариона; правда, миссию «я гимны прежние пою» выдерживают далеко не все певцы. Да, истероид — все же не паранойяльный.

Философия

В принципе она истероида не интересуется. Не шизоид же он и опять-таки не паранойяльный. Но философия иногда лежит в основе романтики и даже романов: вот хотя бы гетевский Фауст или уайльдовский Дориан Грей... А бывали и модные философы в салонах; и даже в российских салонах начала XIX века их называли по-славянофильски «любомудрами».

■ *И красивый мальчик, умерший так рано и бывший таким элегантным и талантливым, с красивой фамилией Веневитинов, был «любомудром», то есть философом.*

Из философии вытекают разные религии, а из религий — связь с потусторонними силами, спиритизм и прочая магия и чертовщина. В философии берут начало разные революции (еще раз напомним тезис Маркса о том, что философы изучают мир, а надо его переделывать). Но есть еще и философская беллетристика, художественно-философская литература, разные стоицизмы, экзистенциализмы. Эстетика — тоже философская наука, а от нее недалеко до эстетства, искусства для искусства в башне из слоновой кости. И даже само звучание слова «философия» завораживает. А имена философов? Сенека! Гегель... Некоторые философы и вели себя романтично независимо.

■ *Спиноза, например, ни к каким королям не шел в услужение, а зарабатывал себе на жизнь шлифованием стекол. Руссо переписывал ноты и сочинял оперы. А Диоген вообще жил в бочке, не имел никакой собственности и сочинил знаменитую фразу «все свое ношу с собой», и даже Александру Македонскому, когда тот спросил, чего бы он, Диоген, хотел получить от него, царя, посмел сказать: «Отойди, не заслоняй мне солнце».*

Вот что такое философия. Это возможность присоединения к философствующим революционерам, пророкам и ученым. Поэтому все, что связано с философией, притягивает истероида, и он (и тем более она) не избегает соблазна сказать себе и другим, что она (он) — философ или, по крайней мере, учится на философском факультете (который, конечно, курсе на втором-третьем бросит). На худой конец истероид идет в модную среди интеллигентов библиотеку, выписывает себе подборку Хайдеггера и Кьеркегора и

держит стопку книг на рабочем месте, а сам в это время идет в курилку или звонит друзьям, чтобы они принесли Камю и Сартра.

Но это просто суэта вокруг философии, а не сама философия, сложная, непонятная, трудоемкая и для большинства «никчемная тень», по-настоящему овладевающая умами шизоидов.

Хобби

Хобби истероида нетрудно вычислить, исходя из логики психотипа. Это все, что связано с демонстративностью, например **коллекционирование разных модных, дорогостоящих красивых вещей: тряпок, трубок, модных книг**. В прошлом, когда мало печатали разных неконформистских и критически настроенных авторов, было хорошим тоном иметь на полке Пастернака, Цветаеву, Ахматову и Булгакова, а не иметь коллекцию таких книг для истероида было почти стыдно. Хобби у него может быть и посещение театров, вернисажей, презентаций.

Обучение

Учится истероид неровно, «рывками и урывками», с переменным успехом. Оценки: смесь из троек, четверок, пятерок и... двоек. Похоже на паранойяльного. Но по той целеустремленности в учении по определенным направлениям, какая свойственна паранойяльному, истероид до него не дотягивает. Нет у истероида индивидуальных учебных планов, не бывает двух факультетов или двух вузов одновременно. Рывок истероида в учении может быть вызван тем, что все (и кумир в том числе) делают рывок. И если у паранойяльного провалы в учебе происходят потому, что он углубленно работает в другом направлении, то у истероида они объясняются тем, что он ленив, любит поспать, а если он считает себя еще и поэтом, причина «неуда» на экзамене — затянувшаяся поэтическая вечеринка с попойкой.

■ *На занятия истероидка ходит, чтобы пообщаться, показать наряды, завести знакомства, посигаретничать, посплетничать, посеCRETничать, перемыть кости подругам, поинтриговать...*

Часто по дороге в университетские аудитории истероидка заходит в университетских коридорах, в ближайшем скверике, поэтому опаздывает на занятия, вызывая негодование со стороны эпилептоидных и паранойяльных преподавателей. Уходит с занятий раньше, чтобы встретиться с друзьями с другого курса. То есть **учеба — это тоже шоу, светский раут, блиц-интервью...** Истероидка, например, и в институт поступает, чтобы иметь зрителей, быть в престижной компании, достойной ее, хочет блистать, конкурировать и выиграть конкурс в этой закрытой для нее группе. Если она идет по улице — это все-навсего открытая группа, ну удивит кого-нибудь — это хорошо, но далеко не так важно, как снискать аплодисменты в замкнутой престижной для нее системе.

Работа

Истероид ходит на работу, как и на учебу, прежде всего, чтобы пообщаться, показать обновки, покрасоваться своей речистостью, а то, может быть, и реальными достижениями, но в общем, все-таки именно **чтобы побыть в центре внимания**. Он постоянно опаздывает на деловые мероприятия, на проводимые занятия, лекции, особенно если положение уже завоевано. Если же истероид работает руководителем, то он, как и паранойяльный, распекает подчиненных за непонимание и нерадивость.

Может случиться, что истероид даже склонен потрудиться, но потом все бросает к черту и едет в какой-нибудь престижный дом творчества. Как и паранойяльный, он может что-нибудь писать в не очень удобных условиях, например сидя или даже стоя в вагоне метро или электрички, присев на ступеньках в коридоре. Но паранойяльному в общем-то наплевать на впечатление окружающих, а истероиду прежде всего важно, чтобы на него обратили в этот момент внимание. Он кокетничает своей «деловитостью».

Если у истероида есть офис, то он обустроен по последнему дизайнерскому слову, чужими, а часто (пока нет денег) и своими руками.

Карьера, власть

Истероид строит планы на жизнь, но не слишком далекие: на год, не больше. Он **кокетничает с жизнью**. Он завяжет драку, а там видно будет, что получится, он не продумывает ситуацию на много ходов вперед, как это сделал бы эпилептоид. Но, в отличие от паранойяльного, который тоже любит влезть в драку, истероид зачастую достаточно быстро выходит из игры, остывает—и включается в другую игру. Паранойяльный, ввязавшись в драку, доводит дело до конца, часто абсурдного, но до конца. **Паранойяльный кокетничает со смертью.**

Карьера истероида, как и у паранойяльного, **зигзагообразна**, но эти зигзаги имеют меньшую амплитуду. Истероид плетет сеть интриг, но не убийственных, как паранойяльный. Его заговоры не носят глобального характера — все больше по мелочам: должность повыше получить, коварную статью про кого-то тиснуть в печати.

Истероид кокетничает своей оригинальностью, но оригинален он по отношению к «провинциальному», к «старорежимному». Эта его оригинальность заимствована у паранойяльного, он рыба-прилипала около акулы. Он может быть подпевалой и у кита. Он любит бывать в коридорах власти, но и там он скорее **подпевала оппозиционной группы** (не хочется быть неоригинальным). Если паранойяльный действительно независим, то истероид лишь хвастается своей принадлежностью к независимым, а сам все-таки зависим, потому что разработать свою оригинальную оппозиционную концепцию ему не под силу: не хватает эрудиции, усидчивости, широты мышления.

Он быстро поступается своими, старыми связями, налаживая новые, сдает бывших союзников. Истероид часто примыкает к инакомыслящим (паранойяльным) и красуется этим своим инакомыслием, но он не столь упорен. Если меняется конъюнктура, он моментально меняет круг инакомыслящих. Истероид хитрит и интригует вместе со своим вождем.

Типичное поведение истероида — прийти в чужой монастырь и смириться с его уставом. Разработать свою жилу он не в состоянии.

Истероидка любит тайно властвовать. Это мадам Помпадур, миледи из «Трех мушкетеров». Интриги, уговоры, заговоры... Ей приятно, когда сильные мира сего (паранойяльные и эпилепто-иды) выполняют ее капризы, даже если они устрашающи. Тем более если устрашающи: Саломея потребовала от Ирода голову

Иоанна Крестителя, и он не посмел ей отказать, хотя это грозило волнениями народа.

Истероид редко достигает серьезной политической или чиновничьей власти. Но, оказавшись у власти, он даже больше, чем паранойяльный, увлекается ее атрибутикой (входить с докладом и т. п.).

Брак, семья

Для истероида семья в большинстве случаев достаточно **значима**, как и для эпилептоида. А для истероидки тем более. Она ведь мнит себя не только артисткой, но и женой-матерью. Ее семейный дом — это своего рода авансцена, подиум, образ жизни. И поэтому истероидка стремится замуж и создать свой дом. Лишь бы с кем — это не по ней. Просто полюбить и выйти замуж — этого мало. Она намечает цель — вот этот должен быть моим — и в три прыжка перекрывает пропасть, отделявшую его от нее. А затем изоцряется в том, чтобы женить на себе выбранного ею мужчину.

■ *Идет в ход и демонстративный флирт с соперником, и «нечаянная» беременность, и «нечаянное» опоздание с абортom. Или столь возвышенная любовь, что с любимым — хоть на край света.*

А там оказывается, что она имела в виду окраину Парижа.

Впрочем, истероид может принадлежать и к богеме, особенно в молодом возрасте, и в этом напоминает паранойяльного. Но даже если он хочет семьи, для нее он плохая опора. Не только истероид, но и истероидка в сущности разрушают семью. Она разрушает ее непомерными требованиями к мужу, который выбивается из сил, много работает, нарушает законы, входит в конфликты — и все это ради ее нарядов, ради милого ее сердцу «евроремонта»; у нее модное — враг модного, выбрасывается не изношенное, а «морально устаревшее».

Истероид ненадежен и безответствен. Чужие люди ему, как и паранойльному, могут быть интереснее, чем жена и дети. Истероид, как и паранойяльный, женится обычно на той, которая разделяет и поддерживает его образ жизни и которая может действительно помогать, играя роль, как уже говорилось, импресарио, экономки, машинистки, редактора. А эти роли может играть, как мы уже знаем, больше эпилептоидка и истероидка, ну, может быть, гипертимка. И все же, как бы она ни исполняла отведенную ей роль, истероид скандален, как и паранойяльный, и нередко семья рушится. Разведясь, он бросается в новые отношения («Опять влюбленный выйду в игры, огнем озаряя бровей загиб»). Новая жена начинает играть эти роли поначалу, с его точки зрения, лучше, и он, как и паранойяльный, совершенно забывает прежнюю жену и детей, мало общается с ними.

Истероид-мужчина, как паранойяльный и эпилептоид, в принципе предпочитает красивых пластичных истероидок. Он любит красоту, любит владеть красотой и любоваться красивой женой, он гордится ею, хвастает перед обществом. Истероидка же больше любит паранойяльных и эпилептоидов. Как уже говорилось, среди женщин истероидок больше, чем других психотипов, поэтому сочетание «паранойяльный плюс истероидка» — явление нередкое. И вот опять муж загружен работой, он переутомлен, к тому же ухаживать за женой некогда, а ей нужны духи, восхищение, выходы в свет и приемы гостей, а ему все это неинтересно и некогда. Ладно, если отпустит жену в воскресенье с детьми, но сам работает. И это все истероидку очень нервирует. Впрочем, все это почти слово в слово говорилось в главе о паранойяльном психотипе.

Измены

Истероидка нередко изменяет мужу. В погоне за впечатлениями, из жажды приключений, может быть, даже и ради дела, а также из мести за недостаточное внимание: «Ты меня не любишь, а смотри, как я нравлюсь другим».

■ *По ее логике, если муж не дарит цветов, значит, мало любит.*

А любовник дарит. Она не понимает, что любовник дарит, чтобы ее завоевать (а муж уже завоевал), что это только манипуляция с его стороны или вынужденное ее манипуляцией действие. При этом, поскольку муж чаще эпилептоид или паранойяльный (истероидки «западают» как бы на настоящих мужчин, со стержнем), то он именно из-за своей занятости и перестает дарить цветы, да и считает, что, раз он обеспечивает семью, этого достаточно, а цветы — это блажь, фантазии. Ну а любовницам или невестам дарят и они — куда же деваться. Истероидные и гипертимные мужчины тоже дарят, может быть, и женам, только вот заработать им на это удается не всегда.

■ *Истероидная женщина прощает себе свои измены, полагая, что имеет моральные основания быть более счастливой, из эгоцентризма — «живем один раз», почему не урвать от жизни то, что плывет в руки.*

Если истероидка и не изменяет, то флиртует и не скрывает этого, а, наоборот, делает это напоказ: ей надо, чтобы все видели, что за ней ухаживают, что ее добиваются. Вспомним эпилептоидку, она даже если изменяет, то скрывает это. Гипертим изменяет беспорядочно, а истероид — только с тем, кто им восхищается, паранойяльный — с кем надо для дела.

Мужчины-истероиды, естественно, тоже изменяют. Также ради впечатлений: им надо **производить впечатление и получать впечатления.**

Измену супружескую и истероид, и истероидка переживают с истериками, рыданиями, упреками, криками, прощениями и возвращением, прощениями, клятвами в верности и повторными изменами. Впрочем, истероид, как и паранойяльный, ревнует не смертельно, может простить при искреннем раскаянии — но чтобы это раскаяние было при людях, громким, клятвенным и жертвенным.

Дети

Истероиды занимаются детьми много, но поверхностно: учат хорошим манерам, украшают бантиками, наряжают.

Обычно почти каждый родитель с помощью ребенка и, увы, часто за счет ребенка старается решить свои проблемы. Но истероид в этом вопросе — лидер. Для истероидки ребенок чаще всего желанен, но не потому, что она осознает, что дает жизнь и образование новому существу, осуществляя продолжение рода человеческого, а потому, что материнство в нашем обществе престижно, и смотрите на меня, я мать, а не так просто.

В связи с этим и ребенок рассматривается как средство самоутверждения. Он должен у нее кататься в лучшей коляске, не из Турции или из Польши, а из Германии или из Франции. Должен учиться фигурному катанию, в музыкальной школе, в частной гимназии... В главке об эгоцентризме я уже говорил, что детей своих истероид сажает в **золотую клетку**, и все видят, что она **золотая**, и только ребенок видит, что это клетка. Истероиды должны помнить это как афоризм всю свою родительскую жизнь.

■ *А зачем это — музыкальная школа, спорт и прочее? Затем, что, если сам истероид не достиг успеха в артистической или спортивной карьере, пусть сын или дочь за него постараются. При этом паранойяльному или эпилептоиду важнее то, что он сделал сам, а истероид удовлетворяется тем, что хотя бы будет родителем интересного ребенка, на котором концентрируется внимание.*

Это гиперкомпенсация своих неудач. Средство — дети. И он почти садистически заставляет ребенка играть гаммы, чтобы потом хвастаться его достижениями. Нередко именно истероидная мать, у которой не получается властвовать на работе, постепенно утратившая с возрастом и супружеским стажем власть и над мужем, все больше сосредоточивается на детях, допекая их и до поры до времени удовлетворяясь этой властью. В результате формируется тоже истероид, этаким «наследник Тутти», которого все заласкивают, вокруг которого все суется, бегает, а он капризничает, дрыгает ножкой. А потом и сам этот наследник начинает воспитывать по своему образу и подобию своего ребенка, чтобы он восполнил его неудачи.

Так возникают **истероидные династии**. Истероид формирует истероида. Он хочет похвастаться перед публикой своим ребенком и ставит его на стульчик, заставляет читать стишок. Малыш читает, ему аплодируют, хвалят, ставят в пример, ему начинает нравиться быть в центре внимания, и он становится истероидом. Профессор-психиатр О. В. Кербиков говорил, что истерический характер формируется по типу кумира семьи.

Истероидный родитель может быть даже более заботливым, чем эпилептоидный, и больше регламентировать поведение своего ребенка.

Но вот и противоположная картина.

■ *Родители все-таки сами стремятся к успеху, скажем, на сцене. В результате ребенок поручен соседям, отдан бабушке, отвезен в деревню, заброшен в интернете. В любом случае он лишен достаточного внимания и надзора, поэтому есть риск вовлечения в опасные компании.*

Иногда истероидная мать начинает ненавидеть ребенка как причину своих неудач. Если это ребенок от неудачного мужа, «вина» мужа переносится на ребенка. Кроме того, он мешает ей организовать новую супружескую жизнь. И даже хорошие мамы, как в фильме «Зимняя вишня», вдруг ни с того ни с сего наказывают своего ребенка, а потом плачут.

Истероиды нередко требуют для своего отпрыска в школе исключительных условий, исключительного внимания. Это можно использовать в интересах дела: вы хотите для ребенка особых условий — давайте вместе создавать эти особые условия, — и истероидка начинает включаться в деятельность в школе.

Дом

Если для паранойяльного его дом — мастерская, для эпилептоида «мой дом — моя крепость», то для истероидки и истероида дом — это авансцена, на которой они актеры на главных ролях, на которой они любят себя. Они устраивают приемы.

■ *Однажды один паранойяльный муж, не посоветовавшись с женой-истероидкой, неосторожно сказал приятелю, приходи, мол, поговорим, пообедаем... Что тут было! «А, ты на обед его позвал, ну так вот и иди в магазин. И чтобы был и аперитив, и салат, первое-второе, и десерт, и сигареты!»*

А обстановка в комнатах — не просто для удобства. Нет, истероид должен все хвастливо продемонстрировать: и как кухня устроена, и какие дорогие книги на полках, и какое макраме отделяет

прихожую от коридора в кухню, и как везде уютно, какие подушечки, коврики, салфеточки... Их много, они с бахромой, они атласные или из панбархата (это у сензитивки «с неразвитым вкусом» из плюша).

Истероид может любить и богемный быт, но даже мужчины-истероиды в большей степени домашние, а не богемные, их тянет домой (хотя в гости, в «респектабельные дома» их тоже тянет), они предпочитают уют, теплоту очага. Затевают не по средствам евроремонты. Покупают оргтехнику, гарнитурную мебель: кухни, спальни, столовые, кабинеты. Это на них в первую очередь рассчитана реклама. Американский писатель Уайлдер в романе «Мартовские иды» съязвил, что каждая жена хочет, чтобы ее пещера была просторней и лучше, чем у соперницы. Он не знал, что писал так именно об истероидной жене. То есть квартира для нее — это еще и ристалище для состязаний с подругами-соперницами.

■ *Особое дело — ванная комната. Это зеркало ее души, как и глаза. Гость, зашедший в ванную, должен оценить ее великолепии. Ванную истероидка украшает богаче, чем все остальные помещения, да и проводит там значительную часть времени, не только чтобы привести себя в порядок, но и просто получить наслаждение, это царство тела, интимный уголок души.*

Если истероидка принимает гостей, то она может навести такой порядок, который произведет нужное впечатление. Но, как уже говорилось, выметет она хорошо только середину комнаты, а в углах будут паутина и пыль. Для сравнения: психастеноидка и эпилептоидка вылизуют все углы, даже если никто не ожидается. Телефон у истероидки со всяческими выкрутасами, а отвинтите крышку микрофона с трубки — на мембране налет грязи, такого никогда не будет у эпилептоидки и психастеноидки. Истероид, уходя в гости, может расфрантиться, а в комнате оставит беспорядок.

Истероидка хорошо готовит, она играет роль хорошей хозяйки. Но может сказать, что ей, мол, «не до хозяйства». Конечно, нарезать осетрину и разложить икру — это сама, ну а все остальное недостойно ее, остальное сделает прислуга.

У истероида почти нет архивов, истероидка часто устраивает чистки, рвет все хотя бы слегка устаревшее. Иногда при этом выбрасываются и нужные вещи и бумаги, а потом возникают сожаления или конфликты, так как истероидка может выбросить и нужные бумаги мужа или сотрудников. Одна истероидка уничтожила черновики защищенной (к чему хранить, если защищена уже) диссертации мужа. Ну и скандал он ей устроил!

Переезды истероидов на новое место жительства объясняются артистичностью их натуры, карьерой, романтическими мечтами. В новой квартире начинается новый евроремонт.

Деньги

Истероид и деньги — это тонкая материя. Конечно же, он «выше» денег, деньги — грязь, что о них говорить, но в то же время и без них — никуда, приходится мириться с ними.

Деньги у истероида не держатся. Он их проматывает, проедает, пропивает. Часто истероид покупает массу ненужных вещей по принципу «сначала купить, а потом подумать». Он может, как гипертим, семь раз отрезать, ни одного раза не отмерив. В противовес паранойяльному, который раз отмерит и раз отрежет, и эпилептоиду, который семь раз отмерит и только один раз отрежет. И уж совсем не похож на психастеноида, который семь раз отмерит и ни разу не отрежет.

Истероид вечно в долгах, он живет в кредит. **Жизнь взаймы — это про него.** Все долги вовремя отдать он не может, они накапливаются. Когда его прижмут, он перезанимает, но все равно долги растут. Он избегает общаться с кредиторами. Часто, когда звонит кредитор, его «нет дома». Потом он находит новые компании, там тоже делает долги, и процесс повторяется. Поэтому **денег у него практически никогда нет**, но он делает вид, что есть, только, мол, сейчас вот при себе нет, а так есть, надо лишь со счета снять или разменять доллары, которые сейчас в сейфе, но ключ на работе (или дома, а туда ехать далеко), — одолжи пару тысяч...

Истероид шикует, транжирит, часто за счет других. Он потратит немного, но это «все, что у меня с собой», а там, смотришь, другие расщедрятся и угостят его. Тратит случайно попавшие к нему чужие деньги, не старается их восполнить. Вытряхивает деньги из друзей. Счет деньгам истероид не ведет, не эпилептоид же он все-таки и не психастеноид, не дай бог, это они, скряги, счет своим деньгам ведут, а он

ни своих, ни чужих денег, которые потратил на себя, не считает. Тратит их, используя доверие простаков, и все.

В семье истероида из-за его мотовства постоянно назревают конфликты, так как часто не хватает на жизнь. Особенно если супруг — эпилептоид. В плане коррекции имеет смысл, помимо договоренностей об основных целях семьи, особо выделять деньги на бытовые нужды, остальное разделить в процентах или абсолютных суммах, которые жена и муж тратят по своему усмотрению, чтобы произошло как бы разделение на отсеки, в каждый из которых другой не вторгается.

Но представим себе, что истероида упрекнули в том, что он не отдал долг.

■ *«Я всегда отдаю вовремя; подумаешь, я просто забыл, вообще не буду иметь с тобой никаких дел, попрекаешь меня мелочью, я теперь же их верну!» — И он переодолжит и швырнет их вам в лицо.*

Как истероид питается?

Часто урывками, всухомятку, не за столом, а «за столбом». В еде обычно непритязателен, нередко пренебрегает горячей пищей. Но может и предпочесть ресторан. Там для него важна не пища сама по себе, хотя вкусно поесть он все же любит, а общий антураж. И дома время от времени истероиды могут быть хорошими кулинарами. Они гурманы. Особенно если это что-то необычное, пикантное. Если вино, то только «Мукузани».

■ *Одна истероидка отказалась пить даже «Мукузани», потребовав «Кьянти», другая отказалась встречать с любовником Новый год, потому что тот не достал ананасов (дело было во времена застоя).*

Но повседневное питание нерегулярное, на ходу, часто всухомятку, еда остывшая или холодные блюда. Любят острые приправы, жареное. Пища толком не пережевывается. В этом они похожи на паранойяльных, но с другой мотивацией: истероид «жить торопится и чувствовать спешит», а паранойяльный не живет, а работает для вечности.

Истероидка в более зрелом возрасте, уже склонная к полноте, пытается приобщиться к изнуряющим диетам, но быстро от них отказывается: ведь вот этот кусочек — такой вкусный, ну — последний раз. И такие «сеансы» она практикует часто.

Отдых

Если паранойяльные вовсе не отдыхают, а эпилептоиды предпочитают отдыхать по средствам, но добротню, истероиды любят не столько отдыхать, сколько ОТДЫХАТЬ! И обычно это дорогостоящее удовольствие. Раньше это были поездки в Крым, в Сочи — неважно, что в Сочи — море мочи. Главное, что это было престижно, можно пофланировать, демонстрируя наряды, по набережной, постоять в модных купальниках на пляже, воздевая руки к небу, подставляя белоснежную спинку солнцу и получая ожоги, которые потом приходится залечивать дорогостоящими кремами. В наши дни это уже Канары, Кипр, на худой конец турецкая Анталия. Им теперь «нужен берег турецкий», в противовес тому, что пелось в патриотической советской песне. Для них важно, что отдых стоит денег. Если за неделю потрачено меньше тысячи долларов на человека, то какой же это отдых. И уикэнды надо отметить, и праздники, и съездить по Золотому кольцу, пожить в мотелях, и «пикники на обочине» с большим количеством оставленного после себя мусора, не перевариваемого природой. Горные лыжи, но в лягушатнике: ой, смотрите, как у меня ничего не получается... На отдыхе они забывают про работу, про свои обязанности по дому. Отдыхают с упоением, до упаду, с выпивками, «ананасами в шампанском»... Отдыхают без отдыха, без усталости.

Чистоплотность

Истероиды чистоплотны. Ванная комната, в квартире, говорили мы, самое любимое место. Разнообразные туалетные мыла, шампуни, пасты, мочалочки, губки, массажные щетки, гребни, расчески, фены, туалетная вода, кремы — всего этого целая коллекция. Истероидка моется в ванной три-четыре раза

на дно. Для истероида мужского пола много значит парная, в целом обстановка бани, где можно посибаритничать и приобщиться к сибариту-другу, который интересен во множестве отношений.

Физкультура, спорт

Истероидка занимается физкультурой для коррекции фигуры, но ей не хватает силы воли продолжить. Позанималась немного и мерит, сколько убавилось веса, на сколько сантиметров похудела. Бывает, что истероиды и спортом занимаются, это уже для завоевания первенства, для выступлений, для аплодисментов. Скорее это художественная гимнастика, чем легкая атлетика. Фигурное катание. Но обычно тоже не хватает упорства, и занятия спортом истероидка бросает ради того, чтобы ходить в театры, нежиться в ванне.

Сон

Истероиды поспать любят. И любят свою постель — чтобы белье было в цветочках, чтобы рядом были книги, которые можно почитать на сон грядущий и быстро заснуть. Просыпаться истероиду трудно, хотя усилием воли, если это очень надо, он демонстративно проснется рано, но если никто не видит, какой он соня, то скорее всего проспит. Истероидка может и демонстративно проспать: смотрите, мол, какая я соня. Часто они даже умудряются разговаривать с кем-то не вполне проснувшись, иногда не помнят, что при этом говорилось, поскольку все было сквозь сон. Неожиданно проснувшись, иногда не может долго заснуть. Или истероид спит неглубоким «прозрачным» сном с множеством сновидений. Сновидения часто кошмарные, отражающие впрямую или косвенно отношения с людьми. Иногда бывают сновидения райски приятные, порой с реализацией их сексуальных вожделений. Когда истероидка просыпается, о боже, как она красиво потягивается, как вытягивает каждый пальчик, как она изображает сонливость, как томно прикрывает веки, как изгибаются ее губки. Но иногда демонстративно может окатить холодным тоном: «Я предупреждала, что когда не высплюсь, то кусаюсь».

■ *А если трудно заснуть, что тоже, в отличие от паранойяльного и эпилептоида, чаще бывает с астероидами, то подчеркнуто демонстрируется, какое это мучение — бессонница, взбивается и переворачивается подушка, принимаются несколько раз снотворные таблетки...*

Истероид скорее сова, чем жаворонок. Ночная жизнь, общение в клубах сигаретного дыма в престижных клубах, приемы поздних гостей, когда все засиживаются чуть не до утра, — вот что такое истероид.

Страдание

«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», — истероид ищет страдания, потому что это привлекает к нему внимание. Он упивается своим страданием, не то что паранойяльный: тот всеми силами стремится избавиться от страдания и всех ставит на уши, чтобы ему помогли. **Чтобы избавили.** А истероиду нужно, **чтобы ему сострадали** и возились с ним. Всем нравится, когда с ними нянчатся, и не нравится, когда бросают в беде. Но истероид буквально купается в своих страданиях и хочет, чтобы все вокруг него суетились.

■ *Посмотрите, дескать, как я страдаю, меня надо пожалеть.*

Истероид стремится вызвать к себе не только сочувствие, но в большей степени жалость. Если не хватает естественных поводов для жалости, истероид что-то сделает недостаточно аккуратно и порежется, появится кровь, вокруг все будут бегать, а он окажется в центре внимания. Айша (Сугрובה) называет такие случаи «самострелами».

■ *А иногда в истерическом припадке дело доходит и до демонстративного членовредительства, порезов на локтевых сгибах, якобы для того чтобы вскрыть вены; добиваются они чаще лишь до мелких сосудов, но крови много.*

И вот: смотрите, до чего вы меня довели, смотрите, как мне плохо.

Гипотимы идут в монахи или в религиозные общины потому, что ищут тихого сочувствия, хотят, чтобы их приголубили. А истероиды жаждут громкого сочувствия: пожалейте меня, видите, как я страдаю.

Истероид вовлекает всех в свои страдания.

Суицид

У истероидов — это **крик о помощи**. Когда истероидка проглатывает десяток таблеток и раскладывает десяток записок с указанием, где ее искать, — это она сообщает всем, что она покинута, что все ее бросили. И в голове: «Смотрите, как красиво я умру, все вы только тогда поймете, кого потеряли». Она думает и о том, помните, как будет смотреться в гробу. Да, это не шизоид, который может прийти к суициду потому, что схема мира в его голове не сложилась. А у истероида попытка суицида означает: «Я вообще-то жить хочу, но **так** жить не могу».

■ *Лет десять назад «Литературная газета» заинтересовалась вопросом суицида, И я дал небольшое интервью на тему того света. Я сказал, что до Страшного суда сам человек вершит суд над собой. И он необратимый, этот суд. Он тоже страшный, именно потому, что необратимый (ведь можно не рассчитать — проглотить на таблетку больше, и тогда конец). А кто судья? Мое разбушевавшееся самолюбие. Но ведь даже смертную казнь отменяют, чтобы в случае судебной ошибки не было необратимости. А тут сам человек может допустить «судебную» ошибку по отношению к себе. Здесь ведь он в одном лице и подсудимый, и жертва, и адвокат, и прокурор, и палач, и судья...*

Это я обращаюсь к человеку, решающему свести счеты с собой. Но те, кто окружает его, тоже могут воспользоваться этим рассуждением, чтобы его отговорить. Ведь такое состояние пройдет, и все начнет видеться, как чаще всего бывает, совсем в ином свете. И человек не имеет здесь права на ошибку, как не имеет права на ошибку судья.

Здоровье

Истероиды хуже сдерживают аффект, чем эпилептоиды (хотя и лучше паранойяльных), поэтому они не сразу, но выговариваются и меньше страдают. Но неврозы у них все же частое явление, по крайней мере, невращения (это у людей с истероидным рисунком личности). Существуют еще и собственно истерический невроз (у акцентуантов), а также истерические психозы (у психопатов).

Психическое состояние у истероида постоянно меняется. Настроение в норме колеблется от субдепрессии до гипомании — в основном адекватно ситуации. А трудные ситуации бывают часто, без них он не может, он вечно или долг не отдаст вовремя или сильно опоздает на деловое свидание. Если ситуации посерьезнее, то у истероидов бывают и невротические депрессии, ведущие к самоубийству. Суициды эти, как правило, демонстративные (напомним про таблетки и записки).

У истероида при сверхраздражителях, при тяжелых психических травмах могут легче, чем у других психотипов, включаться древние биологические механизмы мнимой смерти и двигательной бури.

■ *Вот истероидка застыла как соляной столб, невосприимчивая вроде к внешнему миру, и мерно раскачивается. Аналог мнимой смерти. Наподобие того, как божья коровка замирает, подбирая лапки, чтобы крупное животное приняло ее за камешек. А вот лишь двигательный паралич ног — астазия-абазия. Это «обломки мнимой смерти». А вот дамочка бьется в истерике, рвет на себе волосы, царапает лицо сопернице, вотхватила уксусной эссенции (так бабочка судорожно бьет крыльями, ломая их, а надо отлететь от стекла и вылететь в окно). Это двигательная буря. Есть «обломки» и двигательной бури, например, подергивания мышц лица.*

Великий психиатр Эрнст Кречмер трактовал эти явления как разбушевавшуюся гипобулику (нижнюю волю). Это все и есть проявления истерии — невротического и психопатического заострения истероидности.

У истероида любые болезни используются для демонстрации того, как ему плохо. И психиатры говорят об условной «выгодности» болезни.

Лечиться истероидка старается только у модных врачей — чем дороже, тем «лучше», муж больше любит.

Истероиды если пьют, то допьяна. Напившись, поют песни, состояние опьянения им нравится — ярче воспринимается мир, в радужном свете видятся перспективы. Пьют часто — для дела или для веселья, ради праздника или по грустному поводу. И в конце концов истероид и даже истероидка могут спиться. **Хронический алкоголизм** — это в том числе и **истероидная болезнь**. Спиваются и другие психотипы: шизоиды, сензитивы, неустойчивые. Но истероид бравировует даже своим хроническим алкоголизмом: вот, мол, я неудачник, алкоголик, никто меня не пожалеет.

Возраст и истероид

Истероидность **особенно выражена в подростковом и юношеском возрасте**. Подростки шумливы, крикливы, отращивают длинные волосы, которыми хотят обратить на себя внимание, дерутся, хотя и хотят, чтобы их разняли. Все это — крик о том, что, смотрите, я есть, я тоже достоин внимания. И крик этот тем громче, чем меньше подросток может снискать внимания и уважения своими достижениями, которые у него пока ничтожно малы, разве что в учебе, но ведь это только маленьким достаточно, чтобы их хвалили за пятерки. Взрослым, конечно, следует больше понимать подростковую психику с ее истероидностью. Но и истероидные подростки тоже должны понимать проблемы взрослых.

Поэтому в школах в миссию психолога должна входить своего рода «антиистерическая» программа.

Истероидность обостряется до акцентуации и даже психопатии и в пожилом возрасте. А здесь причины в стремлении показать: я все еще достоин внимания (а внимание окружающих переключается все больше на более молодых), я не утратил свою значимость (увы, на самом деле значимость меньше).

Статистика

Среди истероидов женщин раза в три больше, чем мужчин. И около половины женщин — истероидки. Среди мужчин истероидов 10—15%. Все это, конечно, очень приблизительно, пока никто точной статистики не имеет, да и вряд ли имеет смысл вычислять.

Плюсы и минусы

По нашему обыкновению, мы сначала заостряли внимание на минусах психотипа. Теперь поговорим о плюсах.

Истероиды пластичны, игривы. Это нравится людям, они любят красоту пластики. Так что эпилептоиду да и всем другим психотипам хорошо бы обрести истероидную пластичность. Пухленькая сензитивочка вроде бы легче в общении, но истероидка — более активная помощница, «вывеска» семьи, импресарио.

Без истероидов в мире все было бы только деловитое, остались бы только скучные «муравьи» (басня Крылова «Стрекоза и муравей»).

■ *Как уже упоминалось, Л. С. Выготский отметил, что дети осуждают муравья и сочувствуют стрекозе, до них «не доходит» крыловская мораль сей басни.*

И впрямь, без «стрекоз» мир потускнел бы. Эпилептоидный нравоучитель муравей без стрекозы — ничто. Зачем дома, где нет стрекозых песен? Да и сами дома сгниют, превратятся в развалины, а песни останутся как факт искусства. Да и все социальные движения — что они без песен? «Мир без песен — неинтересен». Еще раз о роли Ариона: «Пловцам я пел». Вспомним также: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье, **не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление**». Как там было бы декабристам без вот этого?..

Если у эпилептоида — добро по разнарядке, если у паранойяльного — глобальное добро для всего народа, то у истероида добро — в самом его существовании, на него приятно смотреть (если, конечно, его

не заносит). Ведь вы можете бесконечно долго любоваться кошкой, собакой, рыбками, так же и на красивую истероидку приятно смотреть — как она танцует, как пьет, как она ест и просто как она **есть...**

У истероидки ее полезность заключается в самой ее бесполезности.

Красота, по Канту, бесполезна. Но не согласимся с ним, она при ее утилитарной бесполезности — великая ценность. Ведь «красота спасет мир». И эта видоизмененная фраза Достоевского сама скорее глубока, чем красива. Связь нежесткая: тот же Гитлер, например, любил Вагнера. А великий композитор Шостакович в Верховном Совете поднятием руки как бы одобрял действия Политбюро. Но в целом «гений и злодейство две вещи несовместные». От «Пушкинских вальсов» Прокофьева хочется на износ работать для человечества... Истероидная красота тоже спасает... Да и такие положительные качества истероида, как артистизм и романтизм, стоят многого.

Если мы будем истероида подхваливать или откровенно и искренне восхищаться, его талант будет расцветать.

Как вести себя с истероидом

Людам, связанным с истероидами по работе или в семье, дадим совет **принять** их (или, как любят говорить психологи, осуществить **приятие**) как они есть, с их плюсами и минусами, и в противовес помнить, что минусы других психотипов (необузданная беспардонность гипертима, ханжество эпилептоида, глобальное пренебрежение людьми паранойяльного), может быть, даже хуже. **«Недостатки как продолжение достоинств» и даже «достоинства как продолжение недостатков»** — эти два тезиса могут стать и для людей, окружающих истероида, пси-хокорректирующим началом. Истероиду, как и людям других психотипов, не должно быть дискомфортно в связи с вашим поведением. Общаясь с ним, целесообразно соблюдать правила психотехники безопасности. Убирать или хотя бы смягчать конфликтогены, подавать синтоны (положительные послылы). Откажитесь от отрицательных оценок его личности и реликвий, от обвинений и категоричности, от поучений, назиданий, советов и, наоборот, поинтересуйтесь его личностью, его достижениями, сосредоточьте на нем столь необходимое ему внимание окружающих. И все же, если истероид явно пережимает, наступая другим на горло, нужно применить мягкую или жесткую конфронтацию и управляемый конфликт. Подробнее обо всем этом — в моих «Лабиринтах общения» («АСТ-ПРЕСС», 2002).

Стимулируя какие-то действия истероида, имеет смысл апеллировать к его благородству и к оценке его поведения людьми, например: «Это будет хорошо выглядеть».

Коррекция

Ну а теперь о том, чего надо опасаться в истероиде и что истероиду надо бы приструнить в себе, чтобы быть «хорошим». Какие-то истероидные черты надо оставить и развить, какие-то — подкорректировать, а с какими-то стоит и вовсе расстаться.

По ходу изложения психотипных черт истероида мы давали уже сопутствующие советы и для него, и для его окружения. Но не все еще проговорено. Понятно, что здесь будет не полный свод рекомендаций, а лишь выборочные комментарии к некоторым особенностям характера.

Многие должны уяснить и сами истероиды.

■ *Истероидке следует понять, например, что если ее муж будет переутомляться, то она раньше времени останется вдовой. А этого ли она добивалась? Или мужа посадят из-за ее стремления к роскоши — а этого ли она добивалась?*

Слащавость и льстивость провинциального толка-отталкивает. Истероидам без образования и воспитания часто изменяет вкус. Это делает их нелепыми, смешными, и они могут подвергаться насмешкам. Большинство истероидов — недостаточно хорошие актеры, они усваивают лишь салонную манеру общения: «душечка», «голубчик»...

■ *В психиатрической литературе говорится о «салонных» дебилах, которые благодаря именно истероидным чертам производят впечатление светских львов и львиц, но при более глубоком обследовании выявляют свою олигофренную суть.*

Не стоит им уподобляться. Здесь для создания у человека возможной самокоррекционной установки использовано его понятное нежелание быть в числе душевнобольных. Это имеет смысл зафиксировать и психологам-коррекционистам как методический прием для работы с людьми.

Мы уже как бы пропели панегирик истероидным плюсам. Поэтому эпилептоидный муж должен себе сказать: да, у меня жена истероидка, значит, надо, чтобы для нее были в разумных пределах цветы, конфеты (шоколадные, а не леденцы), а себе я куплю «беломор» вместо «марльборо», а лучше вообще брошу курить. А истероидка тоже должна как бы симметрично сказать себе: мой муж эпилептоид, он деловит, не умеет и не хочет ухаживать, что ж, потерплю, зато его уважают... Ей вообще следует почаще посылать самой себе импульсы-приказы: «Ищи в людях хорошее!»

Истероиду, конечно же, как и другим склонным к агрессии психотипам, надо освоить психотехнику общения. Истероид, как и эпилептоид, дает людям много конфликтогенов и мало синтонов. Нужно убирать свойственные ему конфликтогены, культивировать синтоны, правильно реагировать на конфликтные посылы.

Наиболее частый конфликтоген, свойственный истероиду, — перехватывать у человека причитающуюся не ему, истероиду, долю внимания. Ведь у каждого психотипа есть потребность во внимании, и если этому кто-либо препятствует, то он проявляет защитную агрессию. Истероид должен подавлять в себе это стремление, не отеснять, не затенять других.

■ *Однажды в турпоходе, после того как яркая, загромождающая собой все пространство истероидка с каскадом волос пропела все известные ей песни, другая девушка начала читать стихи. Что сделала наша «певица»? Вышла за пределы круга и стала подбрасывать и ловить громадный мяч, сопровождая это охами-ахами...*

Всем стало не по себе... Я встал, подошел к ней: «Илона, займись-ка мячом вон за тем пригорком, чтобы тебя не видели и не слышали, а мы хотим послушать не только тебя, но и стихи Самойлова».

Итак, истероид раздражает часто тем, что буквально лезет в глаза. Этим он неприятен и портит сам себе репутацию. Если бы девушка, читавшая стихи Самойлова, была не шизоидкой, а истероидкой, то она и сама могла бы в ответ на выходку Илоны выдать истерику: «Что за хамство! Я ведь слушала, когда ты пела». И тем не менее снова о плюсах истероидов.

■ *Та же Илона, когда ей захотелось это сделать, позвала к нам видного писателя, он нас прославил в своих статьях и книгах, она купалась перед нами в лучах его славы, а перед ним — в лучах нашей славы. И получилось, что Илона совершила добрый поступок, руководствуясь не очень, скажем, благородными мотивами, но в то же время и с хорошими результатами.*

Такая вот диалектика.

Истероид бывает еще и неприятно льстив.

Истероиды, воздерживайтесь от лести. В нем **раздражает и необязательность.**

Истероиды, старайтесь быть обязательными. Чтобы ничего не забывать, заведите соответствующую интероргтехнику, поучитесь у эпилептоидов.

В трудных ситуациях истероид бывает скользковат. **Главное для него — «вовремя смыться»,** откреститься, найти оправдание. Репутация при этом страдает. И если ты везде известен как ненадежный человек, то уже не будет мест, где тебе поверили бы.

Вранье истероида тоже ведь не улучшает ни с кем отношений. Эпилептоид сотрет его в порошок из-за его сплетен. Ну как же: всем на ушко, «только никому не говори», «это только между нами». А «святая к музыке любовь» истероида для эпилептоида — баловство, и только.

Нередко близких раздражает склонность истероида к богемности или, наоборот, тяготение к роскоши.

Истероид может испортить жизнь себе и другим.

■ *Вот истероидка уходит от бедного мужа без «Жигулей» к более богатому, с «Жигулями» (первому мужу она жизнь уже испортила), от более богатого — к еще более богатому, с «мерседесом» (и второму испортила), с третьим она уже будет, как стрела на излете, но манипуляторские привычки останутся, и тот сначала женится на ней, а потом может и выкинуть ее из своего «вертолета».*

И тогда ей захочется, чтобы ее пожалели, и она устроит суицидальный театр абсурда, вокруг нее начнут бегать суицидологи, психотерапевты, но этого ли она добивалась в начале своей жизни? Ведь это уже крах личности. И если перед нами истероидка в рамках рисунка личности, а не психопатка, то следует нарисовать перед ней этот возможный крах — и она, вероятно, поостережется, как поостережется подросток пробовать наркотик, если показать ему последствия наркомании. Я не пробовал и не попробую наркотики, потому что я как психиатр знаю конечные состояния у наркоманов. Аналогично этому истероидка должна постараться не развивать в себе манипуляторские тенденции, если хотя бы прочитает эту книгу, а захочет больше знать — пусть читает литературу об истерических психозах и неврозах. Здесь мы в целях профилактики как бы вступаем в сговор со здоровой частью психики человека, как говорил Фрейд, и личность в конце концов не проиграет жизнь.

Истероид даже в психотерапевтических целях **часто выступает как манипулятор**. Вот он врет, что «вылечит космосом», или какое-то отрицательное событие представляет положительным и т. п. На короткое время это помогает, но тоже в конце концов человек начинает понимать что к чему, разочаровывается и озлобляется.

Истинная психотерапия не должна быть манипуляторской.

Истероиду следует опасаться затронуть самолюбие паранойяльных, потому что те пойдут на вас тоже тараном, и не избежать лобового удара, к тому же они мстительны.

Истероид должен быть осторожен и с эпилептоидами, которые не сразу отреагируют, но при случае отомстят (помните — ножку, может быть, и не подставят, но и руку не протянут). И с истероидами опять же надо быть начеку: те сначала войдут в штопор неуправляемого конфликта, а потом и ножку подставят.

Истероид должен быть деликатным с шизоидами и психасте-ноидами — уже из гуманности, так как у тех и у других быстро вырабатывается комплекс неполноценности. А шизоид, будучи эмоционально не слишком отзывчивым, но остроумным, съязвит так, что никакой «Проктер энд Гэмбл» не поможет. А уж с сензитивами и гипотимами надо проявить особую тактичность и не колоть язвительными штампованными остротами, ухмылкой, пренебрежительным жестом. Все это вызовет у них слезы, снижение самооценки и уровня притязаний.

Когда я в лекциях по психопатологии истерии и в этой книге говорю, что истерия граничит со слабоумием, это не только образ. Человек не видит, не понимает, не догадывается даже, что все истерические проявления только ухудшают его положение, что он жалок, но при этом люди его не жалеют, а смеются над ним, потому что он бывает действительно смешон. Если он хочет быть смешным, то может поставить крест на своей репутации и успехе в обществе.

Все это и многое другое делает истероида человеком трудным. **Истероиды, учтем это!** Там, где сконцентрировались минусы, надо бы их разбавить своими или заимствованными у других психотипов плюсами.

Если вы, благодаря чтению этой книги, осознали себя как истероида и поняли, что вам надо поработать над собой, прочтите еще и «Лабиринты общения», а если хотите тренинги, то тоже — пожалуйста.

Не хотите? Считаете себя совершенством! Ну так и с богом. Но приготовьте молоко за вредность при работе с вами, когда вы придете к психиатру-психотерапевту. Психотерапевтам даже нещедрое государство платит двадцатипятипроцентную надбавку. А если вы считаете, что сами справитесь, но все же не справитесь и придете с серьезными психическими травмами и с пустым кошельком, то будете тянуть соки из местного психотерапевта, будучи не в состоянии оплатить по достоинству его работу (ведь он будет лечить вас за государственную зарплату, а это, согласитесь, пока недостойная нормального врача плата за его труд).

Справедливо ли вы относитесь к жизни? Лучше книжку прочтите и приходите к нам. Стоит выявить в себе свои трудные для людей черты и полностью затормозить их. Ну хотя бы, как мы уже говорили в главе о паранойяльном, «подвинтить себя», самому закрутить в себе гайки. Для этого нужен тренинг.

Можно меня не послушаться. Я ведь только консультант, в переводе с латыни — советчик. А советчика можно и к черту послать.

Вот если бы только я не был «консультантом с копытом». Запомните день и час, когда вы прочитали эти советы, а через несколько лет пеняйте только на себя, и не надо меня посылать к моей (т. е. к чертовой) бабушке.

Впрочем, истероид в рамках рисунка личности и даже акцентуант чаще всего прислушивается к советам авторитетных консультантов. Он, наподобие эпилептоида, **верит в книги, в авторитеты, в специалистов**. К сожалению, в большинстве случаев некритично. Поэтому истероиды чаще, чем другие психотипы, становятся жертвами разных шарлатанов. Но, попав к научно мыслящему психологу, истероид может скорри-гироваться под влиянием его личности и многие «насадки» на радикал личности у него поддаются целесообразным изменениям.

Он легко перенимает нужные интонации. Это очень важно, ибо от интонаций происходят многие беды. Жесты и позы тоже важны, и истероидка, поняв, что нога на ногу и сигаретный дым колечками — это только пыль в глаза, может преодолеть это.

Истероид создает вокруг себя сначала круг, но потом вакуум. Ведь людям не нравится, когда он клеветает, тащит одеяло на себя, топит других, сплетничает.

В отличие от психастеноидов, но подобно паранойяльным, истероиды не замечают своих оплошностей. А стоит кому-нибудь на них указать, истероид психозащитно отрицает все и вся: это, дескать, не у меня плохо со вкусом, а у вас. **Исте-роидам полезно осмыслить жизнь и жить не рефлексивно, а рефлексивно.**

На наших занятиях они пытаются влиять на членов группы, на психолога, сопротивляются и могут уйти. Им трудно преодолеть личностную установку, что они — центр социального микрокосмоса.

Но если это им все же удастся и они остаются в группе, то они довольно легко осваивают новые для них образцы коммуникативного поведения именно благодаря своей гибкости. И результаты в деле переделки характера прямо пропорциональны тренинговым усилиям.

Только хотелось бы предупредить молодых психологов. Истероид может быстро научиться и плохому. Вы учите его сопротивляться несправедливости, а он, усвоив форму, использует полученные психотехнические навыки для еще более ловкого манипулирования людьми. Поняв, что агрессия невыгодна, истероид начинает быстренько разыгрывать ягненочка. Поэтому предупреждаю: работа с личностью должна быть системной.

Работа с личностью должна быть системной.

Наряду с раздражающими людей интонациями превосходства **должен быть преодолен эгоцентризм истероида**. А то можно превратить «провинциального» манипулятора в «столичного», в этом тоже ничего хорошего. Основа же личности, то есть **комплекс потребностей и типовых реакций личности**, переделывается с большим трудом. Истероиду, конечно, нелегко отказаться от перетягивания внимания на себя. Все же можно изменить и основу, если уровень интеллекта истероида достаточен для привнесенной в его личность рефлексии. И работать с ним бывает даже несколько легче, чем с эпилептоидом и тем более с паранойяльным.

Глава IV ГИПЕРТИМ

Этимология

В слове «гипертим» две части: «тим» означает настроение; «гипер» — повышенный. Так что это люди с повышенным настроением. Здесь, как и в главах о других психотипах, этимология не совпадает с сутью явления, но в меньшей мере. **Для гипертима постоянно хорошее настроение — постоянный признак.** Но есть более важные признаки. Основополагающим из них является

Двигательная гиперактивность

Она выражается во всем: в том, что он мгновенно сгоняет в киоск за пивом, как только появится лишняя монетка, в размашистой жестикуляции, в громкой безудержной говорливости, в том, что он быстро засыпает и быстро пробуждается, в том числе и в веселости.

Как тотальная демонстративность у истероида, как целеустремленность у паранойяльного, как любовь к порядку у эпилептоида, **двигательная гиперактивность определяет логику психотипа у гипертима.**

Гипертим энергичен и энергетичен, неутомим, у него в руках все горит. Гипертим — «вечный двигатель», но без приводных ремней, сам по себе. В отличие от неутомимости паранойяльного (с приводными ремнями), неутомимость гипертима бесцельна. Это **вечное броуновское движение.**

Веселость гипертима. конечно, производное от его гиперактивности, но все-таки выделим ее в самостоятельный признак, тем более что термин «гипертим» подразумевает веселость. Он весел всегда. И его веселость бесшабашна. Он веселится всю жизнь напролет, без отдыха, как паранойяльный всю жизнь напролет без отдыха работает.

Во всем он видит положительные стороны. Я знал одного гипертима, который по поводу предстоящих похорон друга потер руки и сказал радостно: «О! Выпьем!» А если уж появится **адекватный повод** для веселия, он, конечно, тем более порадуетя.

Гипертимы, в отличие от страдающих циклотимией, постоянно в приподнятом и деятельном настроении. При циклотимии хорошее и активное настроение неизбежно сменяется депрессивным, но это уже речь идет о патологии.

Гипертим не мучается нравственными проблемами. Хорошо или плохо жить за чужой счет? Можно ли священникам Христовой церкви освящать машины? Легкомысленность гипертима сквозит во всем: в учебе, в карьере, в сексе, в любви, в отношении к детям, в предпринимательстве.

Он не задается гамлетовским вопросом: «Быть или не быть?» Для него ясно — быть. Гипертим не склонен к суициду.

Он прожигатель жизни, любит загулы, ему — гулять так гулять. Тратит уйму денег, может все спустить. Это **гипертимы** пропивались до креста. Гипертим то и дело звонит по междугородному телефону, разъезжает на такси, зря жжет свет, шляется по ресторанам. Транжирит свои деньги, но может потратить и случайно попавшие к нему чужие.

Даже страдание у гипертима «веселое». Он может орать, если ему больно. Но это не попытка привлечь внимание, а экспрессия — ему так легче.

Враг порядка

Гипертим — принципиальный враг порядка. Если эпилептоид **наводит порядок**, то гипертим везде **наводит беспорядок.**

■ *Он «любит» беспорядок: брошенная впопыхах одежда, неподметенные полы, на коврах горелые спички, в раковине — гора невымытой посуды. У него хаос дома и на работе, в сарае и во дворе.*

В противовес шизоиду, которого тоже аккуратным не назовешь, у гипертима беспорядок не «интеллектуализированный», а бесшабашный — просто все разбросано. Если его заставляют, то по доброте душевной он сделает то, что от него требуется, но, стоит наставнику исчезнуть с глаз, броуновское движение вновь входит в силу.

У гипертима и отношения с людьми беспорядочные, в том числе беспорядочные половые связи. Он быстро увлекается новым человеком и остывает к нему, увлекаясь еще более новым.

Причина этой сумбурачности в том, что он моментально переключается на другие дела. Он бросает одно и берется за другое, если взор случайно переместился. Такое поведение можно назвать **полевым** (по Курту Левину).

■ *Помните, человек входит в комнату, а там разложены на столе разные предметы, он трогает каждый из них, смотрит, что это за предмет, манипулирует этими предметами.*

Такое поведение может быть противопоставлено **волевому поведению паранойяльного и эпилептоида**. Гипертим мгновенно переключается, бросает предыдущее дело и не приводит в порядок те вещи, которыми занимался раньше.

Но зато гипертима не раздражает беспорядок и у других людей. Он уживается с чужим беспорядком, не заводит своих порядков, и этим он легок в общении.

Власть

Гипертим может на какое-то время взвалить на себя власть. Если вы начальник, имейте в виду, что **там, где надо ударно что-то организовать** (собрать металлолом и т. п.), **на гипертима можно опереться**. Он неплохой кратковременный организатор. Он может и более длительные сроки быть организатором, но под руководством эпилептоида или паранойяльного.

■ *Так комиссары в свое время использовали анархистов, которые становились потом неплохими командирами мелких отрядов.*

И все же гипертиму более свойственна анархия. Но и вне революций гипертим далеко не законопослушен, любит побузить. Преступает скорее мелкие, чем серьезные, законы: нарушает правила дорожного движения, превышает скорость, едет на красный свет.

Эмпатия

Это чувство у гипертима не слишком развито. Он непрерывно бурлит и просто не замечает страданий или оттенков настроения других. **Он нечувствителен к чужому горю**. Но в нем странным образом это сочетается с **отзывчивостью**. Гипертим не может отказать человеку в просьбе, если в состоянии ее выполнить. Он добродушен и добр. Вот он видит чью-то явную нужду — пересечет весь город пешком, но поможет. Он не эгоистичен и даже не эгоцентричен. Он искренне великодушен, не требует похвал.

Я сказал: **«нечувствителен, но отзывчив»**. Вот так и запомним. Почему нечувствителен? Понятно: бурлив. А почему отзывчив? Потому что опять же бурлив. Его внимание направили на нужную деятельность, и он всегда готов к ней. Можно сказать и так: **эмпатия низка, а ДГЭИ** (действенная групповая эмоциональная идентификация) **развита**. Он действительно помогает, если его об этом **ненавязчиво** попросят. (А вот если **попросят навязчиво**, он может и вспылить.)

Он может бросить все дела, не поспать. Но **с глаз долой — из сердца вон**. Эта пословица как нельзя больше подходит гипертиму. При этом его **внимание к человеку не связано с выгодой**. Помните, паранойяльный утрачивает интерес, если человек перестает быть нужным, эпилептоид интересуется человеком, если партия велит, истероид перестает интересоваться, когда его участие в человеке никто не видит. У гипертима это связано именно с тем, что человек просто исчез из поля зрения.

Доброта

Гипертим добр, причем сиюминутно. Он может снять с себя одежду и отдать даже менее нуждающемуся человеку. Он может выложить из холодильника последние продукты и угостить, не задумавшись, что останется семье. Он спокойно и легко даст вам читать свои книги и не будет звонить с просьбой вернуть их. При этом не обижается, если его доброта не оценивается по достоинству. Он добр искренне — не напоказ, как истероид, и не когда человек нужен, как это бывает с паранойяльным или даже эпилептоидом. Он может творить добро и так, что человек даже не знает, от кого оно исходит. Гипертим не ищет выгоды от своих добрых поступков. **Он творит добро просто так**, ему это приятно. Он делает это для любого, кто окажется в поле зрения. И тем более он ответит добром на добро. В ответ на одно добро гипертим делает два, но сразу, в этот же день, а с глаз долой — из сердца вон.

Гипертим не завистлив, он может искренне радоваться успехам других. Не топит никого, скорее даже сопернику подаст руку помощи. Гипертим не идейный, а как бы стихийный космополит. Он склонен жить по принципу «мир — дружба — жвачка» с людьми других национальностей, но не опираясь на космополитические теории.

Всеми этими качествами гипертим располагает к себе людей, он выглядит обаятельным, даже благородным...

Однако он не ощущает чужого горя и не особенно ему сочувствует: может потерять руки перед выпивкой на поминках, запеть веселую песню, не обратив внимания на то, что кто-то рядом грустит. В противовес ему гипотим и сензитив сочувствуют, хотят помочь, но им не хватает энергии.

Не спешите порывать с гипертимом из-за его неуравновешенности, расточительности и других минусов. В эпилептоиде найдете скупость, в паранойяльном — чисто потребительское отношение к людям, в истероиде — продажность.

Грех

Гипертим — человек без моральных ограничений. Он грешит, и грешит часто. *Грех* — это как бы **состояние тела гипертима, как у истероида — состояние души**. Но в то же время он истово кается после каждого прегрешения. Гипертим грешит и кается. «Ой, Господи, прости меня, грешного», — и опрокинет рюмку водки в пост. Все с него как с гуся вода. Мостик назад: паранойяльный грешит и не кается, эпилептоид мало грешит и мало кается, ис-тероид грешит, чтобы каяться. Мостик вперед: а психастеноид не грешит, но кается...

Религия

Гипертим не религиозен по природе. О Боге вспоминает, когда об этом заговорят. Он, в сущности, безразличен к религии, ее догмам и теориям. Это о нем сказано: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». В религиозной общине он может выполнять и какие-то церковные функции.

■ *В монастырях — это поддержка быта, трапезная, любая плотницкая работа. Но одновременно — чревоугодничество с обжорством, сексуальная невоздержанность и конфликты с иерархами.*

Гипертим — это типичный поп-расстрига. А ушел из монастыря — может по дешевке отпустить грехи. Он легко вписывается в «чужой монастырь», но всегда нарушает его устав, не призывая к смене власти в нем, просто нарушает, и все. За это его выгоняют из общины, из секты.

Его часто морочат разные эзотерические авторитеты. Наврут, что кофейная гуца предсказывает судьбу, а гипертимы верят и выкладывают деньги. Они лохи по определению. Но и сам гипертим может поучаствовать в разного рода жульнических аферах, организованных плутоватыми истероидами, а то и сам организовать по образцу и подобию виденного свой «лохотрон».

Ненадежен

Гипертим забывает отдавать долги. Но если напомнить, то переодолжит и с бурным раскаянием отдаст, но останется должен другому человеку.

Гипертим наобещает всего и не сделает. Наобещает искренне, думая, что выполнит, но потом увлекается чем-то и забывает об обещаниях и обязательствах. Если ему напомнить, тем более потребовать (ведь обещал же!), то он спохватывается, оправдывается, признавая, что, мол, свинья я, но сейчас вот постараюсь перестать ею быть — и начинает суетливо выполнять обещанное. Но не стоит на это очень надеяться и делать на него ставку.

Мы нарисовали портрет разгильдяя. Так оно и есть, И все же сравнение может быть и в его пользу. Эпилептоид надежен, но жесткий. Паранойяльный просто вероломен. А гипертим просто ненадежен... Можно сказать даже, что и вероломен, но не как паранойяльный. Гипертим пренебрегает своими

обещаниями не ради выгоды, как паранойяльный, он именно забывает о своих обязательствах, постоянно вертеться по жизни как белка в колесе.

Гипертим удерживает программу хуже, чем паранойяльный, чем эпилептоид и даже чем истероид. Ему надо постоянно напоминать о дисциплине. Но не следует его упрекать. Это будет только раздражать его, хотя и не очень. Он скорее отшутится: «Ты мне много раз говорил, а я много раз тебя слушал».

Гипертим чрезмерно болтлив.

■ *Ему не терпится поделиться новостью, и он не делает тайн ни из своей жизни, ни из чужой случайно узнанной или доверенной ему информации. Ему все равно, что о нем говорят, все равно, что будут знать о других третьи лица, так что не стоит доверять ему важные тайны.*

А раз доверили — не стоит на него обижаться. Он передаст секреты совсем не из стремления напакостить, а потому что просто не может держать их в себе. Вот истероид это делает оттого, что хочет блеснуть перед кем-то знанием вашей тайны или унижить вас перед другим человеком.

И особой благодарности от гипертима не ждите. Он не помнит о своих услугах кому-то, но и не слишком помнит услуг в свой адрес. Хотя если ему напоминают, то вспомнит, засуетится, но может и сказать психозащитное «подумаешь...».

Вообще психозащитные механизмы у гипертимов просты: забыл, и все тут, не очень-то и хотелось, — и сразу успокоился.

Сделав что-то приятное одному человеку, он тут же переключается и увлекается другим человеком, другим делом. Этим гипертимы раздражают людей. Им нельзя доверяться надолго.

Но при такой вот ненадежности (забывает об обещаниях и обязательствах) **гипертим энергичен и добр**, поможет быстрее, чем щепетильный психастеноид. И, в отличие от меркантильного эпилептоида и бездушного паранойяльного, он все же хороший товарищ.

Психотехнике общения

Гипертим говорлив. Общение для него — ценность номер один.

■ *Общеизвестный анекдот: выпили на троих, и один дернулся идти, а ему: «А поговорить?..» Или уже вошедшее в быт нашего народа «хорошо сидим» из «Осеннего марафона».*

Гипертим стремится к увесилительным компаниям, ему скучно одному. Шизоида тянет к уединению. А гипертима тянет выпить или сплетню любопытную узнать.

Общаются гипертимы не ради дела, для них важно общение ради общения. Они могут пустословить часами, забывая о делах.

Общение без алкоголя для них менее интересно. Надо придумать любой предлог, но выпить. При этом они выдерживают большие дозы алкоголя. Если других уже свалило, гипертиму надо еще.

■ *Опять же вспоминается герой Леонова в «Осеннем марафоне», его рассказ о том, что показалось мало, еще выпили и еще. И вот филолог-датчанин оказался в вытрезвителе, а леоновский герой пришел к Бузыкину—Басилашвили с просьбой спасти товарища.*

Если истероид игрив и элегантен, то гипертим просто бурлив и бесшабашен, но далеко не элегантен. Скромность — это не его черта.

Манеры гипертима никак не назовешь аристократичными. Бывает беспардонным, даже наглым. Правила этикета он не соблюдает вовсе, а матерится через каждые два слова, разве что при женщинах — через пять. Вспомним: эпилептоид при мужчинах, ругается нецензурно через десять слов, а при женщинах старается этого избегать. Для психастеноида мат неприемлем вообще.

■ *Гипертим легко вступает в контакт с любым незнакомым человеком, у него нет комплексов, его не назовешь тактичным. Знакомится быстро и легко. Иногда бывает беспардонно навязчив.*

— *Меня зовут Коля, а вас Оля?*

— *Я не знакомлюсь на улице.*

— Ну так зайдемте в этот подъезд...

Со всеми он запанибрата, быстро, почти сразу переходит «на ты».

Гипертим беспрерывно рассказывает разные случаи из жизни. Артистичен, хотя и не очень пластичен. Но, в отличие от истероида, он **не ставит себя в центр рассказа**. Его рассказ — **рассказ о других, не о нем**. Он много обещает, у него, по его словам, масса знакомств, но он ими не хвастается, а по ходу дела или разговора вспоминает и по доброте своей предлагает воспользоваться этим знакомством. Но выполняет эти свои обещания, только если ему раз десять напомнить и, взяв за руку, сказать: «Ну, давай!»

■ *В общении он прост, а то и примитивен: «Ну, ты что, старик? Все путем. Брось ты это. Не валяй дурака. Пойдем выпьем».*

В процессе общения у него **много конфликтогенов и много синтонов одновременно**: «Слушай, ты дурак, ты вообще совер-Щенно ничего не понимаешь в жизни, что за ерунду ты мелешь, пойдем, я тебе все устрою».

Конфликтогены беззлобные, это не подковырки истероида или шизоида, скорее просто пренебрежение этикетом. Может авторитарно наорать, но кратко, а не распекая подолгу. А потом быстро помириться. Гнев гипертима шумный, но непродолжительный. Он принимает участие в публичных скандалах, поддаваясь подзуживанию. Синтоны у него тоже грубоватые: «Я тебя уважаю, пойдем выпьем».

Гипертим не замечает, что идущие от него конфликтогены кого-то задевают. Но и синтоны свои в адрес других он тоже не ценит, не то что истероид, который угостит чем-нибудь и тут же напрашивается на комплименты: «Ну, как тебе?»

Гипертим может льстить, но без «второго дна», часто грубовато и бестактно. Он не чувствует дистанции, на которой хочет держаться с ним человек. Сам быстро клюет на лесть. Этим пользуются истероиды и паранойяльные. А простаки-гипертимы, сначала разругавшись, тут же поддаются на очередные лживые похвалы этого же или другого истероида.

Откровенность гипертима не знает границ. Он может расска-зывать о себе, о своей жене все, вплоть до сексуальных подробностей. Уже упоминалось, что он легко выдает и чужие доверенные ему тайны.

Он часто врет, но при этом, как и вообще, **не ставит себя в центр и завирального рассказа**, в отличие от истероида, который ставит себя в центр собственного вранья. Гипертим сочиняет просто так, не получая от этого никакой материальной выгоды, в отличие от истероида и паранойяльного. В основном это истории вроде: «Видел на базаре леща полтора метра длиной».

Гипертим не наушничает и не «заушничает», говорит все в глаза, прямодушно и грубовато.

Юмор

Юмор у него нередко сальный, грубо сексуальный, типа: «Откуда взять столько женщин на такое количество прокладок?»

■ *Его юмор часто базируется на интонациях, на специфическом кавказском или одесском произношении, а не на ситуации. Этаким одесским юмор. Или же это буффонадный юмор, с явно гротескной ситуацией: торт в лицо, а в ответ подножка.*

Для шутовского поведения гипертимов подходят слова «ерничанье», «паясничанье» — просто кривляется человек. Но это не шут из пьес Шекспира, а «шут гороховый», вроде евдокимов-ского: «Иду из бани. Морда красная. Никого не трогаю».

Бывает, что юмор у него заимствованный, но чаще все же свой, и при этом не смысловой, не глубокий, плоский. Люди смеются его шутке именно в его исполнении. Но на бумаге она уже теряет юмористический смысл. Иногда это все-таки хороший юмор, который веселит и может быть вовсе не безвкусицей.

■ *Это как раз Жванецкий с его «прокладками» и Евдокимов с его «красной мордой».*

Шутки в свой адрес гипертимы переносят легко. С них и здесь все слетает как с гуся вода — отряхнулись и пошли. Гипертим легко и отобьется глупой шуткой. Понятно, такой человек тоже не очень заботится о том, заденет ли он товарища своими неуклюжими поддевками.

Чужим шуткам гипертим смеется громко и заразительно, как и своим: скажет что-нибудь и тут же сам расхохочется. Он прирожденный рассказчик, рассказы его иногда смешат, он их запоминает и повторяет, вот и становится штатным юмористом.

На конфликтогены гипертим реагирует тоже конфликтогенами, резко превышая меру. И тут уже возникает неуправляемый конфликт.

Гипертимы обидчивы, хотя и не злопамятны. Обида проявляется моментально, но они и отходчивы.

Самооценка и уровень притязаний

Гипертим не мучится с самооценкой. Это удел психастеноидов, паранойяльных, истероидов, эпилептоидов и иногда шизоидов. Если гипертима оценивают «на три», он доволен. А если «на четыре», то может даже выпить по этому поводу.

И уровень притязаний у него невысок. Он звезд с неба не хватает, никуда особенно не стремится, в конкурсах не участвует. Он безразличен к славе, не честолюбив и тем более не тщеславен. То есть он, конечно, порадуетя искренней похвалой. А так чтобы испытывать гнетущий комплекс неполноценности и стремиться гиперкомпенсировать его (как паранойяльный, или истероид, или хотя бы как шизоид и эпилептоид) — это ему несвойственно.

Гипертим даже не слишком самолюбив. Он может скорее бурно среагировать на несправедливость по отношению к другим, чем к себе. Конечно, если ему скажут: «ты дурак», то он ответит без иронии, но и без надрыва, фразой типа «сам дурак» или с неглубоким юморком: «Мы оба дураки!» Его трудно задеть за живое. Он «отбрехивается» — и все.

Он не особенно хвастлив. Может что-то рассказать с положительной оценкой в свой адрес, но без особых преувеличений.

Не испытывая комплекса неполноценности, гипертим не развивает в себе гиперкомпенсацию. Так что у гипертима что есть, то и есть, а **звезды с неба хватают лишь те, кто сызмальства не мог дотянуться до них ручкой из-за хиленькости...**

Гипертим считает себя «народом» и не лезет в лидеры. Это паранойяльный — вождь, это шизоид — отщепенец, это истероид — оригинал. А гипертим — вот так просто: народ.

Человек без маски

Герой этой главы аутентичен. То есть он выглядит таким, каков есть. Он не стремится произвести впечатление. Он не ханжа и не лицемер, делает что говорит и говорит что думает. В этом его плюс. Его можно не бояться. Но как маска истероида утомляет и тревожит окружающих, так и аутентичность гипертима может надоедать. Кроме того, ведь он может откровенно, без обиняков сказать тебе правду-матку в глаза, да еще и при всех.

■ *Как правило, гипертим не берет себе псевдонимов. Он любит свои имя-отчество-фамилию. Ему нечего скрывать. Он не участвует в политических играх. Если он актер, то, по примеру истероидов, может, конечно, взять какое-нибудь незамысловатое иное имя с простым символическим значением, типа Иван Царевич или, на иностранный манер, Джон Кинг.*

Отсутствие маски означает, что, как мы уже говорили, **гипертим не делает тайн из своей жизни.** А если о нем будут говорить — пусть себе, язык без костей.

Как он воздействует на окружение? Он не манипулятор. Он убедительно просит, настоятельно требует, угрожает, ставит ультиматумы. Но ничего этого не доводит до конца. «Я с тобой знаешь что сделаю?!» — и не делает ничего. Можно сказать, что он излишне прямолинеен.

Гипертимы и понимают все прямолинейно. Так что не стоит, общаясь с ними, злоупотреблять иносказаниями.

Если гипертима уличили, если он опростоволосился, то не будет выкручиваться, как это делает паранойяльный и истероид, а будет истово извиняться, оправдываясь при этом, с кем, мол, не бывает...

Смелость

Смелость гипертима бесшабашна. Он не видит опасности, прет напролом. И женщина-гипертимка «коня на скаку остановит». Смелость у него не продуманная, а спонтанная. Это паранойяльный Наполеон на глазах изумленных солдат храбро перебежал мост со знаменем в руках, под гром пушек, точно рассчитав, что в этот момент противник заряжает пушки, а не стреляет. А гипертим не может так рассчитать и с винтовкой наперевес кидается пулям навстречу или наперерез. Он выхватывает саблю — и в бой. Абордаж — это его прием. Он не чувствует боли в драке. Он может в пылу схватки незаметно для себя совершить героический поступок. Только потом, задним числом, оценивает он возможные отрицательные последствия. Он не продумывает ничего наперед, как это сделал бы эпилептоид.

В то же время нельзя сказать, что гипертим — жертвенная личность. Он не пойдет ради идеи на костер. Но он никого и не пошлет на смерть, никого не зовет к героизму, если это не в разгар боя.

Гипертим в конфликтах возбудим и несдержан, в противовес эпилептоиду и даже в какой-то мере истероиду. Истероид чуть-чуть все-таки сдерживается — из приличия, стремясь показать свое превосходство в этикете. А гипертим **не раздражителен. Он гневлив.** Он не умеряет свой гнев, как и паранойяльный. Он реагирует мгновенно, с четверть оборота, то есть даже быстрее, чем паранойяльный, который реагирует все же не так стремительно, с пол-оборота, потому что паранойяльному человеку может понадобиться и, может, имеет смысл сдержаться. А гипертим сразу взорвется. И не боится испортить отношений, не боится драки, в которую может перерасти конфликт. Так что вокруг гипертима, как и вокруг истероида и паранойяльного, часты скандалы. Агрессивность гипертима скоропреходящая, он успокаивается не в пример быстрее, чем другие психотипы. Из-за бурных разрядок и быстрого успокоения гипертим, как правило, не страдает гипертонической болезнью и ишемической болезнью сердца.

Влияние

Гипертимы легко поддаются влиянию. Сами они не очень-то задумываются над проблемами, и если в компании есть кто-то «со стержнем» и старается такой же стержень вогнать в людей, то гипертим достаточно податлив. Он принимает навязываемое рассуждение или просто суждение, причем часто соглашается с абсолютно противоположными точками зрения. Одному он говорит: «Ты прав». Другой возражает, он и ему: «И ты прав». Третьему, который упрекает его в непоследовательности: «И ты прав».

В гипнозе гипертим может давать вторую (с восковой гибкостью) и третью степень (с сомнамбулизмом) гипнотической погруженности, как и истероид. При этом если истероид подчиняется только тому гипнотизеру, который внушает вещи, близкие ему самому, то гипертим поддается любому гипнотическому воздействию.

Сами гипертимы воздействуют на других людей не аргументами, не убеждением — для этого требуется эрудиция, развитая речь (чего не хватает), а тоже скорее именно внушением. Повторные просьбы, примитивное повторение, громыхающий мат, сиюминутные угрозы, которые, конечно, не исполнятся. Но планомерного принуждения, свойственного паранойяльному и эпилептоиду, со стороны гипертима мы не встречаем. Приказывать и шантажировать — это не его стезя. Он и не манипулятор (это дело паранойяльного и истероида).

Воля и эмоции

Воля у гипертима слабенькая. Это касается и промежуточных дел, и жизненных целей. Ни поставить задачу, ни наметить пути решения, ни удержать хотя бы чью-то программу в памяти воли он не может. У него плохо с самоконтролем. Это паранойяльный ставит цели и достигает их. А гипертим целей не ставит и не достигает. Плановое ведение дел — не его удел. Он их запускает. Сначала **врал**, что, мол, все путем. А потом — **аврал**. Но при авралах он хороший помощник, у него все спорится.

Русское авось — его девиз, принцип, его стиль жизни.

■ *Он живет как бы по воле волн: «Сегодня здесь, а завтра там». Он беспрограммный человек. Точнее, он может приобщиться к разным программам, но если «понравился лидер». Даже истероид ищет*

программы, мечется от одной к другой или строит краткосрочные программы, а гипертим вообще их не строит. Он и покупки совершает не целенаправленно, а просто бродя по магазинам — вдруг что понравится.

В своем бесцельном блуждании по жизни гипертим очень энергичен. Он не выдыхается. Его вновь и вновь можно завести на ненужные ему дела. Но сам гипертим никого ничего не заставляет делать. Так просто — крутится, как вечный двигатель, но, в отличие от паранойяльного, никого не затрагивает.

Слабость волевых импульсов проявляется и в обрисованной нами возбудимости и несдержанности в конфликтах.

Положительные эмоции гипертим тоже выплескивает сразу и бурно. Это обычно воспринимается людьми хорошо. Но если с перхлестом, как у Ноздрева в «Мертвых душах», то это уже раздражает.

Ценностные ориентации

У гипертима они изменчивы — в зависимости от компании, в которой он ночует. Он то за «белых», то за «красных». А то и «бей белых, пока не покраснеют» или «бей, красных, пока не побелеют». Он склонен и к романтике, и к песням, и к походам по Сибири, но не ставя цель быть первопроходцем, а так просто, за компанию.

Чуть выше говорилось, что в его ценностные ориентации не входит слава. Он к ней не абсолютно равнодушен, но и не рвется ее завоевать. Гипертимы поют песни в меру таланта и рады, если им дадут стопку водки или хотя бы бокал крепленого вина.

Мышление и творчество

Мышление гипертима можно выразить инверсией высказывания Мустафы из фильма «Светлый путь». Мустафа: «Ловкость рук, и никакого мошенства». Ну а о гипертиме можно сказать: **здравый смысл, и никакого лукавства.**

Мышление у гипертима конкретное, наглядно-действенное, в крайнем случае наглядно-образное.

Гипертим неглубок в своем мышлении, он не аналитик. Он мыслит, можно сказать, **лишь в рамках аксиом, а не теорем.** Его мышление такое же неабстрактное, как у истероида, но менее образное, чем у последнего. Оно простое, бытовое. Темы заземленные: достать, продать, познакомить... Он мыслит еще более простыми категориями, чем истероид. Не «алые паруса» и «фиолетовые руки», а «пошел, ушел, пришел, нашел»... Тем более никаких тебе там «пронзить время» или пятых измерений. Он далек от философских проблем. Многие поэтому он понимает прямолинейно — могильщик из «Гамлета» на вопрос, на какой почве сошел с ума принц датский, ответил: «Да здесь же, в Дании».

У гипертима в голове словно лоскутное одеяло. Он напичкан противоречиями. В его этической концепции может сочетаться любовь к животным и «смерть гомосексуалистам!».

Гипертимам хорошо даются слесарные и столярные профессии. Они хорошие лаборанты в НИИ. Вот Гоша из «Москва слезам не верит». Они «рукастые», и им нравится мастерить. Мы часто видим таких людей во дворах небольших домов, где есть сараи и гаражи, да и в любом автосервисе.

Мышление гипертима несамостоятельное, у него нет собственных убеждений. Гипертим не интересуется не только теоретическими проблемами, но и политическими и даже многими житейскими, по принципу **«Жираф большой — ему видней».** Точки зрения он меняет под воздействием того лидера, который горластее или который имеет больше связей.

Никаких мучений при принятии решений он не испытывает. Сравним: эпилептоид разумно решителен, семь раз отмерит, один раз отрежет, паранойяльный — один раз отмерит и один раз отрежет. Ну а гипертим ни разу не отмерит, а семь раз отрежет, не то что психастеноид, который вообще семь раз отмерит и ни разу не отрежет. Ну, это я для юмора и для легкости запоминания. Но это важно и для личностной оценки гипертима. **Он — бездумный авантюрист.** Не как паранойяльный. Да, паранойяльный тоже может ошибаться, но гораздо реже, потому что заранее продумывает свои авантюры. А этот действует просто на авось — и ошибается.

Творчество гипертимов довольно примитивное, бесхитрое, в сущности лишено образов. Они не очень изобретательны. Если это текст песен, то это нечто вроде: «Я тебя люблю, а ты не любишь, я от этого страдаю, о-о-о!» — и несколько простейших аккордов на гитаре. Истероиды — истинные таланты по сравнению с гипертимами. У них пусть напыщенные, но все же образы: «Ледяной горою айсберг из тумана выплывает...» А тут «два ореха лучше, чем один!» — и все. Но гипертим не может существовать без творчества в искусстве. Он должен как-то выплескивать свои эмоции, хотя бы петь и брэнчать на гитаре в одиночестве. При этом он не обязательно готовится к выступлению, а просто развлекает себя.

Искусствам гипертимы не учатся. В основном это самоучки. Примитивизм, кич — это их стихия, но не абстракционизм. Хотя иногда и гипертим являет миру нечто интересное.

Гипертим, в противовес паранойяльному и истероиду, совсем не дорожит своим авторством. Он, как уже говорилось, малопродуктивен в творчестве, но если все же что-то придумал (скорее в технической области), то легко дарит свои идеи. Его и используют.

Обучение

Учится гипертим урывками, в противовес эпилептоиду, но подобно паранойяльному и истероиду, хотя и с еще меньшей последовательностью и абсолютно поверхностно. Он ходит в институт для общения или по мелким делам, часто прогуливает, опаздывает, на занятиях болтает. Но удерживается в вузе за счет балагурства, за счет умения помочь по мелочам, в том числе физически (перетащить мебель и т. п.). Он списывает у шизоидов, пользуется дружбой с истероидами, которые делятся с ним тем, что смогли манипулятивно выманить у шизоидов.

Гипертим карьеры не делает. Все так как-то, как бог даст. Он, как правило, не поднимается по иерархической лестнице.

Рефлексия

У гипертима рефлексия, прямо скажем, отсутствует. Он живет рефлексам. Позвали — пошел. Рассказали анекдот — рассмеялся. А **сознание — это рефлексия, а не рефлекс**. Так что можно сказать, что у гипертима сознания меньше, чем нужно, чтобы человек стал человеком. Но это тоже «дело наживное».

■ У русского писателя конца XIX века с псевдонимом Скиталец (подумайте, кстати, над психотипом писателя с таким псевдонимом) в рассказе «Октава» есть персонаж — участник хора, бас с узким лбом и массивным телом. Так вот, после одного из занятий в хоре он подходит к руководителю и, подбирая слова, вопрошает: «В чем **смысел** жизни?»

Память и эрудиция

Смысловая память у гипертима посредственная, не то что у шизоида. В этом он проигрывает даже истероиду. Зато у него прекрасная механическая память, в этом отношении он не проигрывает даже шизоиду. Он хорошо помнит услышанные истории, может легко найти дом в закоулке, где был лишь раз, помнит все повороты. Но из-за слабой смысловой памяти гипертиму трудно выучить стихи. Еще хуже обстоит дело с математикой и прочими точными науками. Запомнить концепции даже в гуманитарных науках ему тоже часто не под силу. Он начинает множество книг, но прочитывает еще меньше страниц, чем истероид. Он держит раскрытыми сразу несколько томов. Читает с середины или до середины. Или начало и конец. Последнее время гипертимы вообще предпочитают не книги читать, а телевизор смотреть. Телевизионная болезнь поражает их больше, чем другие психотипы. Они в основном ограничиваются переключением кнопок на пульте...

Но, вращаясь во множестве компаний, он запоминает множество фактов, и в очередной компании он безудержный рассказчик.

Если это не просто компания собутыльников, а интеллектуальная студенческая или научная элита, где он слышит много разных разностей, то он усваивает и многие сложные рассуждения и термины.

■ *Там что-то увидел, тут что-то услышал, здесь кого-то спросил, а то и пробежал глазами аннотацию важной книги — смотришь, и нахватался сведений.*

Но получить глубокие знания от других людей гипертиму мешает его гиперактивность и постоянное перепрыгивание на другие дела. Поэтому в целом **его эрудиция все-таки поверхностная, хотя бывает и довольно обширной**. Сравним: у паранойяльного она очень глубокая, но узкоспециальная, у психастеноида — очень глубокая во многих областях, у эпилептоида — глубокая и затрагивает несколько сфер, у шизоида эрудиция очень глубокая и охватывает великое множество областей. Даже истероид по уровню эрудиции опережает гипертима. Ведь истероид, чтобы произвести впечатление, может даже целую поэму выучить наизусть.

Часто гипертим — все же неплохой развлекатель. Он свободно говорит, не скованно, легко вступает в контакт. Так что он держит тонус общения в группе.

Речь и письмо

Гипертим не заботится о понятности и убедительности своих слов. Его речь носит скорее экспрессивный, эмоциональный характер.

Говорит он быстро и сбивчиво, нечленораздельно, захлебываясь.

Дикция недостаточно четкая. Она получше, чем у шизоида, но похуже, чем у эпилептоида и тем более истероида. Фразы и даже слова он не заканчивает, они набегают друг на друга. Говорит громко, напористо, часто с подъемом. Но обычно он не орет на человека, это за него делают паранойяльный и истероид.

Он всех перебивает, не дает перебить себя, говорит одновременно с перебивающим партнером. Типична фраза: «Не, ты послушай, что я тебе скажу».

Жестикуляция у него просто экспрессивная, он не показывает жеста́ми схему, как шизоид или паранойяльный, он просто размахивает руками.

Мимика у гипертимов тоже чрезмерная. Это называют **гипермимией**. Но она у них невыразительная, то есть нет тонкого соответствия мимики содержанию высказываний. Впрочем, нет и особого несоответствия содержанию, какое свойственно шизоидам в их **парамимии**.

Содержание высказываний носит чисто бытовой характер. Термины и иностранные слова встречаются в рамках принятого на рынках. Так что какие-нибудь там «агностицизм», «эмпириокритицизм» и прочее в его лексику не войдут вообще. Поэтому речь его предельно понятна.

Интонации у гипертима менее яркие, чем у истероида, у него меньше модуляций, больше голоса. У него все получается невыразительно, но очень громко. Нет эпилептоидного «первое, второе, третье...», да это и не нужно, ведь говорит он только на бытовые темы, понятные для окружающих.

Пишут гипертимы быстро, неаккуратно, размашисто, иногда и бумагу рвут. Пишут с большим количеством ошибок, чем истероиды (ведь тем надо показать грамотность), чем эпилептоиды (эти стараются соблюдать правила) и чем психастеноиды (боязнь ошибиться). Конечно, гипертим может и выучиться писать грамотно, как говорится, за компанию, но это уже реже.

Имидж

У гипертима короткая шея. Голова как бы вросла в туловище, которое похоже на большое яйцо. Лицо мясистое, круглое, глаза как у колобка, короткие ноги и руки. Вы вспомнили Санчо Пансу? Героев Евгения Леонова? Вот это и есть типичные гипертимы. Они любят поесть и толстеют.

У гипертима нет привычной мужской клинообразности эпилептоида и женской гитарообразности истероидки, а есть тело-яйцо без талии!

Макияж и маникюр у женщин грубый, часто ободранный.

Гипертим не переживает по поводу своей внешности, хотя чаще всего он не красавец (а она не красавица).

■ *Одна гипертимка произносила к месту и не к месту фразу: «Я — на любителя, но и на меня любитель найдется».*

И действительно, дефицита в любителях у нее не было.

Одежда у гипертима, как правило, броская, кричащая, разноцветная, яркая[^] пестрая, разностильная. Он может, например, одеться в смокинг и кроссовки. Одежда часто спортивная, с лейблами. Со вкусом у него плоховато, если его специально не консультировали или если за ним не следит жена. Верхняя пуговица на рубашке не застегнута даже под галстуком. Часто и галстука нет. Сорочка может быть и не «свежевымытой». Вид расхристанный — короче, рубаха-парень.

Сон

Спит гипертим или слишком мало, или слишком много — как когда. После выпивки может отсыпаться, а если куролесит, то может и подолгу не спать. Сон у него глубокий, дрыхнет «без задних ног», с храпом, не просыпается среди ночи. Храпит даже в молодом возрасте. Ну и что же? Как сказала Айша, храпят люди с чистой совестью. На телефонные звонки, когда спит, не реагирует. Его не терзают сновидения, их или нет, или они приятные. Это истероидки пусть сновидениями мучаются.

Дом

Гипертимы — люди недомашние. Жилье у них — как сарай у плохого дворника. В квартире хлам, но не из-за бережного отношения к своим архивам, а просто из-за безалаберности. Она у них обычно запущена, не подметена, на полу валяются спички, сигаретный пепел. В доме мало книг, они разнородные и не только не стоят по росту или по содержанию, а вообще валяются по углам среди пустых бутылок, раскрытые на разных страницах.

Если гипертим увлекается «рукоделом», тогда у него все починено, сделаны примитивно-кичевые, но хорошо сколоченные предметы мебели.

Дом его открыт не только для друзей, но и практически для всех. Можно сказать, что у него **не дом, а проходной двор**. Это эпилептоид держит «границу» на замке. У гипертима замок открывается ногтем, да и на такой замок квартира часто не запирается.

Если эпилептоид и истероидка все тащат в дом, то гипертим — все из дома. Ночуют гипертимы часто вне дома, им все равно где. Они легко могут жить в общежитии, в дешевых гостиницах. Гипертим тоже как стрекоза, которой «под каждым ей листком был готов и стол и дом».

В доме у гипертима чаще нет никакой оргтехники, а если есть, то на мониторе брызги от пива, а на системном блоке пепельница и окурки. Если гипертим холостяк, то окна могут быть зашторены газетой, как у Гоши из фильма «Москва слезам не верит».

Еда и алкоголь

У Эмиля Верхарна есть стихотворение о фламандских мастерах, где он говорит о них так: «Рты хохотом полны, полны желудки жиром», «...пьянчуги, едоки, насквозь правдивые и чуждые жеманства, крепили весело фламандские станки, творя прекрасное от пьянства и до пьянства». Это и есть гипертимы — и не только фламандские. А и русские.

Да, аппетитом гипертим не обделен. Но и он часто ест не за столом, а «за столбом». У тонкого писателя Андрея Платонова есть грубоватый персонаж, который «на гробе жены... колбасу резал». Из-за постоянного непостоянства режима питания гипертим, естественно, страдает гастритами, не доходящими, впрочем, до язвы.

Набравшись водки, гипертим еще больше набирается храбрости и лезет напролом.

Пьют гипертимы часто и помногу. Они не контролируют количество выпитого, могут заснуть в чужой квартире, в кювете по дороге домой, а проснуться в вытрезвителе. Но при этом не спиваются, не заболевают хроническим алкоголизмом. Хронический алкоголизм — это удел дефензивных психотипов и истероидов.

Профессии

Специальности гипертима определяются в основном гипертим-ным **наглядно-действенным мышлением.** Это может быть автослесарь, слесарь-сантехник, водитель, машинист, продавец — в общем, рабочие профессии. Гипертимы могут путешествовать в составе экспедиций. Их влечет романтика, общение с природой, охота, рыбалка. Они там, где можно выпить. Они экспедиторы, коммивояжеры, рекламные агенты — ведь они легко вступают в контакт. Рекламный агент несамолюбиво затевает беседу, чем-то зацепляет и навязывает товар. Они трудолюбивы в составе команды. Все работают, и они тоже, но легко отвлекаются и из-за этого нарушают трудовую дисциплину. Работать же в одиночку им еще труднее.

Гипертимы — безотказные лаборанты-исполнители в научных учреждениях. Они становятся иногда и предпринимателями. Но чаще — «челноками». Тут лишь короткие деньги, мелкий бартер. В предпринимательстве они идут на большие риски: нахватают кредитов, а потом в «разборках» погибают. Даже и преступные делишки могут творить. Они рискуют, как паранойяльные, но без их глобальности, — все-гораздо мельче.

Чуть не забыл. Проститутки. И мужчины тоже (и по женщинам, и по мужчинам).

Деньги

В отличие от истероида, гипертим в долги обычно не залезает, разве что по мелочи, и быстро отдает по первому требованию.

Но свои деньги у него текут, как песок сквозь пальцы. Он тратит все, что у него есть, на себя или на семью, а также на друзей, при этом может забыть, что семья сидит без денег.

Растрата денег в учреждении — это по его части. Но если кто-то другой растратит, то он начнет собирать деньги со всех, чтобы спасти растратчика.

«Наперсточники» и прочие жулики берут его голыми руками. Он покорно выкладывает купюры, не догадываясь, что крупье всегда в выигрыше: шарик-то один, а наперстков три. Угадать можно в трети случаев, а не угадать в двух третях. В качестве лоха гипертима успешно используют и фараоны финансовых пирамид: он склонен к легким доходам, надеется на авось, размечтавшись о карьере «Лени Голубкова».

Хобби

У гипертима множество разных хобби, но все очень несерьезно. Собрал несколько марок, несколько спичечных коробков, несколько моделей машинок — и забросил это занятие. Не то что писатель Эренбург, который собрал со всего мира коллекцию трубок всех видов. Кто-то из участников клуба «Маленький принц» сказал: «У гипертима хобби — коллекционировать хобби». У гипотимов и психастеноидов хобби — вышивка, а у гипертима — выпивка. У психастеноидов хобби «тихие», а у гипертимов — «громкие»: «хэви метэл», чеканить, слесарничать.

Отдых

Гипертим часто ездит на курорты, если есть деньги: заработает — поедет — истратит — снова заработает. Может махнуть куда-то на байдарках. Может просто наплевать на работу. Он все время

отдыхает. Шизоид никогда не отдыхает (думает, пишет). Паранойяльный если отдыхает, то только когда отпуск подойдет.

Отдых гипертима часто носит спортивный характер, но без особых достижений в спорте. Они любят попариться в бане, с пивком-водочкой, раками-колбаской. Из парилки — в прорубь. Они могут быть «моржами». Им по душе ресторан с танцами под винными парами, рыбалка-охота со всеми «национальными особенностями».

Дворняжка

Вот животное, на которое похож гипертим. Да, любимая всеми и любящая всех дворняжка — в противовес истероидке-кошке и эпилептоиду-овчарке. Она больше виляет хвостом, чем огрызается. Гипертим неуклюже подвижен, суетлив. Он может полый пиджака смахнуть со стола соус. (Кстати, ставьте в глубь стола.) Но его пластика естественна, а не театральна, как у истероида. И любит гипертим всех собак, но особенно дворняжек, на которых он похож.

Отношения с другими психотипами

С другими психотипами гипертимы легко уживаются. Они рады общаться с человеком любого психотипа. Они доверчивы. И паранойяльный, и эпилептоид, и истероид, и другой гипертим легко найдут в нем товарища. Паранойяльный за мелкие подачки быстро превращает его в службу. Эпилептоид мобилизует на дело, которое указала ему партия. **Гипертим у них — охранник, водитель, солдат.** Вспоминаются фильмы, в которых, как говорилось, красные комиссары ставили под ружье анархистов, и те умирали за дело, на которое им было, в сущности, глубоко наплевать. Истероид привлекает гипертимов чисто внешними проявлениями — песни, походы, романтика. И тоже превращает его в службу. Гипертим — осветитель, помощник режиссера. Гипертим с гипертимом дружно болтают, быстро соображают «на троих», но совместная целенаправленная деятельность у них не получается.

Гипертимы могут войти в свиту какого-нибудь паранойяльного вождя, образуя «массу» и создавая ему ореол. Но они, как и истероиды, переключаются потом к сходному, а то и вовсе противоположному по духу вождю.

Если **паранойяльный человек — катализатор**, если эпилептоид — **маховик истории и цемент человекоотношений**, то гипертим — своего рода **машинное масло**. А можно сказать чуть иначе: **паранойяльный — катализатор макросоциальных процессов, а гипертим — катализатор микросоциальных.**

Справедливость

Гипертим примитивно-прямодушно справедлив. Разделить все поровну — и все беды пройдут. Он может впасть в гнев из-за несправедливости, которую видит сию секунду.

■ *Герой актера Брондукова в «Осеннем марафоне», увидев, что пострадала женщина, заломил руку сначала одному воображаемому обидчику Алочки (Негловой), а когда оказалось, что не тот, заломил другому — этот?*

А через минуту гипертим, поглаживая живот, может выпить с другим «источником несправедливости».

Гипертиму по большому счету наплевать на справедливость и несправедливость. Но пошуметь насчет несправедливости он может. Среди гипертимов, впрочем, есть воры. Они быстро оправдывают себя тем, что воруют у богатых: у неимущих что можно взять? Конфликты в борьбе за справедливость у гипертима проявляются бурно, но они быстротечны. Гипертимы решительны в расправах, склонны к суду Линча.

Семья

Детями гипертимы почти не занимаются. Дневники не проверяют, на родительские собрания не ходят. Свободу передвижения детей и свободу их отношений, в том числе сексуальных, не ограничивают. **Ребенок учится жизни на собственных ошибках.** При детских конфликтах гипертимы учат своего ребенка давать сдачи, тренируют в боевых искусствах — надо, мол, уметь драться.

Жена гипертима — друг по выпивке. И дети, особенно сыновья. Он спаивает и малолетних. А чего, пусть пьют, один раз живем. Дети у гипертима болтаются во дворе, на улице. Они партнеры в домино, могут воровать вместе.

Все же в семье бывают частые конфликты из-за чрезмерной склонности гипертимов к развлечениям.

Секс

Секс у гипертима не имеет границ. Он приемлет эротическое искусство, порнографию, все формы сексуальности, групповой секс, склонен к бисексуальности. Он и в сексе — «перпетуум мо-биле». При этом нельзя сказать, что гипертим обожает секс сам по себе. Он, если угодно, **любит** каждую женщину, с которой у него сексуальный контакт, **он** любвеобилен. Но, искренне любя, он может наобещать всего, она искренне в это поверит, а потом — беременность, аборт или безотцовщина.

■ В фильме «Вор» обаятельный гипертим с истероидными включениями Владимира Машкова учинил трагедию для сблизившейся с ним бесконечно милой женщины с ребенком. А Фанфан-Тюльпан быстро завербовался в армию, чтобы избежать возмездия со стороны крестьян за сексуальную шалость.

В этом смысле можно говорить о социальной опасности гипертима.

Глубина чувств и привязанность — это не для гипертима, это для психастеноида, эпилептоида.

Смена партнерш у гипертима происходит без особых притязаний в отношении красоты. Часто это просто партнерши по случайному застолью. Он изменяет жене, но тут же истово кается: бес попутал. Потом снова изменяет. Но и жене измену простит. Гипертимы, как правило, вообще никого не осуждают, ни в чем не винят. При этом если истероидка изменяет с тем, кто восхищается ею, эпилептоид — с той, кем восхищается он, паранойяльный — с кем надо для дела, то гипертим изменяет с кем попало. Естественно, что именно гипертимы становятся основным источником венерических заболеваний.

Революция

В революциях и войнах гипертимы тоже находят себе место. Их легко мобилизовать, подбить к борьбе «за правое дело». Увы, их несложно подбить и на мокрое дело. **Гипертим — частый участник революционных потрясений.** Ему вообще-то глубоко наплевать на любую идеологию, но он легко возбудим, живо реагирует на сиюминутную несправедливость. И когда этих мелких, а тем более крупных несправедливостей накапливается много, он бодро выходит под революционными флагами на улицу.

Срабатывает и его податливость к внушению со стороны авторитетных для него людей. И блатное понятие «авторитет» возникло благодаря в значительной мере гипертимным уголовникам. Поэтому волевому организатору Троцкому не так уж сложно было создать армию из гипертимов, которыми полна российская земля. Как сказал Жванецкий, «история России — это непрерывная борьба невежества с несправедливостью». Махно тоже пользовался этим и разные другие атаманы. Много гипертимов было и среди белых.

Но гипертимы, в отличие от эпилептоидов, легко переходят из стана в стан. Они выпьют за новую власть («король умер, да здравствует король!»), и будут крутиться у новых кормушек.

Романтичность

Как и истероиды, гипертимы — романтики. Благодаря неприхотливости в быту они легко переносят трудности похода. Так что они тоже едут «за туманом и за запахом тайги». Рубят хворост, жгут костры,

пьют водку и поют песни. При этом они ищут в первую очередь общения, в отличие от шизоидов, которые ходят в походы, чтобы уйти от общения с обыденным окружением.

Гипертимы не прочь нацепить на себя всякие ярлыки или предложенную им символику в виде звезд, а то, бывает, и свастики, но не стремятся создать свою символику.

Конформизм и неконформизм

Гипертим — в основном конформист. Поддаваясь внушению со стороны лидера, он быстро соглашается с любой точкой зрения. Но он склонен к хулиганским выходкам, нарушению общепринятых норм, если его на это настраивает компания, может присоединиться к шокирующим обществом паранойяльно-истероидным акциям. Он поддерживает эпатажные выходки веселым подсмеиванием и хохотом.

Месть

Конечно, если гипертим встретит обидчика, то пнет его, выскажет все, что думает, но никогда не станет специально готовить месть или плести интригу. В целом гипертимы не злопамятны, хотя и добро помнят не всю оставшуюся жизнь.

Дружба

Гипертим — человек компанейский. Он часто — душа компании. Он равно общается со всеми и с каждым, кто его слушает. При этом компании, как правило, пьющие. Он друг каждому и каждого считает своим другом — стоит поговорить с ним пять минут.

У гипертима **много старых друзей и много новых.** (У паранойяльного много новых и мало старых, а у эпилептоида мало старых и мало новых.) Но все связи у него поверхностные, на уровне бытовых: «забить козла», вместе поесть, выпить, закусить или хотя бы просто выпить без закуски.

Он не делит людей на друзей и врагов. Ему чужда классовая и расовая ненависть, он не антисемит по натуре, он склонен дружить с людьми разных национальностей, но его легко можно завести и направить на расовые распри.

■ *Гипертим может быть и интеллигентным человеком, если изначально подпадает под влияние интеллигентной компании, в которой посетя. Литературный пример — Валька Вайнгартен из «За миллиард лет до конца света!» Стругацких.*

Гипертим не выясняет отношений, он вместо двух старых друзей заведет сотню новых. И для него, как и для паранойяльного, хотя и по другим мотивам, **новый друг лучше старых двух.** Вернее, для гипертима новый друг лучше даже десятка старых: ведь новый охотнее с ним потрется.

Коррекция

Чтобы гипертима **спасти, его надо пасти.** Спасти от случайных мелких неприглядных поступков, от проявлений неблагодарности с его стороны. Ему надо напоминать, удерживать, поощрять. Тогда он будет хорошим членом общества. Гипертимов достаточно много — процентов пятнадцать. Женщин и мужчин приблизительно поровну. Так что ладить с ними немаловажно. Если я имею дело с гипертимами, то поручаю дело сразу пяти. Один из них все же, может быть, и сделает то, что нужно. Но на других, не выполнивших обещанное, я не обижаюсь.

Но и сам гипертим может над собой трудиться: не олигофрен же. **Мы, гипертимы, учтем все свои минусы,** компенсируем их своими плюсами. Будем вести записи-напоминания, более тщательно проводить нравственно-психологический анализ ситуаций, скрупулезно следить за своими долгами. Скажем себе, что порядок соблюдать легко, и будем соблюдать. С большим чувством ответственности

отнесем к сексуальным связям. Будем не только отзывчивыми, но и чувствительными к состоянию людей, воздерживаться от вранья и так далее по тексту всей главы.

Глава V. Шизоид

Мы уже так много говорили о шизоиде в предыдущих главах, что сейчас достаточно, кажется, собрать все это воедино — и портрет готов. Так и сделаем, и тогда не будет обидно за этот интереснейший психотип. А чтобы он предстал перед вами во весь свой гигантский умственный рост, мы кое-что и добавим. Да и, может быть, в ходе нашей дифференциальной диагностики что-то было упущено.

Этимология

Слово «шизофрения» настолько въелось в наше сознание, что, как только произносится слово «шизоид», сразу ставится знак равенства между шизоидностью и шизофренией. Но, как паранойяльный — не параноик, как эпилептоид — не эпилептик, как истероид — не истерик, так и шизоид — не шизофреник, хотя, конечно, и ему от сумасшествия, как от сумы и тюрьмы, зарекаться не надо. Вместе с тем ведь и душевнобольные люди, бывало, играли немалую роль в науке, литературе и даже в политике. А главное, никуда не денешься от происхождения термина.

У шизоидов есть черты, похожие на некоторые последствия болезненного шизофренного процесса. И в этом плане они как раз и есть «-оиды». Отметим еще раз, что именно «-оиды», а не «-френики». Шизоидные черты возникают в результате воспитания. Психиатры и медицинские психологи достаточно определенно подчеркивают это. Так что, как мы отметили во введении, придется смириться с психопатологическим происхождением терминов. И в то же время надо отдавать себе отчет, что речь идет о **рисунке личности в норме**, который у некоторых шизоидов «зашкаливает» в акцентуацию и даже психопатию.

Главная черта

Его главная черта — склонность к теоретизированию. Это человек-формула, человек-схема. Это мыслительный тип. У него **мысль превалирует над действием и над образом**. Его мышление преимущественно не наглядно-действенное, не наглядно-образное, а понятийно-теоретическое. Ему легче даются математика-физика, чем литература-история. Он решит головоломку, но не сможет пройти по доске, положенной даже только на пол, а не то что на два стула. Он хорошо разберется в теории стихосложения, но прочитает тускло даже яркое стихотворение. О таких людях говорят, что они «ученые сухари». От жизни они далеки.

■ *Это кузен Бенедикт из «Пятнадцатилетнего капитана», который хорошо знает, что муха цеце, по мнению его коллег, водится только в Африке, и делает заключение, что они не правы — «раз мы в Америке, то муха цеце встречается и здесь». В то время как непросвещенный, но здравомыслящий негр Геркулес по другим, более бытовым, деталям быстро понял, что это не «Америка», это «Африка!».*

Слабая энергетичность

Шизоиды неэнергетичны. Они обычно ведут умеренный и размеренный образ жизни, хотя иногда бывают склонны к неожиданным поступкам — в этот момент их энергетика как бы сгущается. Но в целом они неэнергетичны.

Днем они испытывают сонливость. Дневная жизнь требует больших затрат энергии, а вот ночью, когда жизнь затихает, они могут работать долго — читать, писать. Сон поэтому у них часто инверсирован: спят днем, работают ночью.

Не хватает им энергии и на то, чтобы навести элементарный порядок на столе, в квартире, не хватает энергии, чтобы организовать свою сексуальную жизнь. Шизоид может быть сексуально одинок не потому, что он никому не нужен, а потому, что для этого надо развить какую-то деятельность.

Малой энергетичностью можно объяснить и то, что он относится скорее к дефензивным, защищающимся психотипам. Это очень условно. Мы написали «скорее», потому что дефензивность его относительна.

Агрессивность

Шизоиды могут проявлять и агрессивность. Впрочем, дерутся они редко. Вряд ли будут заниматься восточными единоборствами. Тут речь скорее шла бы о паранойяльности. Но если дело коснется теоретических построений, облюбованных ими, они схлестнутся в словесном поединке. Будучи сами эрудированными в области науки, они могут соревноваться в этом с менее эрудированными истероидами, паранойяльными и эпилептоидами и даже потешаться над их «неграмотностью». Могут задать каверзный вопрос, зная точно, что человек не так уж глубоко изучал литературу по данной проблеме. А потом, когда обнаружится отсутствие достаточных знаний у оппонента, шизоиды демонстрируют свою эрудицию. В научнообразных докладах часто фигурирует фраза «в доступной нам литературе».

■ *Один эпилептоид на защите диссертации произнес на свою голову эту сакраментальную фразу и получил от случайно присутствовавшего на защите шизоидного эрудита: «А в недоступной вам литературе еще свыше трехсот названий!»*

Здесь мы видим уже и юмористический укольчик. Часто агрессивность шизоида проявляется именно в юморотворчестве, направленном на людей по любому поводу.

Агрессивность проявляется и в том, что шизоид хотя и не мстителен, но злопамятен. Точнее, злопамятен, хотя не мстителен. Для мщения нужна энергетика. А здесь агрессивность проявляется в злопамятности и желчности.

Логика психотипа

У шизоида она просматривается так же достаточно четко, как и у других психотипов. То есть основные черты влекут за собой особенности поведения в межличностных отношениях, во внутриличностных проблемах, в обращении с предметами. Перефразируя известное выражение, скажем так: шизоид — он и в науках шизоид, и в сексе. А если пояснить, то в науке он теоретизатор и в сексе скорее доберется до нужной литературы и сверит с ней свои представления.

■ *В одной из своих поездок по линии общества «Знание» я встретил шизоидную супружескую пару, поехавшую после института на Кольскую АЭС. Оба молодые и оба до свадьбы не имели сексуального опыта. Они рассказали мне, что положили перед собой книгу по анатомии и в соответствии с рисунками нашли у себя все детали, выучили, как что называется, и только после этого приступили к собственно половым актам.*

Порядок

В главке об энергетичности я сказал, что шизоиду не хватает сил навести порядок на собственном столе и в квартире. Продолжим эту интересную тему шизоидной психологии.

Из-за слабой энергетики у шизоида накапливаются архивы.

■ *Вот истероидка — та устраивает агрессивную чистку архивов, при этом разорвет и выбросит в корзину ненужные бумаги. Паранойяльный, напомним, относится к каждой своей мысли как к сверхценности, но время от времени перебирает свои архивы и кое-что складывает в более далекие углы.*

А у шизоида новые материалы кладутся поверх более ранних. И вот уже на столе для сегодняшней работы осталось лишь крохотное пространство между стопками бумаг, где он кое-как умещает нужный материал, над которым сейчас работает. Но в этом видимом хаосе он неплохо разбирается. Он помнит, где что лежит, под какой кипой какая папочка. Слой пыли не мешает ему найти необходимый документ. Но слой пыли не вытирается, даже если этот документ разыскивается под этим слоем.

Шизоид редко использует интероргтехнику. Карандаш и бумага — вот и все, что ему нужно. Сейчас, правда, прибавился компьютер, но этим все и ограничивается. У паранойяльного обыкновенно интероргтехники много, у эпилептоида — чуть поменьше, а у шизоида — карандаш, и тот плохо заточен.

Шизоид не наводит порядок на чужом столе, но и вторжения на свой стол не терпит — в основном потому, что после этого вторжения он вообще ничего у себя не найдет. Можно сказать, что у шизоида свой **«беспорядочный порядок»**. Это беспорядок для стороннего глаза. А для самого шизоида, хозяина беспорядка, в этом беспорядке все на своем месте. Причем, благодаря цепкой памяти, он отлично помнит, что где лежит. Для сравнения напомним, что эпилептоид любит **просто порядок**, а гипер-тим — **просто беспорядок**, а вот у шизоида свой «беспорядочный порядок». При этом у гипертима беспорядок не интеллеktуал и-зированный, а «бесшабашный».

Стол — это не только для примера. Имеется в виду письменный рабочий стол — важная деталь в жизни шизоида, так как там сосредоточена вся его интеллектуальная деятельность. Впрочем, «беспорядочный порядок» не только на столе: если вы заглянете в шкаф, обнаружится та же картина. Но шкаф — это громко сказано. Чаще всего вещи лежат вокруг шкафа, разбросаны по квартире. Один истероид сказал о своем друге-шизоиде, что у того ко всем нужным предметам типа телевизора или компьютера между грудями вещей проложены тропинки.

Грязная посуда у шизоида свалена в раковину и не моется, пока еще есть хоть одна чистая тарелка. Но если и одной-единственной чистой тарелки нет, то вся посуда все равно может не мыться, а моется лишь одна тарелка, одна чашка, чтобы можно было поесть, а то, бывает, из груды грязной посуды берется менее грязная и используется снова.

Речь

У шизоида **во рту «каша»**. Не такая, как у гипертима, — тот говорит быстро и не договаривает фразы, они сбивчивы, налезают одна на другую, но он более или менее неплохо артикулирует слова. У шизоида плохо именно с артикуляцией, которая обуславливает плохую дикцию. Интонации зачастую неадекватны содержанию высказывания. Плюс к этому шизоидная речь изобилует словами-паразитами, вводными словами, причастными и деепричастными оборотами, сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями. Плюс он часто брбсает фразу и начинает новую, у него меняется план всего высказывания. Плюс нередко наблюдается скороговорка с повторением некоторых фраз, слов, слогов. А наряду со скороговоркой — неадекватные замедления и паузы при произнесении слов. Словом, речь нечленораздельная, путаная, сбивчивая, «захлебывающаяся», косноязычная. В результате трудно понять, что человек говорит.

Кажется, что все это идет от неуверенности. Человек боится, что его перебьют, не поймут. Это еще не заикание, но уже лого-невроз. Хотя до логопеда дело не доходит. Да и вряд ли логопед здесь поможет.

Шизоида часто трудно понять еще и потому, что он раб освоенной им терминологии, он скован ею, не может из нее выбраться. Терминов он не растолковывает: это потребовало бы дополнительных усилий. Собеседнику навязывается недоступный стиль речи. В результате связь с окружением совсем уж плохая.

Все это в особенности проявляется **при чтении стихов**. Здесь прибавляется еще и сбой в **логических ударениях**. В стихотворении ритм и рифмы ведь не отменяют логических ударений. Но шизоиду трудно сочетать то и другое вместе. И вот он, на подсознательном, конечно, уровне, **игнорирует логические ударения, подчеркивая формальные ритмические ударения и рифмы**. Создается впечатление неестественности. Чтобы представить себе, как читают стихи шизоиды, можно послушать записи известных шизоидных поэтов: Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Иосифа Бродского... Причем если у Вознесенского чувствуется заимствованная у истероидов яркость, то при всей глубине стихов Бродского читал он их довольно монотонно.

Речь шизоида сопровождается неадекватной мимикой. Это **парамимия** — термин, обозначающий неадекватность мимики содержанию речи. Вообще-то это термин опять психиатрический. Но к шизоидной мимике он тоже подходит. «Пара-», как известно, — это «около». То есть мимика «не в кассу», а «около». И действительно, у шизоида часто как бы приклеенная неподвижная улыбка и при этом вытаращенные глаза, или взгляд исподлобья, или приподнятые, как у Пьеро, брови, или тик. Бывает, что лицо просто малоподвижно — это **гипо-мимия**.

Я, по обыкновению, сгустил здесь краски. Все вместе и в такой степени выраженности это наблюдается при шизоидной психопатии. Но если убрать преувеличения, можно получить акцентуацию или рисунок личности.

Жестикуляция у шизоида либо почти отсутствует, либо его жесты так же не соответствуют содержанию речи, как и мимика. Для рукопожатия подается вялая плоская безжизненная ладонь. Вычурное шевеление пальцев. Однообразные, в ритм речи, вихляния кисти. Варианты этой «паражестикуляции» трудно поддаются описанию, но они настолько характерны, что сразу видно отличие и от безудержной пляски рук гипертима, и от «вальсирования» рук истероида, и от указующего перста паранойяльного, и от сдержанного, скупого эпилептоидного жеста.

Движения

В целом они диспластичны. Он не может слитно выполнить одно сложное действие, а выполняет неуклюже набор изолированных движений. Многие действия шизоида воспринимаются как вычурно-смешные. Вот тычком в переносицу он поправил очки. А вот неловко пытается достать далекий от него предмет и падает. Сравним: истероидка, дотягиваясь рукой до предмета, создаст противовес — вытянет в другую сторону ногу. Истероид выполняет сложное действие, не разлагая его на отдельные движения. Он легко, плавно, слитно производит целые комбинации действий в одной льющейся деятельности. Эпилептоид подойдет и спокойно возьмет со стола нужную вещь. Он разлагает действие на отдельные движения, каждое из которых выполняет как бы отдельно, но все же адекватно. **Шизоид же каждое движение выполняет неуклюже** и не может осуществить их слияние в одном плавном действии.

В связи с диспластичностью двигательной сферы шизоид плохо танцует и не стремится к этому. Шизоидов очень мало в художественной гимнастике, в фигурном катании, в балете.

■ *По телевидению как-то рассказывали, что Гайдай специально переучивал ловкого Александра Демьяненко: надо было делать все неловко. В результате в конце концов получился «шизоидный» Шурик.*

Шизоидам трудно дается общение с предметами. Я не оговорился, сказав «общение». Предметы, как и люди, имеют свой дурной характер.

■ *Юрий Олеся в романе «Зависть» выводит шизрида в образе главного героя Николая Кавалерова. «С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения... Если какая-нибудь дрянь — монета или запонка — падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель».*

И в предметном мире навыки шизоид обретает с большими трудностями. Если он несет стул, то стукнет им об стенку (или об зеркало). Пила-ножовка у него застревает в бревне. А пилить вместе с кем-то двуручной пилой ему еще труднее. Сигарету докуривает дотла, пальцы — в никотине. Если шизоид несет чайник — надо держаться от него подальше. Но если вы далеко, то он ошпарит себя. Газ зажигает газовой зажигалкой для сигарет — и обжигается. Если подает женщине пальто, то длинное пальто у него может предварительно долго «подметать пол», а короткое он поднимет на такую высоту, что даме придется выворачивать руки.

Неаккуратность

Она бросается в глаза, как и диспластичность движений. Она проявляется во всем: в квартире, в одежде, в прическе, в том, как содержатся руки... На пальцах заусенцы, ногти обломаны. Шизоид, скорее обгрызет заусенец, чем доберется до ножниц. Ногти могут быть даже с «траурной каймой». Но это уже психопатический вариант. А если человек имеет только шизоидный рисунок личности, ногти у него могут быть и чистыми. (У нас с Сугробо-вой даже бытовал термин «шизоид с чистыми ногтями».) Неаккуратность вызвана не только невниманием к чистоте. Шизоид осуждает преувеличенную чистоплотность, она ему в тягость: это же не духовное начало.

Если эпилептоид всегда чисто выбрит, а у истероида трехдневная щетина объясняется модой, то у шизоида просто видны недо-бритые волоски. А бывает, что они торчат из носа или из ушей.

Истероидка принимает ванну каждый день (психопатки могут и по три раза на день), шизоидный психотип в норме — раз в неделю. Акцентуант-шизоид моется раз в десять дней, шизоидный психопат —

не чаще чем раз в две недели. (Ну, конечно, это сказано для красного словца, приблизительно.) Если это психопатия, то (гипербола!) на голове — «каша» из жирных и грязных (плюс перхоть) волос. А в воздухе — амбре; одного друга даже прозвали «Душистый».

Телосложение

Диспластичное. Худой-тонкий ли, увесистый-толстый ли — **диспластичный!** Гипертим — тот пропорционально, равномерно полный. А у грузного шизоида еще и дополнительно выпяченные крупные губы. Нет шеи и в придачу узкие плечи. Впрочем, шизоид чаще — жердь. У шизоидки, в отличие от истероидки, нет талии. В целом меньше выражен «рельеф тела» (плоские ягодички, маленькая грудь). Сутулость, независимо от роста и возраста, пальцы с утолщенными суставами, плоскостопие.

Лицо у шизоида с более выраженной, чем обычно, асимметрией. Вообще-то у всех людей лицо имеет определенную асимметрию, даже у эпилептоидов и истероидов. Но в данном случае между правой и левой половиной виден резкий перепад. У правой крупнее правые детали-лица, у левой — крупнее левые, но асимметрия явно заметна. Глаза могут быть слишком запавшие, слишком широко или слишком близко поставленные, слишком маленькие или слишком большие. Наружные уголки глаз сильно опущены вниз, слишком глубокая морщина «сосредоточенности» из-за того, что преувеличенно сдвинуты брови. Нос удлиненный, иногда нависающий, или, напротив, укороченный или необычной формы. Отсутствует или чересчур углублена переносица. Подбородок выдвинут вперед или слишком маленький. Может быть неправильный прикус.

Кожа лица землистого цвета, с черными точками (комедона-ми), с угрями, прыщиками, производит впечатление запущенности.

Уши у него тоже нестандартные: нет мочек, ушная раковина необычной формы, «вывернута наизнанку» или оттопырена, ушные раковины асимметричны.

Одежда

Во введении мы, упомянув о шизоиде, сразу обратили внимание читателя на то, что у него может болтаться на двух нитках пуговица. Это важная деталь, потому что плохо пришитая, болтающаяся пуговица быстрее бросается в глаза, чем, например, просто вышедший из моды пиджак. Но приглядимся к пиджаку шизоида, и то, что не бросилось сначала в глаза, начнет мозолить их. Пиджак чуть-чуть сел от химчисток, а хозяин его чуть-чуть располнел, и вот теперь пиджак плохо сходится на животе, а нитки, которыми пришита пуговица, растягиваются, перетираются, и пуговица уже висит на двух нитках. Чтобы она не отлетела, он пиджак не застегивает. Но пуговицы могут разболтаться и на брюках, тогда, если даже он не забыл застегнуть ширинку, впечатление, что она расстегнута. Брюки сели, из-под них видны щиколотки, на коленях — пузыри: Рубашка тоже давно вышла из моды и хотя еще не истлела, но от стирок уже утратила товарный вид, пожелтела. Воротничок около шеи поистерся. Пуговицы на рубашке стали хрупкими и тоже пожелтели, какие-то сломаны. Ботинки стоптанные, нечищенные.

В целом шизоид к одежде безразличен и отстаёт от моды лет на десять.

Прически

У него это неотъемлемая часть имиджа. Она под стать одежде. У шизоида ее лучше охарактеризовать словом «никакая». Нет прически как таковой. Волосы не подстрижены, не уложены или кое-как заколоты, не причесаны. Они как бы сами по себе, а голова сама по себе. Часто волосы долго немывые. Словом и **на голове** (если это психопатия), как уже говорилось, «каша».

На какое животное похож шизоид?

Скорее всего, на интеллектуальную дворняжку. Вот, наверное, самое подходящее сравнение.

■ *Был такой мультфильм «Прощай, Овраг». Овраг — это как раз и есть интеллектуальная дворняжка. Весь фильм — это парафраз пьесы Горького «На дне», и там есть такой философ — кликуха Овраг: одно ухо отвислое, другое торчком.*

Читает умную книгу и рассуждает о жизни. Читает всем бездомным, как он, собакам.

Дом

Дом у шизоида, как правило, бедный. В нем только то, что надо для интеллектуального творчества. Обычно много книг, покрытых слоем пыли. Они в основном валяются в разных местах квартиры, на столах, диванах, на кухне, раскрыты в нужном месте. По этому поводу постоянно возникают ссоры с родственниками. Они высказывают претензии насчет того, что книга лежит среди еды, а он к ним — за то, что складывают его книги в стопку. В квартире обычно в той или иной степени царит хаос.

■ *Я давно не виделся с одним своим другом-кинорежиссером. Пришел наугад, но его не было. Жена встретила меня предложением посидеть на кухне: «Тут я хозяйка!» — извинилась она. А потом показала его комнату. Брюки, как были сняты при переодевании, так и остались на полу. Одна тапка — почти под шкафом, другая — на кресле.*

На полу пепельница с окурками, пара окурков валяется на грязном ковре с дырками от сигарет. Засаленный галстук лежал в книге как закладка. Повсюду высохшие шариковые авторучки.

Самым живописным пятном был полуразбитый и склеенный изолентой телефонный аппарат. Трубка тоже была склеена скотчем, а наушник стянут ниткой. Трубка из-за этого не помещалась в гнездо аппарата, и жена приятеля попросила меня что-то сделать с ней. Я открутил крышку, и взору открылась мембрана, на которой в засохших капельках слюны вместе с пылью были впаяны мелкие насекомые...

Неаккуратность по отношению к вещам у шизоида временами переходит в физическую нечистоплотность.

Физическое и психическое здоровье

Изначально у шизоида много мелких или более существенных телесных несовершенств, которые обуславливают его комплекс неполноценности. Это **близорукость, астигматизм, неправильный прикус, плоскостопие, плохая кожа, худоба, анатомическая диспластичность, дизартрия, гнилые зубы, вегетодистония** и т. п.

Сон, как уже упоминалось, у шизоидов часто инверсирован: спят днем, работают ночью. Днем шизоиды испытывают сонливость: дневная деловая жизнь требует больших затрат энергии. А ночью требования жизни минимизируются, и шизоидам хватает их малой энергетике, чтобы много работать — читать, писать, думать. А если не удастся поменять режим работы на ночной, то ночью к бодрствованию трудно перейти даже при необходимости. И если продолжить тему «телефон», то шизоид обычно не реагирует на ночные телефонные звонки, если они не касаются работы. Но и на важные звонки отвечает невпопад — он сонлив (если только не сидит ночь над текстами). А если сидит, пишет, но не для того ведь, чтобы отвечать на звонки. Тогда может и не взять трубку или отвечает с неудовольствием.

Шизоид не умеет готовить. Если он живет в семье и его кормят, то он не слишком разборчив в еде, не гурман, не придает значения тому, насколько вкусно приготовлено: это же не духовная пища. Вкусненькое любят истероиды. Если он один, то питается всухомятку, а это — гастриты и язва.

Шизоиды спиваются и впадают в хронический алкоголизм. Они спиваются и в одиночестве, и в компании интеллектуальных собутыльников.

Из неврозов для них характерны **неврастения** (вялость, слабость, нарушения сна, раздражительность, головные боли) и **ипохондрический невроз** (ему кажется, что он болен чем-то серьезным, проверяется), в особенности в период, когда вся научно-популярная медицинская литература была напичкана высказываниями о вреде онанизма. Все искали тогда у себя симптомы последствий онанизма, но шизоиды — больше всех. (Подробнее об этом в «Лабиринтах общения» — «АСТ-ПРЕСС», 2002.)

Ценностные ориентации

У шизоидов они самые разнообразные. Но лежат прежде всего в области **теории**. А чего касается эта теория — это уже вопрос второй. Философия, математика, теоретическая этика, эстетика (в большей степени, чем искусствоведение), но скорее искусствоведение, чем собственно искусство. Они чаще музыковеды, чем музыканты. Могут быть и музыкантами, но не эстрадными. Шизоиды интересуются сложной, серьезной музыкой — классической или современной, но серьезной. Они философы, на основе работ которых строится политика, но не политики как таковые.

Отсутствие целей

То, что шизоид не наводит порядок, а плывет по воле волн своей творческой стихии, тесно сопряжено и с тем, что он **не ставит перед собой целей и не достигает их**. Ему что-то кажется интересным — он этим занимается. Это «что-то» может оказаться продуктивным, тогда он напрягается и ставит некую задачу. Какие-то мелкие цели он все же ставит, нельзя же совсем без них, но не большие долгосрочные цели. По сравнению с паранойяльным шизоид человек вовсе безвольный. Даже по сравнению с истероидом он существенно менее волевой.

Шизоиды не вырабатывают программу действий, а творят себе свободно, как бог на душу положит. Шизоид **интересует процесс, а не результат**. Он может копаться в теме, в книгах, в бумагах, в проводках, комбинируя, перестраивая, любуясь, делая выписки, теряя их, снова воспроизводя, и забывает при этом о времени.

■ Для дифференциального диагноза напомним: психастеноиды мучаются и долго не могут выработать программу действий. Истероиды и эпилептоиды придерживаются программ, выработанных другими людьми, причем истероиды мечутся от программы к программе, а эпилептоиды консервативно придерживаются раз и навсегда выработанной программы.

Если шизоид не ставит перед собой целей, то тем более он не берет на себя миссию мессии, как это делает паранойяльный. Ему так спокойней, и возле него поэтому спокойней.

Можно сказать даже, что у шизоида (как и у гипертима) поведение не волевое, а полевое, его деятельность зависит от того, что попадает в поле его внимания. У истероида оно все-таки уже волевое, у эпилептоида определенно волевое, а у паранойяльного и того больше.

Космополит

Шизоид — не эпилептоид. Для него чувство родины менее значимо, чем принадлежность к мыслящему человечеству.

Он легко переедет в другой город, в другую страну, где ему дадут больший простор для творчества. Для него важнее генетика как наука, чем достижения генетики в сельском хозяйстве собственной страны. Важнее физика сама по себе, чем создать или предотвратить создание ядерного оружия для пользы своей державы. Это они едут в Штаты и создают там оружие против родины. Но отнюдь не только ради более высокой оплаты. Для них главное — заняться наукой, что им на родине не всегда обеспечивают. Прагматичные американцы, а теперь уже даже и страны «третьего мира» переманивают таких шизоидов. И вот они уже «предатели», безродные космополиты, отщепенцы — так было при Сталине, Хрущеве, Брежнев.

Понятие греха

У шизоида оно практически отсутствует. Он все подвергает критике, сомнению, он скептик. Он ни во что не верит без проверки, без научного осмысления. Знает он много, так что на любые запреты у него всегда найдутся психологические отговорки-объяснения. А грех — это нарушение запрета, по отношению к которому трудно найти разумное обоснование. Поэтому и любые вольности, в том числе сексуальные,

шизоид умозрительно одобряет, это эксперимент на себе, так же как и любые научные риски: клонирование, трансплантология и т. п. Их открытия в области ядерной энергии мы уже расхлебываем.

При всем этом шизоид не кается, потому что он никакие свои действия грехом не считает.

Мышление

Мы поняли, что эпилептоид не умеет видеть альтернативных вариантов. Те программы, которые ему даны паранойяльными, он принимает и потом становится закрыт к идеям со стороны. И паранойяльного характеризует та же узость, но уже по отношению к втемяшевшейся ему собственной мысли. Гипертим в этом отношении более свободен, он может принять альтернативы, но они у него заимствованные. А шизоид сам **порождает** все альтернативы. У шизоида в ходе его размышлений появляется **много** различных вариантов. Он их не отбрасывает, а развивает. Если что-то противоречит его первоначальной мысли, он скорее заинтересуется этим противоречием, чем защитой первоначальной мысли. При этом ни гипертим, ни шизоид не мучаются в выборе той или иной альтернативы. Мучится психастеноид, если видит множество вариантов и не знает, какой предпочесть, а, остановившись на каком-то, все равно сомневается, правильно ли сделан выбор.

Если у паранойяльного в ходу софизмы (осознанные мыслительные подтасовки), то у шизоида — скорее паралогизмы (неосознанные подтасовки). Или даже нет, это больше похоже на любование противоречием: с одной стороны — с другой стороны...

У шизоида **процесс мышления свободный**: он творит непринужденно, как птичка поет, бессистемно, как бы парит в мире абстракций. Разовьем ранее высказанную мысль, что человеку с шизоидным складом ума **нравится больше сам процесс мышления, чем его результат** (паранойяльному важен результат, а не процесс). Вот шизоид начал работать по замыслу своего руководителя. И если вдруг возникло противоречие между альтернативными вариантами, он с интересом разрабатывает противоречивые идеи, ему любопытны побочные продукты его работы. «Побочные» продукты он не отбрасывает, даже если они противоречат его основной идее, ведь именно они могут оказаться более продуктивными в других отношениях. Он развивает их, копается в деталях, зарывается в мелочах — и забывает о цели.

К результатам своего мышления он относится более или менее бесстрастно: вон, дескать, что получается...

■ *Это сатирически отобразил Гоголь в «Мертвых душах». В конце поэмы у него появляется доморощенный философ Кифа Мокиевич, который задался вопросом: «Ну а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное оружие выдумать».*

Шизоид разрабатывает свои мысли подробно, в деталях, в отличие от паранойяльного. Но они менее «причесаны», чем у психастеноида, менее систематизированы, зато более богаты и разнообразны.

У шизоида велик разброс в его ассоциативных рядах. В главе о паранойяльном мы писали, что шизоид на слово «верная» даст не стандартное «жена», а неожиданное: «гибкость», «масть», «эмоция», то есть связи между вспомнившимися словами у него слабые, нежесткие. И на том или ином основании («верная гибкость» — не подводящее человека качество, «верная масть» — в картах, «верная эмоция» — то есть адекватная, «ветренная» — в противовес «верная») таких ассоциаций шизоид набросает вам великое множество.

Мышление его похоже на рябь и зыбь. Оно бессистемно. В случае акцентуации можно сказать, что у него **«каша» в голове**. В качестве штриха к портрету напомним, что у него «каша» и на голове, и во рту. И вот получается: у шизоидов **«каша» на голове, в голове и во рту**.

Мышление у шизоида затрагивает абсолютно все. Оно нецеленаправленно. Он глубоко задумывается по поводу всего, что попадает в его поле зрения.

■ *Попало в поле зрения яблоко, которое упало на землю, — рождается мысль о всемирном тяготении. Выплеснулась вода из ванны при погружении в нее тела — возникла мысль о том, как решить вопрос о содержании золота в тиаге тирана.*

Можно сказать даже, что у шизоида не только поведение не волевое, а полевое, но и мышление. Его мыслительный процесс зависит от того, что попадает в поле внимания.

Шизоид мыслит, как мы отмечали, с помощью карандаша и бумаги, ему больше ничего часто и не нужно: записать мысль, и все, этого достаточно — никаких механизмов или приспособлений. Что такое мысль? Нечто бесплотное. Вот если бы механизмы какие-то материальные. Да, но если это мысль о том, что кинетическая энергия равняется массе, умноженной на скорость света в квадрате, то она может сдвинуть горы — и не фигурально, а буквально. И для рождения этой мысли достаточно карандаша и блокнота.

В отношениях с шизоидами, так же как с паранойяльными, лучше составлять договор. Шизоид не будет хитрить умышленно, но лазейки для себя или своего клиента в законе найдет. Этим шизоид хорошая находка для подлецов, он в общем-то беспринципен, работает на того, кто платит, а свое нравственное лукавство расценивает как выигрыш в умственном соревновании. У него это — «философское отношение к жизни». Он — адвокат для разных нарушителей нравственности.

Шизоиды — генераторы идей. Идей много, они буквально роятся, часто не связаны друг с другом. Он может, как уже говорилось, параллельно развивать и в корне противоположные мысли. Шизоиду глубоко наплевать на противоречия в его концепциях.

■ *Я знал одного философа, который жил тем, что писал диссертации для российских чиновников. В одной диссертации он отстаивал президентскую республику, в другой — парламентскую, в третьей доказывал преимущества конституционной монархии. При этом все три позиции выглядели убедительно.*

Результаты мышления шизоида могут быть востребованы сразу, и тогда его идеи развивают, за них платят, их проталкивают. Но чаще всего его идеи рассматриваются как фантазии, которые никому сейчас не нужны. Некоторые философы все сознание и всю психику человека объявили «эпифеноменом» — неким побочным явлением, никому не нужной пленкой наподобие плесени. По отношению к продуктам мышления шизоида это подходит более всего. Но «игра ума» шизоида часто сказывается вполне материальными достижениями в далеком будущем. Герон две с лишним тысячи лет назад открыл реактивное движение. А востребована эта идея была только в наше время. Две тысячи лет это было не более чем игра ума.

Да и сейчас, если идея современна, то есть если в принципе может быть востребована, шизоиду для проталкивания его идей нужна «ракета-носитель», нужен **импресарио**. Когда говорили, что талантам нужна поддержка, а бесталанные пробьются сами, под талантами фактически подразумевали шизоидов.

В силу критичности мышления шизоид с трудом поддается внушениям. Поэтому при гипнотизации у него чаще всего лишь наблюдается легкая сомноленция, а глубже в гипноз уходят истероиды. Этим объясняется и то, что шизоид скорее нерелигиозен. В религиозных построениях для него слишком много от мистики, а не от научной логики. Но если он все-таки с детства уверовал в некие догматы, то пытается и идеи свои разрабатывать в рамках этих догматов, в итоге путается и запутывает всех.

■ *Один шизоидный подросток в ответ на вопрос, что он сейчас читает из художественной литературы, заявил, что ничего не читает, потому что при чтении художественной литературы он не чувствует сопротивления материала.*

Ну а сензитивы, истероиды, гипертимы, напротив, смотрят сериалы именно потому, что там нет «сопротивления материала».

Философия

Философия и шизоид — «близнецы-братья», почти как в свое время «Ленин и партия». Это паранойяльного человека

не очень интересует, материя порождает дух или дух материю... А шизоиду важно именно это. Для них неприемлем «четвертый тезис Маркса о Фейербахе»: до сих пор философы объясняли мир, а надо его переделывать. **Они не хотят ничего переделывать, но они пытаются все объяснить.** Одни названия философских произведений чего стоят! «Мир как воля и представление» (Шопенгауэр), «Феноменология духа» (Гегель) и т. п. Их философские произведения трудно понимать, они написаны запутанным, темным

языком, с массой недоговоренностей и иносказаний. В них, как и везде у шизоида, длинные словесные построения, состоящие из множества сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, одобренных многочисленными причастными и деепричастными оборотами, бесконечными вводными словами, пояснениями в скобках, тире, двоеточиями, многоточиями... У паранойяльного, напомним, наблюдается нечто сходное, но там иная мотивация. Паранойяльный настолько ценит свою мысль, что боится чего-то не донести до читателя. А шизоиду просто интересно самому разобраться в деталях и противоречиях.

Он впадает в эйфорию от мыслительной казуистики, любит ее. «Небытие — инобытие бытия», «Бытия нет, есть небытие». В шизоидных философских произведениях трактуются самые общие категории: мир, бытие, дух, материя, развитие, причины, следствия...

Иногда философские произведения пишутся в литературно-художественной форме. Это романы, повести, рассказы. Но чаще это притчи, напичканные идеями начала и конца мира, бесконечности и вечности, нравственно-философскими проблемами.

■ *Вот новелла Борхеса «Бессмертный»: все искали реку бессмертия, а когда находили и становились бессмертными, то делали все, чтобы найти реку смерти. Или роман «Восстание ангелов» Франса: Люцифер, низвергнутый когда-то Богом в преисподнюю, готовит новое восстание падших ангелов, но видит вещий сон, в котором он, победивший, становится тем косным самодовольным Богом, против которого и замыслил новое восстание, — и решает навсегда остаться в преисподней.*

Для истероида важна не сама философия, а все, что вокруг нее, общение по ее поводу. Для паранойяльного философия — основа и оправдание его опасной или полезной для общества деятельности. А сама по себе философия, сложная, непонятная, трудоемкая и для обывательского большинства «никчемная тень», эпифеномен, по-настоящему овладевает лишь умами шизоидов.

Творчество

Творчество шизоида не предусматривает сиюсекундного и даже просто рассчитанного на ближайшее время результата. Вот и Герон сотни лет назад увидел, что висящий над огнем чайник отклоняется в сторону, противоположную струе пара. Повернул носик чайника из вертикального (по отношению к стенке чайника) в горизонтальное положение — чайник над огнем завертелся. Нам теперь-то понятно, что это реактивное движение.

■ *И Королев идею Герона использовал для ракет — прагматичнее не придумаешь. Но придумалось это через многие сотни лет.*

Так что шизоиды творят впрок. Из банка их вечных идей черпаются сегодня заводские технологии.

Творчество шизоидов как бы находится в свободном полете. Оно свободно витает от темы к теме, от ассоциации к ассоциации. Процесс творческого мышления непрерывен... Их озарения не столь яркие, шизоиды не придают им такого значения, как паранойяльные. Но этих догадок много, они мерцают, как звезды, далекие от нас, и когда-нибудь, пусть даже и очень не скоро, будут использованы прагматиками.

Шизоид творит не для человечества, а для себя и для таких же умников. Поэтому он часто творит «в стол», никому не показывает: ему интересно, и все. Ему не требуется сдвигать горы, не надо сталкивать друг с другом классы, массы, сословия, не надо завоевывать страны и даже не надо «завоевывать друзей». В крайнем случае, считает шизоид, дотошный историк науки вытащит на свет божий фолианты и отыщет там алмазы его, шизоида, идей. Это истероиду невыносимо творить в стол.

В то же время творчество шизоида часто безответственно. Его интересует идея в чистом виде, и он не только утоляет собственную жажду познания и творит за счет народа и государства, но и может натворить дел.

■ *Возьмем такое порождение шизоидных гениев, как трансплантология, предназначенная вроде бы для спасения людей. Но кто же не знает, что трансплантология — это пересадка органов от бедных к богатым? А шизоиды — как дети в песне Вадима Егорова: «Есть такой порошок, с ним взлетать хорошо, называется порох». Вот они и изобретают чертовы колеса, а потом все из-за них взлетают, и не на воздух, а и вовсе в безвоздушное пространство. (Вспомним также про вымышленного Булгаковым*

профессора Персикова в «Роковых яйцах» и про невымышленных Теллера и Оппенгеймера с разработками атомной бомбы.)

Мы уже говорили, что результаты творчества гениальных шизоидов могут попасть в руки психопатических политиков. Что было бы, если бы Гейзенберг «вовремя» изготовил атомную бомбу для Гитлера? Но Гейзенберг только сделал вид, что создает ее. Ему мы обязаны относительно благополучным исходом войны. Он-то хорошо понимал, что «Чингисхан с телеграфом страшнее Чингисхана без телеграфа». Эта фраза принадлежит Герцену, который еще не подозревал о делении людей на шизоидов, паранойяльных и прочих...

Главное в творчестве шизоида — **парадоксальность**. «И гений — парадоксов друг». Что такое парадокс? «Казалось так, а оказалось так!» Причем казалось большинству, почти всем, а то и просто всем.

- Ведь некогда всем было ясно, что Солнце вертится вокруг Земли. Ведь так просто: Солнце встает на востоке, а заходит на западе. Как же можно было иначе думать, если Солнце одно (предположить, что их много, еще труднее). А шизоидному Копернику вопреки всеподавляющему большинству стало ясно, что Земля вертится вокруг Солнца.

- Всем вроде понятно, что счастье в том, чтобы **обладать**. А Фромм понял: счастье в том, чтобы **быть** (и он показывает, что это действительно так).

- Всем казалось, что нашей психикой управляет сознание, а Фрейд доказал, что очень часто сознанием правит бессознательное.

- Все считают, что цивилизация — благо, а Руссо звал назад к природе. Все считали, что знание — сила, а Екклесиаст полагал, что «во mnogой мудрости — много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь».

В этом ключе я переиначил процитированную фразу Екклесиаста так: во mnogой печали — много мудрости (получился как бы парадокс на основе парадокса).

- Все считали, что страдание — плохо, а Франкл убеждает, что в страдании рождается глубинное понимание жизни.

В этой книге, как убеждается читатель, мелькают и мои парадоксальные высказывания, например о паранойяльном: «новый друг лучше старых двух»; или о психастеноиде: «семь раз отмерит и ни разу не отрежет»; об истероиде: «грешит, чтобы каяться».

Парадоксальность шизоида проявляется далеко не только в абстрактно-научном и философском творчестве, но и в техническом. Он, конечно, не забывает гвозди микроскопом, но использовать что-то не по назначению очень даже может. Помните, в «Таинственном острове» профессор из двух часовых стекол сделал линзу и разжег костер.

И в художественном творчестве то же. Проведите такой эксперимент. Попросите найти эпитеты к слову «кости». Вам набросают множество вариантов. Тут будут и «белые», и «черные», и «игральные», и «рыбьи», и «трубчатые», и даже «гнилые». Но только гениальный поэт нашел словосочетание «благородные кости» («И видит: на холме, у берега Днепра, лежат благородные кости»).

Шизоидное творчество в литературе иногда поражает своей мрачной фантастичностью. Это вам не наивный Жюль Верн с приключениями капитана Немо или поисками капитана Гранта. Это холодный и пугающий мир романов Уэллса с его морлоками и эллями, с мучениями человека-невидимки. Это тяжеловесная математика рассказов Борхеса. Читайте его «Алеф» и опять-таки «Бессмертный».

Эрудиция

У шизоида она очень глубока и обширна (то есть охватывает очень разные сферы), потому что он обожает рыться в книгах. Он сидит подолгу в библиотеках, читает, делает выписки, полностью конспектирует книги. Сейчас, когда книги малодоступны из-за дороговизны, а в библиотеку попасть трудно, я часто вижу шизоидов в книжных магазинах, сидящих по углам и конспектирующих с разрешения продавцов. Дома книги у шизоида в пыли, многие открыты на прорабатываемых страницах. Они валяются в разных, иногда малоподходящих, местах квартиры. Шизоид роется в книгах, когда нечего делать. А ему всегда делать нечего, так что он в книгах роется постоянно.

Эрудиция шизоида касается сфер, далеких от житейских проблем. Он не расскажет вам, где что купить и сколько что стоит. Из этого и из беллетристики складываются познания истероида. Впрочем, если шизоид — литературовед или теоретик стихосложения, то он может знать и подробности романических текстов или поправить ошибки, обычные при небрежном цитировании: не «тем больше нравимся мы ей», а «тем **легче...**», не «он, мятежный, ищет бури...», а «он, мятежный, **просит** бури...». И все же для шизоида гораздо важнее не сколько жен было у Генриха VIII и не как миледи из «Трех мушкетеров» устранила Бэкингема, а, как уже говорилось выше, метафизика Аристотеля, метапси-хология Фрейда, сюрреализм Кафки, гештальтпсихология Коффки, агностицизм Канта, позитивизм Конта...

Память

Мы уже отмечали, что у шизоида цепкая механическая память. Он помнит про каждую бумажку, над которой когда-то работал, помнит, что положил ее в такую-то папку с такими-то материалами.

Но в особенности хороша у шизоида смысловая память (у ги-пертима, напомним, смысловая память посредственная). У пси-хастеноида, напротив, очень плохо с механической памятью. Но шизоид свою механическую память еще и развивает различными **мнемотехническими** приемами.

■ *Он быстрее, чем другие психотипы, построит фразы типа «каждый охотник желает знать, где сидит фазан» для запоминания цветов спектра (красный, оранжевый... синий, фиолетовый). Чтобы запомнить, например, телефон 354-70-61, он построит целую систему: 354 — это 3, 4, 5; только 4 поменялось местами с 5; а 6 и 1 — в середине между 7 и 0, причем 6 рядом с 7, а 1 рядом с 0.*

Он может для запоминания анатомического строения сочинить специальные стихи, «опоэтизивав» толстую и прямую кишку.

Он вообще склонен развивать свою память, устраивает ей проверки, тренирует. Разбивает материал на мелкие фрагменты, в каждом из которых не более 7 единиц (запоминается 7 плюс-минус 2), делает карточки по каждому из фрагментов и проверяет себя по этим карточкам.

Старается использовать феномен Б. В. Зейгарник, который заключается в том, что незавершенное действие запоминается лучше. Закладывает значимый материал в края ряда, чтобы использовать «эффект края» Эббингауза (лучше запоминается начало и конец ряда). Он отыскивает закономерности своей «личной» памяти — от нечего делать рефлексивует, развлекается.

Рефлексия

Шизоидный человек вообще живет **не рефлексивно, а рефлексивно**. Он рассуждает по поводу того, почему и как он мыслит, как рождаются и затухают его чувства, как у него складываются отношения с людьми. Он не может построить эти отношения просто, не задумываясь, он обязательно задумывается. Один шизоидный интеллектуал показал мне кривые его взаимоотношений с сотрудниками, родственниками и друзьями. Эта рефлексия в глазах окружающих выглядит как зануд-ствование. Ведь тот же гипертим плывет себе по течению и ни о чем не думает, живет рефлексивно, реагируя лишь на ситуации. Паранойяльный и эпилептоид деловито отбрасывают всякие размышления как интеллигентское слюнтяйство. А у шизоида само по себе размышление о мышлении, о смысле жизни самоценно.

Комплекс неполноценности

У шизоида выражен, но не сильно. Так, чтобы испытывать гнетущий комплекс неполноценности и стремиться гиперкомпенсировать его, как мы видим это у паранойяльного или хотя бы у истероида, — этого нет. Можно даже сказать, что у шизоидов часто наблюдается **неполноценность без комплексов**. Он не очень-то переживает свои недостатки, он их не осознает. Но комплекс все же существует. Шизоид бывает стеснителен и уединяется. Уединяясь, занимается интересным для него делом и часто преуспевает в нем. Но это не носит соревновательного характера. Просто делает что-то для него интересное и достигает в этом успеха. Нет собственно гиперкомпенсации, скорее просто компенсация.

Психическая защита у шизоида развита слабо, он легкораним. И если на него кто-то «наезжает», то он переживает. Некоторые любят распекать, высмеивать. Такой начальник скорее всего добьется того, что шизоид не только не сможет участвовать в мозговых штурмах, но и вообще утратит дар речи вместе с творческим даром. С шизоидами стоит быть деликатными из гуманности, так как у них все же может возникнуть комплекс неполноценности.

Но не только поэтому. У психиатров по отношению к шизо-френическому дефекту есть выражение «феномен дерева и стекла». Это означает эмоциональную нечувствительность и в то же время ранимость. Нечто подобное отмечается и у шизоидов. Шизоидный человек, будучи эмоционально не слишком отзывчивым, но при этом ранимым, может язвительно защищаться, и это уже для неделикатного человека опасно, поскольку шизоид умен и остроумен.

Отношения с людьми

У шизоидов складываются непросто. Им трудно так выражать мысли, чтобы их легко поняли. Еще труднее быть понятыми в их психологических переживаниях, прежде всего потому, что они косноязычны, говорят с паузами, невыразительно или даже с неадекватными интонациями; сопровождая речь неадекватной же мимикой.

Поэтому **общаются они избирательно** — с теми, кто понимает их духовные запросы, кто может поддержать интеллектуальный разговор. Шизоид рад общаться и с человеком более эрудированным, чем он сам, и с людьми менее эрудированными. Обычно он не высокомерен, склонен принять чужую точку зрения и спокойно разъясняет свою. Ему интересно содержание поднятой темы. Но он может быть и высокомерен, если это касается его творчества и профессиональной состоятельности.

Шизоиды предпочитают одиночество и не хотят никого пускать в свой внутренний мир. Шизоидка ведет себя по принципу: пусть на меня не обращают внимания, и я не обращаю внимания. Шизоид ходит в одиночку в туристские походы, чтобы уйти от общения с обыденным окружением. В одиночестве часто онанирует, переживая само одиночество и устроясь тем «вредом», который врачи прошлого приписывали онанизму. Впрочем, в результате чтения разных книг, в том числе на сексуальные темы, переживания относительно приписанного вреда сейчас все реже. Но онанизм заставляет как бы обращать лишней раз внимание на сексуальное одиночество и страдать от него сильнее.

Когда я написал «предпочитают одиночество», я не имел в виду «любят одиночество». Шизоид стремится к уединению, если ему трудно с определенными людьми, а не вообще стремится быть один. Шизоиды рады бы общению, но не доверяют многим, боятся ударов по психике. Поэтому сближаются они далеко не сразу. А значит, и не набирают большого круга общения.

■ *Все же как-то они общаются. Больше с такими, как они сами, одиночками и больше по интеллектуальным интересам. Делятся своими идеями, ходят друг к другу в гости, засиживаясь допоздна, обсуждая отвлеченные проблемы, прокуривая воздух, квартиру, дом. Сигаретный дым в их доме — это своего рода психологическое сопровождение их дружбы.*

Для шизоида **старый друг лучше новых двух**, не то что для истероида и паранойяльного. Дружат они годами, расширяя круг общения по воле судьбы.

Шизоиды при определенных обстоятельствах могут быть даже откровенны, «подставлять живот». Но тому, кто проявил уже известную надежность, интеллектуальное средство.

В школе шизоиды иногда дружат с хулиганьем, которому дают списывать, точнее, хулиганье «дружит» с ними.

Шизоид в своей жизни **редко прибегает к вранью**. Это не истероид и не паранойяльный, которые используют ложь в манипулятивных целях, и не гипертим, который врет просто потому, что надо о чем-то болтать, а настоящей темы для разговора нет. А шизоиду зачем врать? Он ничего не выгадывает. Удовольствие его — в размышлениях, поэтому, чтобы получить удовольствие, ему юлить не надо.

Шизоиды не как эпилептоиды и психастеноиды, но достаточно надежны. Вовремя отдадут долги, выполнят обещанное, слов на ветер не бросают. Они договариваются, а не манипулируют. Договоры выполняют. Запишут — выполнят. Шизоид более или менее дисциплинирован, редко опаздывает. Он формалист. Доверять ему в целом можно, он не вероломен. Но он может забыть об обещании, не совсем

как гипертим, но уж и не как эпилептоид. Шизоид может просто заработать и забыть. Спыхватывается: неудобно, но обещание не выполнено.

Шизоиду безразлично его доброе имя, но и благодарности особой от него не стоит ждать, он суховат.

Шизоид не будет жертвовать собой ради идеалов, но и жертвоприношений тоже не потребует, так как не ставит перед собой особых целей, для него нет сверхценностей.

Справедливость шизоидная — тоже некая безэмоциональная формальная абстракция.

■ *Этакая справедливость судьбы из романа Агаты Кристи «Десять негритят».*

Там, правда, он и суд творит, и приговор приводит в исполнение. Я имею в виду ту безэмоциональность, с которой он творит этот суд.

И добро шизоид творит абстрактное, это некое служение какому-то абстрактному идеалу. Шизоид не чувствует благоденствия и по отношению к себе. Если он не просил, а ему что-то сделали хорошее, он и не поймет, что это благоденствие.

В отношениях с людьми шизоид в целом, можно сказать, формалистичен, схож в этом с эпилептоидом. Но для эпилептоида важно, что он блюдет общественный интерес, а для шизоида важна именно форма, формула.

Субъект-объектность

Шизоид не то чтобы считает себя центром общества, а других объектами, но он как бы фихтеанский солипсист. Немецкий философ Фихте довел идею субъективного идеализма до абсурда: если все, что вокруг меня, существует только в моих ощущениях, значит, реален только я один (solus по-латыни «единственный»). Так вот вокруг него вообще как бы нет людей. И в этом смысле он ведет себя субъект-объектно.

Он не заботится о семье. Семья заботится о нем. Он как бы в семье и одновременно вне ее. Он в рабочей группе — и вне ее. Он «вечности принадлежит». Один художник и поэт (в одном лице) так написал о себе.

Я вечности принадлежу.

По ее заказу линолеум я режу по ночам

И складываю столбиками строчки.

А людям, не всем, конечно, это невдомек.

То форму на меня они наденут солдатскую.

То выльют на меня своих суждений теплые помои.

То оштрафуют за проезд свободный в троллейбусе.

Это не бред величия, это просто видение себя **рядом** с миром людей.

Эмпатия

С этим у шизоида плохо. С рефлексией хорошо, а с эмпатией — никуда. **Не чувствует он другого человека, не улавливает чужого настроения, не ощущает явно неприязненного отношения к себе.**

Он не вполне понимает, что в нем может вызвать юмористическое к нему отношение, не чувствует, насколько сам задевает человека своими замечаниями, не понимает, что уже надоел. Будучи часто остроумным, шизоид направляет юмор на собеседника, не задумываясь, насколько его шутки безобидны.

Все это можно назвать **аутическим эгоцентризмом**, в противовес истероидному демонстрационному эгоцентризму. Вот яркий пример такого аутического эгоцентризма.

■ *Шизоид Гегель в свое время читал лекции одному записавшемуся к нему студенту. Это был Людвиг Фейербах, который, как нас учили «классики марксизма-ленинизма», и положил конец немецкой классической философии и «материализм которого Маркс соединил с диалектикой Гегеля».*

Испытывая необходимость какого-то общения, шизоиды идут в библиотеки, сидят рядом с другими людьми в читальнях, заходят в книжные магазины. Даже занимаются зимним подледным ловом (поодаль такой же сидит у проруби, и на уровне бессознательного в голове крутится: все же не один сажу).

Отношение к животным

При недостаточности эмпатии шизоиду проще общаться с животными. И вот мы видим шизоидов с непородистыми собаками. Шизоид скорее пригреет дворняжку и даже несколько, чем возьмет щенка ротвейлера, требующего серьезной заботы. Любит кошек. Животные не обманывают, с ними не надо юлить, накормил — и все интриги. А все — тварь живая, можно и поговорить. **С животными ему легче, чем с людьми.** Он разводит аквариумных рыбок, черепах, змей, крокодильчиков. С этими еще меньше хлопот. Или вот ловит удочкой рыбу: рыбка клюет или не клюет — вроде бы общение. Часто мы видим на улицах людей, которые кормят птиц, бродячих животных. Скорее это шизоиды. Гипертим, если у него лишняя булка в кармане, тоже отдаст ее на улице собачке-бродяжке. Но это при случае. А шизоид делает это систематически. Истероидка будет лелеять свою болонку, эпилептоид — своего сторожевого пса, паранойяльный вообще никого не пригреет.

Нонконформизм

Свойствен шизоиду, но он иной, чем у паранойяльного, не бунтарский, а интеллектуальный. Что-то, например, придумал в оргтехнике. Удобно, интересно, не как у всех. При этом «я не внедряю это; я только сам использую». И делается это без демонстративности, без противопоставления общественному вкусу. Истероид — тот **рядом с народом**: «Я не хочу сливаться с массой. Превыше всех житейских благ я бы ценил возможность красный носить на улице колпак». Паранойяльный **над народом**. Шизоид не сливается с народом, он вне его и далек от него, именно «вне», **на расстоянии**.

Шизоид не следит за модой — это тоже своего рода нонконформизм. Он не рвется к богатству и не делает карьеру — и это проявление нонконформизма, как и многое другое из того, что читатель обнаружит о шизоиде в предшествующих и последующих главках.

Шизоид пренебрегает и этикетом. Этикет для него — лишнее. Разве возможно мыслить об устройстве мира и одновременно думать об этикете?

Самолюбие

У шизоида оно не такое обостренное, как у паранойяльного, истероида и эпилептоида, — в силу достаточной самокритичности, рефлексии, отстраненности. Он может психозащитно сказать себе, что он действительно что-то недостаточно хорошо умеет, но ничего плохого в этом нет. Ты меня, мол, критикуешь, но ты менее развит в другом отношении, что же мне на тебя обижаться, зато что-то другое я умею лучше. И в результате он не так остро переживает критику. Он следует совету Пушкина внимать равнодушно добру и злу и не «оспоривать глупца».

Личное авторство не так значимо для шизоида. Он не слишком сердится по поводу плагиата. Он еще придумает множество идей, стоит ли переживать, что кто-то украл какую-то одну.. Значит, мысль хороша. Но казуистическое шизоидное мышление может и еще кое-что изобрести. Один шизоид послал плагиаторам письмо **с просьбой выдать справку о внедрении**, «иначе — судиться». Выдали справку.

Юмор

У шизоидного человека он смысловой, а не буффонный (чего больше можно ждать от истероида и гипертима). Часто, увы, черный. Шизоид не будет говорить своему ребенку, что его «пальцем делали». Это скажет своему ребенку гипертим. Его черный юмор изощреннее: «Вот, оказывается, в сырости-то что заводится...» И это «любя», потому что подразумевается, что, мол, какая ты прелесть. И ведь не откажешь

этой фразе, несмотря на ее мрачноватость, в добротности. Или юной милой жене муж говорит: «Поцелуемся перед смертью!» А ведь и в самом деле: не после же смерти. Когда я старался отучить себя от мясоедства, то придумал фразу: «Прихожу домой, открываю холодильник, а там труп курицы, торчит когтистая лапа, на ней остатки недощипанных перьев, кожа — в пупырышках, а на ней синюшные трупные пятна».

■ *Прекрасный пример гуманистического черного юмора (и так бывает) в «Чуде, сотворенном сорокой» Анатоля Франса, Гильом, как обычно, заснул голодный на своей колокольне, продуваемой всеми ветрами, «Ему приснилось, что некая жена совершеннейшей красоты целует его. Но, пожелав вернуть поцелуй и протянув к ней губы, он тут же проглотил двух или трех мокриц, ползавших по его лицу. Их легкое прикосновение и принял за поцелуй его погруженный в дремоту разум».*

Часто юмор шизоидов носит обличительный характер. «Богатство священо во всех государствах, в демократических государствах священо только оно» — это опять Анатолий Франс. А в условиях нашей действительности я видоизменил эту фразу: «Богатство священо для всех слоев общества, для российской интеллигенции священо только оно». Не удержусь процитировать и слова великого шизоида Хорхе Луиса Борхеса: «В 1515 году отцу Бартоломе... стало жалко индейцев, изнемогавших от непосильного труда в аду антильских золотых копей, и он предложил императору Карлу Пятому ввозить негров, чтобы в аду антильских золотых копей изнемогали негры».

Юморотворчество шизоида напрямую связано с его нестандартным мышлением. Чтобы увидеть смешное, надо таким мышлением обладать. Шизоид увидит сходство оттопыренных ушей с крыльями и выщаст это в виде оригинальной язвительной шутки.

Я уже писал, что с юмором надо быть осторожнее, в особенности по отношению к паранойяльному и к эпилептоиду. Даю такой совет в первую очередь шизоидным людям, которые могут быть талантливыми сатириками. Следует это учитывать и гипертимным людям, у которых шутки неглубокие, но тоже могут задевать. Если же истероид начнет соревноваться с шизоидом на ниве юмора, то раздражит его, и тот уж высмеет по полной программе, поскольку шизоид продуцирует юмор, а истероид обычно только цитирует.

Впрочем, иногда шизоид вынужденно принимает на себя роль шута, и тогда ему становится тяжело. Это не гипертим, который «шут, он и есть шут», это все-таки хрупкий, ломкий шизоид. А берет он на себя личину шута поневоле. Кстати, и шуты при дворах королей — того же короля Лира — были именно шизоиды, которые чаще всего умнее королей. Они умничали и язвили, потому что у королей было¹ модно позволять такую меру свободы слова... Но если шизоиды становятся неуправляемыми, язвят не по статусу, их одергивают. Да и короли одергивали шутов, когда те переходили меру дозволенного.

Оценка

Другим людям шизоид оценки чаще дает отрицательные. Поскольку он много знает в науке, следит за специальной литературой и периодикой, то может и поймать кого-то на незнании неких фактов или интерпретаций, теорий или авторов. И все же шизоид оценивает людей более беспристрастно, чем другие психотипы: ему важна истина. А эпилептоид больше блюдет букву закона. Для истероида важнее себя показать, чем отстоять истину. О паранойяльном и говорить нечего — все подгоняет под свою доктрину. Даже психастеноид норовит больше себя обвинить. А шизоид — этакая умственная беспристрастная телекамера.

Бессребреничество

Для шизоида важны интеллектуальные ценности.. Ему несвойственно накопительство. Он не ставит цель нажить имущество. Он не «зарабатывает», не гонится за деньгами, тем более за большими: для этого надо ловчить, врать, воровать, убивать. Ему несравненно лучше посидеть-поразмышлять за книгой, за компьютером. Если ему платят за его творчество, то он рад. Не платят — будет заниматься бесплатно своими разработками или (бесплатно же) с людьми, которые ему внимают. Зарабатывает он обычно мало, и деньги у него не держатся.. Он тратит их на книги, на канцелярские принадлежности. Из-за этого бывают трудности в семье, если жена его «не понимает».

Страдания

Это чувство для шизоида — некое **инобытие радости**. Это для него тоже проявление жизни. Все надо испробовать, в том числе и страдания. Сократ, когда умирал, приняв яд, спокойно рассказывал, что он испытывает. Врачи XIX века прививали себе заболевания, чтобы найти ответы на научные вопросы. Понтер ввел себе «материал» от венерического больного с целью понять, разные ли заболевания сифилис и гонорея. И на 50 лет утвердил ошибочное мнение, что это одно и то же: по иронии судьбы, у больного было и то, и другое.

У шизоидов к страданию философское отношение, как и к смерти: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Страдание, по В. Франклу, имеет большой смысл: оно позволяет острее чувствовать счастье, оно очищает душу. Вряд ли мы заподозрим в таком отношении к страданию паранойяльного, гипертима, истероида и эпилептоида.

Суицид

У шизоидного человека это не крик о помощи, как у истероида. Для шизоида это значит, что «не сложилась картина мира», «мне не подходит такое человечество» или просто «надоело обуваться и разуваться». «Расстанься с жизнью, Евкрит, подобно тому как зрелая оливка срывается с ветки, воздавая хвалу дереву, на котором она росла, и благословляя вскормившую ее землю». Тут он вынул из складок хитона обнаженный кинжал и вонзил его себе в грудь». Так описывает великий Франс добровольный уход из жизни шизоида-стойка.

Учение

Шизоид в отличие от эпилептоида учится неровно. Он может пренебречь какими-то занятиями. Правда, это происходит не из лени, а ради других предметов. Так что в какой-то области он знает очень много, а где-то — провалы. Или лучше сказать иначе: где-то провалы, но очень много знает. Потому что он много занимается, сидит за книжками дома, в библиотеках, в книжных магазинах, роется в справочниках, конспектирует. Здесь он похож на паранойяльного, но его интересы более разнообразны.

Как и паранойяльный, он читает сразу несколько книг. Но если паранойяльный выкапывает из них только нужное для его моноидеи, то шизоид, если даже и не дочитывает их до конца, все же прорабатывает фундаментально. У истероида тоже много книг, открытых на разных страницах, но из каждой книги он хватается по фрагменту, которым может блеснуть.

Шизоид, учась в вузе, часто ходит в несколько разных научно-студенческих кружков, на разные курсы, в другие вузы.

Оценок у него больше хороших и отличных. Но это непринципиально для него. **Он учится потому, что интересно.**

Творчество у шизоида, как и у паранойяльного, начинается со школьной скамьи.

В период обучения в вузе шизоид иногда обрастает истероидами и гипертимами, которые норовят у него «списать» и обеспечивают ему, со своей стороны, «связи», общение, некоторую уверенность в себе, защищенность, знакомство с противоположным полом. Получается некий симбиоз. Впрочем, истероиды склонны манипулятивно выманить у шизоидов интеллектуальную собственность и «не расплатиться».

Интересно, кто куда поступает.

■ У шизоидов и психастеноидов склонность больше к математике и философии. Здесь требуется умение абстрактно мыслить, хорошая комбинаторика. Так что математические и философские факультеты полны шизоидными «Шуриками» из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Психологические факультеты крупных университетов (тех, что были университетами «до перестройки») тоже забиты шизоидами. Их предостаточно и среди дипломированных психологов.

В психиатрии — и то меньше. Почему? Причин тут много. Сравним. Истероид — «стихийный практический» психолог, он практикует психологию в **обыденной жизни**: интригует, всеми

манипулирует. Он поступает на психологический факультет, чтобы **полюбоваться собой** в психологии: я психолог, а вы автослесарь? Но все же истероид скорее пойдёт в театральный, а не на филологию-философию-психологию. Шизоида же мама с папой манипулировать не учили, но почти всех шизоидных людей очень интересует, как работает психика, какие там внутренние механизмы и у него самого (рефлексия), и у других. Шизоида вообще интересуют всякого рода механизмы, он и автослесарь поэтому хороший. Вот он и идет в психологию, чтобы разобраться в механизмах памяти, во взаимодействии восприятия и мышления, в структуре мировоззрения, в технике общения.

Кроме того, шизоиды более рефлексивны, острее осознают свои проблемы и хотят их решить через приобщение к профессии психолога.

Но есть еще объяснение. Психология отпочковалась от философии. Это коснулось не только науки, но и образования. Были некогда факультеты философии в больших университетах, и от них затем отпочковались психологические факультеты. Ну а философы, как мы уже поняли, — большей частью шизоиды. К тому же прием на факультеты психологии — через экзамен по математике. (В МГУ его обычно проводят преподаватели с механико-математического факультета.) Попробуйте здесь пробиться, если вы принадлежите к истероидам, эпилептоидам, гипертимам или, чего больше, к сензитивам. А между тем эти психотипы очень нужны делу психологии.

■ *Кто быстрее научит того же шизоидного человека выразительной речи и пластике: шизоид или все-таки истероид? Да и менеджментом в деле психологической помощи людям все же, может быть, лучше заняться психологу-эпилептоиду. А тренинги психологической активности пусть лучше проводит гипертим. И тут уже не важно, что они недостаточно понимают философскую глубину неких психологических концепций, важно то, что в «психологии помогающей» они приживаются быстрее.*

Поймем, что **психология** — **БОЛЬШАЯ**, что в ней «мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Нельзя, чтобы в психологии работали только шизоиды.

На собеседовании при приеме я, например, обращаю внимание не только на то, как студент улавливает сходство мировых религий, но и на то, насколько пластично он поднимает с пола уроненный предмет. Я отдаю предпочтение абитуриенту, который напишет «сноведение» (научим, это несложно), но расплатится в ответ на саркастический выпад по поводу такой вот грубой орфографической ошибки.

В то же время нельзя и слишком облегчать психологию. Нельзя, чтобы вместо серьезных тренингов проводилась только гипер-тимная развлекательная культмассовая работа. Глубина проработки проблем тоже не помешает. Итак, да здравствуют шизоиды!

Работа, карьера

Шизоиды — формалисты, на работу обычно не опаздывают. Но это обычно. В связи с их общей неординарностью с ними может по дороге что-то случиться, поэтому иногда и опаздывают. Рабочее место у шизоида не обустроено, кругом беспорядок, мебель расшатана, он еще ее и сам расшатает.

Шизоид может работать на низкооплачиваемых должностях. Для него главнее быть в обойме людей, утоляющих свою любознательность за счет государства. Это вечный МНС (младший научный сотрудник).

Организация труда у него слабенькая. Записи о делах — на листочках, которые вечно теряются в карманах, записи трудно разобрать — стираются.

Шизоид не в состоянии сам построить свою карьеру. Ему нужен импресарио. И если этот импресарио окажется проходимцем или даже преступником, шизоид не откажется ради карьеры от беспринципного проекта. Он скорее зауважает своего «толкача» за нестандартность маркетингового мышления.

Но чаще шизоид просто работает, становится Мастером, и его повышают.

Политика

Власть и шизоид чаще «несовместны». Он не стремится к власти и старается не подчиняться власти. Это паранойяльный — вождь. Это эпилептоид берет под козырек. А шизоид — пассивный оппозиционер. Не лезет в лидеры и гипертим, но тот считает себя народом, а шизоид опять-таки отщепенец.

Шизоид может на некоторое время включиться в политику. И все же его дело скорее наука. Он предлагает концепции, но не навязывает идеологию. Но если шизоид в сфере общественных наук выдает только абстрактные построения, то паранойяльный почти всегда мысль асоциального шизоида переводит в социально значимую плоскость, а это уже может привести к каким-то социальным переменам (как и с формулами, которые могут сдвинуть горы).

Впрочем, иногда шизоиды участвуют в общественной сфере и в более практическом аспекте: пишут тексты малограмотным политикам, а то и диссертации. Но **от прямого участия в политике шизоиды уходят**. Им неприятна подкованная возня, PR-технологии, неприятны далекие от науки и искусства личности политиков, а интересны создаваемые «в башне из слоновой кости» научные концепции и высокое искусство.

Но именно это и чревато трагедиями для народа. Наплодив утопических социальных идей и отнюдь не утопических естественно-научных технологий, шизоидная интеллигенция под благовидными мотивами уходит от политики.

■ *То есть, прямо скажем, передает в руки паранойяльных политиков и их эпилептоидной гвардии средства, которыми те не могут разумно распорядиться.*

Безответственность шизоидов-ученых не только в том, что они выпускают джинна из бутылки, но и в том, что выпускают ее из своих рук, отдавая ее в руки паранойяльных политиков. А спохватываются поздно, да и что, даже спохватившись, мог поделаться Сахаров с Хрущевым и Брежневым... Драма Опенгей-мера и Теллера, которые разработали Трумэну атомную бомбу, обыгрывается уже в кинофильмах. Но никакие психоаналитики не смогут облегчить муки их совести, связанные с устроенной ими японской трагедией.

Эти шизоидно-паранойяльные отношения дают повод гётевскому Мефистофелю зло ехидничать над «смешным божком Земли», то есть человеком:

*Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить, —
Чтоб из скотов скотиной быть!*

Роли в религии

В религии шизоид — теолог, то есть он философ и в религии: Фома Аквинский, Тертуллиан. Чаще он разрабатывает просто философские идеи идеалистического толка, а их уже берут на вооружение паранойяльные религиозные деятели. Они делают шизоидного автора идей своим предтечей, взяв у него, как мы уже говорили, ту или иную умную или безумную идею. Расширяют, углубляют, видоизменяют, систематизируют и абсолютизируют ее, иногда выдают за свою. Так, христианские вероучители многое взяли у Платона.

Русские иконописцы были шизоидами — судя по иконам, а не по кинофильмам, пусть и хорошим. Хотя Рублев у Тарковского в определенной мере может служить иллюстрацией к сказанному. А вот Феофан Грек — этот скорее паранойяльный. Ангелы его — с дьявольскими ликами.

Наука

В науке шизоиды практически всегда **генераторы идей**. В составе научной группы они и должны выполнять такую роль. Руководитель проекта поступит правильно, если даст шизоиду волю. Конечно, при условии, что тот все-таки хороший профессионал. Пусть даже на работу не приходит. В свое время, когда в моде были физики, а не бухгалтеры (как сейчас), бытовало мнение, что если физик идет на рыбалку, то это нужно для физики. И в самом деле, настоящий ученый везде будет думать о занимающих его проблемах.

Известно ведь, что закон всемирного тяготения пришел Ньютону в голову, когда он отдыхал под яблоней. А Менделеев так даже во сне думал. И ведь придумал же... Не пустяк какой-нибудь, а периодическую систему, которая упорядочила весь мир химических элементов. И не просто упорядочила, а позволила в дальнейшем открывать новые элементы и даже создавать не обнаруженные в природе.

■ *Один крупный банкир решил получить психологическое образование. Я его консультировал по разным аспектам психологии, в том числе по личностной. Как-то он пожаловался, что у него есть один нарушитель дисциплины, с которым он никак не может справиться. Я спросил, почему он его не увольняет. «Ну, потому что негуманно, потому что профсоюз и все же он выполняет определенный объем работ, все-таки терпеть можно, а увольнять — себе дороже».*

Мы с банкиром пришли к выводу, что служащий этот — шизоид. И я банкиру посоветовал **дать этому шизоиду волю** (как уже говорилось выше). Через некоторое время, совсем небольшое, ошалевший от воли шизоид стал придумывать одну за другой сногшибательные коммерческие комбинации.

Когда мы говорили об учении, было отмечено, что шизоидов много в математике. Но их много и в физике. В юности я много работал в обществе «Знание», по линии которого мне часто приходилось читать лекции в Московском физико-техническом институте. Там среди студентов редко можно было увидеть девушек. Почти все — мальчики, и почти все шизоиды. И я тогда в шутку говорил своим коллегам-психиатрам, что сейчас вот читаю цикл лекций «физоидам».

В науке у шизоида нет долгосрочных программ, но есть долговременные интересы. Он может копаться в проблеме, не ставя определенных целей. Копается долго и обязательно что-нибудь найдет.

Профессии

Шизоиды больше предпочитают рабочие профессии, где требуется смекалка, автослесарное дело например. Из них получаются бухгалтеры и экономисты и, конечно, ученые-теоретики разного профиля. Но не предприниматели.

Меня интересует разработка моделей клубов — самых разных.

■ *Было дело, я создал клуб для предпринимателей. Приходили разные люди, в том числе и шизоиды. Они поверили в перестройку и решили, что смогут разбогатеть честным путем. Практически все террели финансовый крах, потом бедствовали, выкручивались, впадали в депрессию. Декламировали две фразы: «если бы знали раньше» и «никогда больше».*

Шизоиды вынуждены преподавать: они ведь ученые. Но хороший ученый и хороший преподаватель в одном лице — явление нечастое. Шизоиды плохо и запутанно строят речь плюс упомянутая много раз «каша во рту»: плохая дикция, дизартрия, скороговорка. Если шизоидному ученому приходится преподавать, он должен с уважением относиться к студентам и стать хорошим преподавателем: выправить свою речь — и письменную, и устную. Но вообще преподавание — не их профессия.

Катализатор

О шизоиде, как и о паранойяльном, можно сказать, что **он — катализатор процессов в обществе**. Часто вокруг интеллектуального шизоида собирается интеллектуальная элита. Он не подбирает ее, она сама вокруг него вьется. Сидят, пьют пиво, прокуривают помещение и решают разные мировые проблемы.

Но возьму на себя смелость и «скажу больше».

Паранойяльный, конечно, — непосредственный устроитель процессов в обществе. И в этом смысле он вроде бы скорее, чем шизоид, может быть назван катализатором. Но ведь паранойяльный питается идеями шизоидов, перерабатывает их. Так что шизоиды — катализаторы через посредство паранойяльных. Шизоидный Руссо, о котором Лион Фейхтвангер написал роман «Мудрость чудака», вызвал к жизни чудовищную силу под именем

Робеспьер (паранойяльнее не бывает). А тот уже послал на гильотину множество людей, а потом и самого себя. Так что шизоид — тоже **катализатор**.

Псевдонимы

Псевдонимов шизоид, как правило, не берет. Еврейская фамилия у ученого так и останется еврейской. Вот только члены Союза советских писателей были с псевдонимами скорее для сокрытия своего имени, чем из стремления к символам. С еврейскими фамилиями в условиях государственного антисемитизма практически невозможно было добиться публикации.

Секс

У шизоида секс умозрительный. Чаще, чем у других психотипов, он существует отдельно от любви. Он для шизоида сам по себе ценность, даже если это мастурбация. Шизоид самодостаточен для себя, может жить и одинокой жизнью, тогда мастурбация и спасает. Но и сама по себе она ценна для него. Вот если бы только не запугивание со стороны врачей.

За это грозили в XIX веке сухоткой спинного мозга, в XX веке — импотенцией. И это доставляло шизоидам немало трудностей при их ранимости.

Но в наши дни уже, когда одной шизоидной девочке мама пригрозила: «Будешь там трогать — отрастет как у мальчика», — волнений было немного: «Ну и пусть отрастет!»

■ *Секс шизоид организует, как организовывал бы индивидуальное частное предприятие. Минуту восемнадцать, и юная дама говорит себе, что пора переходить от рукоблудия и словоблудия к делу. И предлагает своему нерешительному приятелю: «Можешь искать себе, кого хотят тебе твои родители, а пока давай поизучаем твои и мои половые органы, твою и мою сексуальную физиологию и психологию — ведь тебе тоже не с кем, как и мне».*

Другой шизоидный интеллектуал заявил, что в отношениях вообще не должно быть любви. Любовь, мол, начинается с грязных побуждений — выйти замуж и отхватить часть жилплощади или просто обворовать, — а кончается дразгами в кругу друзей, а то и в суде. Сначала, дескать, предаюсь тебе, а потом предаю тебя. Так что, по его мнению, «лучше чистый секс — без грязи любви!».

Такая шизоидная казуистика не означает, что для шизоида исключены чувства и привязанность, они потом могут прийти. Но это означает, что секс у них не является обычно продолжением любви: люблю, изнемогаю, отдаюсь, — как чаще бывает у других психотипов.

А если и является, то все тоже носит несколько умозрительный характер. Шизоид и в сексе скорее доберется до нужной литературы и сверит с ней свет представления. Вспомнились супруги с Кольской АЭС?

Поэтому же и любые сексуальные вольности умозрительно шизоидами одобряются, это эксперимент на себе, какой же тут грех. Так что и в гетеросексуальной паре секс у шизоида «с выдумкой», изощренный. Практикуется игровой садо-мазохизм — именно игровой. При этом игра может быть и не такая уж поверхностная. Оператор телевидения — мазохист — на одной из моих консультаций рассказал, что одна проститутка наобещала ему бог знает какие «золотые горы», а на самом деле оказалась чистая халтура — в угол поставит и больше ничего не делает. Понятно, и гомосексуальность, тоже умозрительно-игровая, не чужда шизоиду. Бывает и вынужденная: если нет возможности осуществить сексуальные отношения с человеком противоположного пола, то все же человек своего пола лучше, чем полное одиночество. Но чаще у шизоида проявляется не облигатная (обязательная) гомосексуальность, а бисексуальность. Групповой секс возможен как вариант; но это бывает редко — его организовать еще сложнее.

Секс у шизоида до брака — от случая к случаю, несчастый. Другие психотипы более активны в организации своей сексуальной жизни. С другой стороны, ему трудно найти себе человека, с которым можно в достаточной мере интеллектуально и душевно сблизиться. Поэтому шизоид стремится к уединению, в процессе которого время от времени прибегает к онанизму с усложненными умственными фантазиями, охватывающими многое: фетишизм (трусики важнее, чем половые органы), присутствие третьего человека, сцены реализации эдипова комплекса (у женщин — комплекса Электры). Так что шизоид — он и в науках шизоид, и в сексе.

Любовь, брак, семья

В любовь у шизоида тоже **привносится интеллектуальный компонент**. Полюбить можно умного, знающего, оригинально мыслящего человека. Умную, понимающую мои интеллектуальные запросы женщину. У шизоидов нет претензий к внешности. Ему в ней не надо лебединой шеи и цыганского пения под гитару. Тем более ей не нужен в нем внешний лоск. Часто они оба любят природу, науку, животных, чтение. На этом и сходятся. Живут вместе долго. Если потом его окрутит молоденькая, он может с интеллектуальной ложью на устах бросить жену, с которой прожил много лет. Но чаще он никому из молоденьких не нужен, а «старый конь борозды не портит», да и шило на мыло к чему же менять. Измены редки по тем же причинам.

Мы уже писали, что шизоид не заботится о семье. Дети заброшены дома. Могут оказаться в интернате. Они ведь создают некоторую помеху для творчества, которое интереснее. Это с определенной долей интеллектуального цинизма психозащитно оправдывается: о моем ребенке, дескать, позаботится человечество.

■ *Но может случиться, что ребенок для шизоида — тоже объект творчества: можно учить его, разучивать с ним стихи, наблюдать, как он развивается, читать оригинальную педагогическую литературу и тут же применять прочитанное к ребенку.*

Отдых и хобби

Шизоидам свойствен интеллектуальный романтизм, они едут «за туманом и за запахом тайги», там фотографируются, а теперь делают и видеofilмы, потом собираются в квартирах, на кухнях и пережевывают эти природоведческие походы.

Есть, как уже упоминалось, шизоиды, которые идут в походы, чтобы уйти от общения с обыденным окружением. В принципе они предпочли бы все-таки **совместный** поход с себе подобными. Но уйти от обыденного неинтеллектуального окружения для них важнее. Иногда они склонны даже потерпеть окружение чуждых людей и чуждую обстановку, чтобы заняться любимым хобби.

■ *В поселке Чегет на лыжной базе я встретил женщину-инструктора по горным лыжам. Худенькая, бедно одетая, поселившаяся в одном из самых дешевых номеров — в «трюме», как это называли (почти в тюрьме), она занималась с начинающими в «лягушатнике», чтобы потом, освободившись от них, спускаться на горных лыжах в одиночном полете с горы Чегет.*

Шизоиды поют бардовские песни, собирают аудио- и видеозаписи, входят в клубы самодеятельной песни.

Шизоид никогда не отдыхает полностью даже в свободное время. Он всегда что-то пишет, о чем-то размышляет.

Наиболее частое хобби — коллекционирование. Это могут быть книги, музыкальные записи, насекомые, кактусы, редкие вещи. Но коллекции обычно не дорогостоящие (это удел исте-роидов и паранойяльных). Иногда собирают что-нибудь весьма экзотическое: косточки плодов, ядовитые травы. Любимый спорт — шахматы.

Отношения с другими психотипами

«С другими психотипами» — это статистическое соотношение, это сочетание черт других психотипов с шизоидностью, это отношения-общение с разными психотипами.

Со статистикой дело обстоит так. Среди всех психотипов процентов пятнадцать — шизоиды. Женщин и мужчин среди всех шизоидов примерно поровну. Все это пока мои интуитивные наблюдения.

Исследовать статистические соотношения имеет смысл, но разве что из праздного интереса. Можно удовлетвориться и этими вот интуитивными наблюдениями.

А вот о сочетании шизоидных особенностей с чертами других психотипов имеет смысл поговорить чуть подробнее.

■ *Часто к шизоидным чертам присоединяются истероидные. Но не положительные, а отрицательные. И тогда шизоидная диспластичность дополняется навязчивой демонстра-тивностью. Это выглядит смешно и нелепо. А если шизоидный интеллект соединяется с певучими истероидными интонациями, как это бывает у учительниц литературы, то впечатление от других отрицательных шизоидных качеств сглаживается.*

В этом и заложен путь к успеху. Но часто, к сожалению, мы встречаем именно первый вариант, а не второй.

Паранойяльные черты шизоид приобретает реже, чем истероидные. Бывает, что в процессе шизоидного интеллектуального «свободного плавания» и на фоне успехов в нем возникает некая целеустремленность. Этот вариант был бы неплох, если бы цели, которые ставит шизоид, были всегда благородными.

А так ведь безответственность за клонирование и другие виды генной инженерии, за манхэттенские проекты и трансплантологию утяжеляется нарабатанной паранойяльностью, тем упорством, с которым «паранойяльные шизоиды» добиваются результатов. Вот если бы все шизоиды обладали нравственностью Коперника, который не печатал свой труд по гелиоцентрической системе мира только потому, что считал это несвоевременным. Он боялся внести смуту в умы своим открытием — всего-навсего в умы, а не в вопросы войны и мира (а сейчас речь не просто о войне, а о мировой войне).

Теперь об отношениях шизоида с другими психотипами и общении с ними.

Шизоидам трудно ладить с истероидами, у них нет общих интересов, мы их почти и не видим вместе. А если они и встречаются, то истероид посмеивается над шизоидом за его пренебрежение к моде, а шизоиду с истероидом просто не о чем разговаривать. С истероидной женой у шизоида вечные конфликты из-за малых заработков.

О том, что шизоид — поставщик философско-умозрительных идей, а паранойяльный — их разработчик и борец за их внедрение, мы уже столько раз говорили, что извинимся за лишнее напоминание об этом.

Общение в системе «шизоид — шизоид» частично уже было проиллюстрировано в эпизоде с Гегелем и Фейербахом. А если перевести на бытовую почву, то общаются они обычно с себе подобными одинокими братьями по интеллекту, обсуждают свои зачастую безжизненные проекты за пивом-водкой, экстрасенс-сеансами, сигаретничают, прокуривают за разговорами лестничные клетки, грузят друг друга своими проблемами и идеями, экспериментируют с гравитацией-левитацией, демонстрируют то «телекинез», то свою эрудицию... Они стихийно возникающими стайками собираются в курилках библиотек, но и читают там очень много, в отличие от демонстрирующих свою приобщенность к интеллектуальной элите истероидов. Собираются в квартирах друг у друга, пьют кофе, засиживаются допоздна. Наутро с тяжелой головой отправляются читать или слушать лекции. И расплывчатость их позиций усугубляется еще и туманом в голове от бессонного времяпрепровождения.

С эпилептоидами у шизоидов вечные конфликты на почве беспорядка в вещах. Возникают они и с психастеноидами из-за любви последних к чистоте и пренебрежения ею со стороны шизоидов.

Происхождение шизоидов

Среди шизоидов, как и среди других психотипов, наблюдается феномен психотипных династий. Отец копается в механизмах или пишет свою «философию» — и сыну ничего другого не остается. Эмоциональной поддержки иного рода (теплоты, ласки, восхищения, даже осуждения) ребенок не ощущает. Шизоидная мать поможет решить трудную математическую задачу, но не приголубит.

■ *Вот и плодятся интеллектуальные тараканчики, неприкаянные, непричесанные, неприспособленные.*

Это не считая генов и образа жизни, диктуемого ситуацией и создающего физиологически вредную атмосферу. Обратим внимание, что такая черта, как необщительность, тоже порождает интеллектуализм. Чем заняться, кроме чтения? Ну а, читая много, человек может общаться только с теми, кто понимает его любовь к чтению: с учителями, интеллектуальными же, родителями, их знакомыми. Круг общения резко сужен. И суженого можно найти только в этом узком кругу. И брак поэтому затруднен. А в это время

ровесники шизоидов — эпилептоиды, истеро-иды, гипертимы — интенсивно осваивают все стороны жизни во дворах, спортивных секциях, школьных коридорах...

Плюсы

Я, как обычно, нагнетал сначала минусы. Так что для уравновешивания образа поговорим обо всем плюсах. А их очень много. Ну как бы мы жили без шизоидной математики, физики, интеллектуальной шизоидной художественной литературы, без оригинальных шизоидных эпитетов, метафор, без остроумных не от мира сего замечаний о сильных мира сего? Каковы бы мы были без колеса, рычага, ветряных мельниц, солнечных батарей, без того открытия, что, несмотря на кажущееся впечатление, не Солнце вертится вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, — без всей ноосферы, которая развивается прежде всего благодаря шизоидам.

Шизоиды — ум человечества.

Психологическая поддержки

Или, как еще говорят, **психологическое сопровождение** жизни шизоида — дело трудоемкое, но и благородное..

Гипертим не просит помощи. Паранойяльный отвергает ее вообще, считая, что вполне самодостаточен. Истероид ищет помощи лишь в периоды провалов и кризисов, но в основном это выливается в попытку союза с психотерапевтом против близких. Эпилептоид может разумно принять помощь, если по-настоящему поймет, что в чем-то не прав. Ну а **шизоид нуждается в помощи и с большой охотой принимает ее**, идя за психологом даже в парадоксальных для обыденного сознания направлениях. В основном он ищет книги, пытается разобраться в себе и в своих отношениях, но охотно идет и на живое консультирование. Нам понятно сейчас, что все психотипы нуждаются в консультировании. Но понимают это в основном шизоиды, потому что они вообще больше понимают в мире науки.

Иные шизоиды трудны для психокоррекции, потому что они часто ищут помощь в эзотерике или в религии. Они нередко углубляются в ненаучные или даже антинаучные дебри и предрассудки и искренне верят в них, пусть и не так упрямо, как паранойяльные, и не так твердо, как эпилептоид доверяет построениям паранойяльных авторитетов. Шизоиды быстрее поддаются логике, потому что сами мыслят логично, и если что-то не додумали, то принимают рассуждения и информацию к размышлению.

Я вижу такую помощь прежде всего в просветительной информации, как бы она ни передавалась: книги или Интернет — не важно. Главное, чтобы книги для затуманенного мозга шизоида создавали не только шизоиды. А то «туман» на «туман» получается «туман в квадрате». Но это могут быть и лекции, дискуссии, тренинги. В клинике, поликлинике, в отдельном кабинете психотерапевта, в школьном кружке психологии, на психологических занятиях по линии отдела кадров, на занятиях по психотехнике общения и психологии отношений в контактной зоне на производстве или в маркетинговой сфере... Но наиболее плодотворно заниматься с шизоидами в **клубе психологической культуры**.

Такой клуб может быть преимущественно просветительским и тренинговым, как, например, уже упоминавшийся «Маленький принц». Его принцип — «здесь, в скиту» и «там, в миру». Этот принцип исповедовал старец Зосима Достоевского. Он не зазывал Алешу в скит, а посылал его в мир, чтобы тот сеял «там, в миру» доброе. Я доброе понимаю иначе, чем писатель Достоевский, но «организационную сторону метода» Зосимы приветствую.

■ *Итак, «в скиту», то есть в клубе, мы пьем чай, знакомимся и дружим, помогаем друг другу материально и морально, женимся, рожаем детей и даже разводимся (увы!).*

Но главное — переделываем свое мировоззрение, получаем практически важные психологические знания и проводим тренинги, обретая новые, оптимальные формы взаимодействия с людьми. И при этом не отгораживаемся от жизни, а пребываем в ней, адаптируемся к ней и переделываем ее. Основная часть жизни проходит «в миру», а не «в скиту». Заинтересовавшихся клубом «Маленький принц» за подробностями отсылаю к моей книге «Лабиринты общения» («АСТ-ПРЕСС», 2002).

Возможен и другой вариант. Клуб может быть своеобразной общественной нишей, в которой разворачивается основная часть интеллектуально-эмоциональной жизни людей. Мы перedefируем мировоззрение, передаем практически важные психологические знания, проводим тренинги, приобщаем к новым оптимальным формам взаимодействия с людьми. Но!

■ *Главное, пьем чай, знакомимся и дружим, помогаем друг другу материально и морально, женимся, рождаем детей и даже разводимся (увы!).*

«Здесь нам хорошо, и не нужна нам внешняя жизнь с ее хамством и несправедливостью», — решают многие члены такой общины. Они, не отгораживаясь от внеклубной жизни полностью, предпочитают общаться с единомышленниками. Большая часть их жизни проходит «в скиту», а не «в миру». Сеть таких клубов в России, которая стала своеобразной психологической империей, создал мой ученик Н. И. Козлов. Многие читали его знаменитые уже книги «Как относиться к себе и людям», «Философские сказки», «Истинная правда, или Учебник для психолога по жизни», «Формула личности». А свою клубную сеть он назвал «Синтон» — лаконичное слово, ставшее популярным и означающее «созвучие». Имеется в виду созвучие душ. Отсылаю интересующихся такой системой к его книгам.

Моя бывшая сотрудница Н. Сугрובה (Айша) создала еще более «крутой» вариант — общину в российской деревне. В ней на основе восточных вероучений (смесь индуизма, дзэн-буддизма и пр.) люди живут еще более замкнуто, хотя и не совсем: общаются с деревенскими, учатся у них сельскому хозяйству и работают, ведут натуральное хозяйство. Едят то, что сами выращивают. Питаются исключительно растительной пищей. В общине доверительные отношения. Там тоже образуются супружеские пары, рождаются и воспитываются дети, Все друг друга понимают. Каждый день заканчивается «психологическим кругом», на котором люди делятся своими переживаниями. Обсуждаются и теоретические проблемы психологии, имеющие практическое значение. Совершенно отсутствует соревновательное начало. Оно вытеснено **взаимопомощью**. В этой общине шизоидам (впрочем, там есть и сензитивы, и гипертимы, и даже эпилептоиды) психологически комфортно. В то же время это не секта. Нет принудительного обобществления имущества. Зарабатывают они психологической помощью, консультированием, целительством, продажей сельхозпродукции. И покупают раз в год очередной деревенский дом, благоустраивают его и принимают из разных районов страны людей, которым некуда деться.

Я испытал на себе благотворное действие всей обстановки у Айши. Рекомендую поэтому ее метод не только теоретически. Но по своему психотипу я комфортнее чувствую себя в социуме и предпочитаю поэтому метод, используемый в клубе «Маленький принц».

Наверное, надо делать и то, что у меня, и то, что у Козлова, и то, что у Айши.

Часто создание общин связано с эзотерикой, религией излишним авторитаризмом их основателей. На мой взгляд — к сожалению. Шизоиды, конечно, критичны. Но психологический комфорт, который они получают в таких «монастырях» (без собственно монашества), оказывается для них более важным. В то же время шизоиды ведь и сами склонны к эзотерике. Они любят эзотерику в себе, а не так, как истероиды, себя в эзотерике, так что легко уживаются и с основным направлением лидера и с другими шизоидами с отклоняющимся мышлением.

Шизоид рядом с вами

Если рядом с вами шизоид, вы можете испытать интеллектуальное удовольствие от глубины и оригинальности его высказываний по тому или иному поводу, черпать из анналов его эрудиции массу интересных сведений — как из справочника, но не безразличного, а с комментариями. И при этом он не высасывает из вас энергию, как это делал бы истероид. Он просто сам рад понимающему человеку. Он больше, чем другие, действительно поможет в решении сложных умственных задач. Сейчас вот компьютеры портятся. У меня на кафедре полетел «Пентиум». Пытались вызвать мастеров, но, как оказалось, это такая бюрократическая процедура, что решили просто засунуть испорченный компьютер в дальний угол на шкафах. Пролежал он год. Смотрели его разные понимающие в компьютерах преподаватели информатики, посоветовали написать рекламацию: Мы отказались и от этого: пусть лежит до списания.

■ *Совершенно случайно на кафедру пришел студент третьего курса (психологическая группа, шизоид). «А что там за компьютер, почему на дальней полке? Давайте посмотрю». Посмотрел. «Давайте почию».*

Терять было нечего: «Давай, почини». — «Но надо привезти мой компьютер». Привезли. Шизоид, что делать, привезти не может. Через час работы он определил, какие нужны детали. Мы повезли его в магазин. Он даже выгадал что-то в цене на комбинациях деталей, мы вернулись — и еще через час компьютер, на который махнули рукой другие специалисты, заработал по-прежнему или, как нам показалось, еще лучше.

Вот что такое шизоид.

Если мы хотим общаться с шизоидом — надо терпеть его косноязычие, эмоциональную тускловатость, неаккуратность... Не крутить пальцем у виска, дескать, чокнутый, а помнить о феномене «дерева и стекла». Нам, с нашими паранойяльными и эпи-лептоидными нажимами, с гипертимной беспардонностью, следует вести себя поаккуратнее, иначе психика шизоида будет травмирована настолько, что он не только не сможет участвовать в мозговых штурмах, но и вообще потеряет дар речи вместе с творческим даром.

Как уже говорилось, шизоиды должны свободно фланировать по помещению и генерировать идеи; они, если им немного платить и немного направлять к цели, будут это делать везде, доказывая известный тезис, что если физик идет на рыбалку, значит, это нужно для физики. Шизоидный младший научный сотрудник будет изучать литературу. Шизоидные лаборанты будут заниматься техническими деталями. Шизоидные секретарши овладеют компьютером и будут, пусть менее скрупулезно, чем психастеноиды, вести документацию.

Коррекция

Провозгласим еще раз принцип психокоррекции по отношению к представителям разных психотипов.

Каждое «Я» должно взять положительное у каждого психотипа и усвоить все, что связано с ними, а отрицательные стороны — минимизировать.

Паранойяльный должен взять полезное у эпилептоида, истероида, шизоида и даже у гипертима. Эпилептоиду хорошо бы кое-что почерпнуть у истероида, шизоида, сензитива. Истероид пусть впитает в себя что-то от шизоида и эпилептоида, и даже от паранойяльного. Важно, конечно, брать у того или иного психотипа только плюсы (а не минусы) и смягчать целесообразными чертами собственные минусы.

Вот и шизоиду посоветуем взять упорядоченность эпилептоида, целеустремленность паранойяльного, жизнерадостность гипертима.

Если говорить о **пластичности**, то об истероидной пластичности шизоиду можно только мечтать. Это у эпилептоида такие мечты были бы реалистичными. А шизоид пусть обретет хотя бы эпилептоидную пластичность.

Разберемся в этом чуть подробнее.

Начнем, пожалуй, с затронутой мною бытовой пластики.

Советы шизоиду. Займитесь простой гимнастикой, а потом элементами художественной, в спортивных секциях или самостоятельно. Это даст основу для пластики.

■ *И учитесь танцевать. Идите в танцевальные кружки, в художественную самодеятельность, общайтесь с танцующими, заимствуйте у них понравившиеся движения.*

Посмотрите на кассетах голливудский фильм «Шоу-герлз», где героиня по имени Ноэми, попав в фешенебельный ансамбль (будучи, правда, истероидкой), перенимает у танцовщиц их движения. А вы возьмите кассеты по аэробике и делайте, как там. Не стесняйтесь неудач. В конце концов получится, и в других микрогруппах вы будете выглядеть не так уж плохо.

Совет психологу. Шизоида тоже можно научить танцевать, но работать с ним придется больше, чем с истероидом, у шизоида нет той пластичности. Так научите, поработайте с ним. Для этого, правда, надо самому тоже научиться. Но если вы действительно психолог-коррекционист, а не теоретизатор, то овладеете и этим.

Советы шизоиду. Стул поднимайте не одной рукой, а двумя: за спинку и за сиденье, тогда он не будет танцевать в ваших руках и не обобьет стены, не попадет в зеркало, вы никого им не заденете. Не

пытайтесь переносить столы в одиночку — только насмешите публику, вдвоем это делать всегда сподручнее. Поднимая с блюда чашку, убедитесь сначала, что она не прилипла к нему, иначе поднимете чашку вместе с блюдечком, а оно — раз и упадет, разобьется, вы обрызгаете людей, а они над вами посмеются. Заварочный чайник берите двумя руками: одной за ручку, другой за доньшко или салфеткой за носик чайника — будет негорячо и удобно. Проверьте перед этим крышку чайника, фиксатор крышки поверните назад, чтобы она не слетела. Не прольете и не опростоволоситесь. Если надо налить в маленькие чашечки жидкость, находящуюся в трехлитровой банке, вылейте ее сначала в чайник или кувшин с носиком и уже оттуда лейте в чашечки. Хотите вскипятить воду — убедитесь, что в чайнике ее достаточно. Ставя что-то на газ, заведите будильник или таймер на нужное время. Убедитесь, что при кипении не будет залита конфорка с горящим газом. Если другие конфорки будут продолжать гореть, получится взрыв.

Потренируйтесь носить воду в сосуде, не расплескивая ее. Это лучше делать, держа сосуд двумя руками, и в дополнение надо зафиксировать руки по отношению к туловищу. Вспомните, как держат двумя руками пистолет, прицеливаясь в убегающего гангстера. Усложните задачу: пусть чашка будет налита до краев. Потом усложните и это: пусть будут две чашки, по одной в каждой руке, а чтобы было устойчивее, можно прислонить их друг к другу. Научитесь не расплескивать жидкость из наполненной ложки, когда вы переливаете ее ложкой из одного сосуда в другой. А если все-таки она прольется, то, чтобы не попало на пол или на скатерть, под ложкой держите другой рукой тарелку, блюдо или хлеб... Пробуйте переливать жидкость из чашки в чашку так, чтобы ничего не пролилось. Для этого надо начинать и прекращать переливание резче, чтобы жидкость не потекла по наружной стенке чашки. Но и в этой резкости стоит соблюдать меру, иначе жидкость расплескается уже из-за резкого движения. Научитесь переливать воду из бутылки в бутылку, не пролив ни капли. Для этого, держа одной рукой одну бутылку, другой — другую, соедините вместе горлышки бутылок под нужным углом.

Потренируйтесь сливать воду из кастрюли, придерживая в ней крышкой картошку. Сделайте это несколько раз, пока не будете уверены, что это всегда будет получаться. Как вы проверяете, кипит ли вода в самоваре? Обычно люди допускают ошибку, из-за которой обжигаются паром: они берутся двумя руками за ручки крышки самовара, и пар вырывается из-под нее и обжигает. Нет, приподнимите крышку за одну ручку, сдвиньте крышку в сторону, откроется щель, и вы увидите, кипит ли вода. Потом сдвиньте крышку назад, чтобы закрыть щель.

Наловчитесь безопасно зажигать спички, так, как это делают все: от себя и серной головкой вперед, а не назад.

Очистите лук, чеснок. Натрите на терке морковь, не поранив себе кожу пальцев.

Вденьте много раз нитку в иголку, чтобы получалось все сразу. Для этого конец нитки срежьте острыми ножницами наискосок, закрутите его пальцами потуже, чтобы он стал несколько плотнее. Левую руку с иголкой и правую руку с ниткой соедините так, чтобы каждая рука фиксировала положение другой. Научитесь, даже если вы мужчина, вязать крючком, вышивать на пальцах. Это разовьет ловкость при мелких движениях. Усложните условия: научитесь это делать на ходу или при езде в машине (конечно, если вы не за рулем).

Научитесь поднимать с пола уроненные предметы, не сгибаясь в три погибели, а присев на корточки. Научитесь дотягиваться до далекого предмета, уравновешивая себя ногой, как это делают истероиды.

Научитесь правильно садиться в автомобиль. Сначала надо встать спиной к сиденью и сесть на него как можно глубже, а потом поднять ноги и переместить их в кабину. Научитесь снимать пиджак, сидя в кабине машины. Усложните задачу: снимите пиджак за рулем (не пробуйте это делать во время движения!). Сначала попробуйте это сделать сидя на стуле. Самый легкий способ — снять пиджак через голову, как рубашку. Но можно сзади за рукав стянуть его с плеча, а потом за другой рукав стянуть с другого плеча. Это понадобится, если вы оказались в тесноте, а жара не позволяет сидеть дольше в пиджаке. Теперь научитесь снимать свое длинное пальто так, чтобы не подметать им пол.

Догадайтесь, как это можно делать. Научитесь подавать даме и короткое, и длинное пальто. Короткое пальто подать легче. Надо опустить его пониже, так чтобы даме не пришлось задирает руки, чтобы попасть руками в рукава. С длинным пальто труднее, но все-таки надо тоже уметь не подмести пол этим пальто.

Вы сутулитесь. Сколько из-за этого пролито слез! А все просто: девочке-казалось, что ее бюст слишком велик или что рост слишком большой, и она старалась скрыть мнимый недостаток, что и привело к реальному и серьезному недостатку — к сутулости. Бороться с этим можно, но надо решиться. Наденьте на плечи как бы вожжи из тонкой, но прочной веревки (бельевая сгодится). Завяжите вожжи потуже сзади,

на спине. Соедините на спине эту «сбрую» с ремнем на талии. И можете надеть любую непросвечивающую одежду. Пять дней такой экзекуции — и вашей сутулости нет и в помине. Если все же торс «вспомнит», как он сутулился, «подстегните» его еще раз этими «вожжами». И незачем тратить тысячи рублей на приспособление, продаваемое через магазин на диване.

Вы хотите, чтобы не случилось непредвиденно чего-нибудь опасного? Давайте обеспечим **двойной** и даже **тройной** запас безопасности. Ладно, пусть одинарный, но надежный. Вот вы выключили кипятильник и бросили его тут же, рядом со штепселями от других электроприборов. Вы включаете кофемолку, а штепсель у нее такой же, как и у кипятильника. Можете представить себе, что будет, если вместо кофемолки вы включили кипятильник? Хорошо можете себе представить? Я однажды имел «счастье» видеть, как на моих глазах задымилась скатерть, на которую был так вот брошен кипятильник. Это сделали мои — нет, не клиенты — сотрудники-психологи. Так что вскипятили воду — уберите кипятильник подальше от розеток, в шкаф, так же как и провод от электросамовара или электрочайника старого образца.

Кто-то из коллег-психологов, которые собирались у меня в «Маленьком принце» (шизоиды), поставил включенный электрочайник на включенную электроплитку. Ну ладно, случай из ряда вон выходящий. А обратите внимание, как путешествует чайник с кипятком около обеденного стола. Нередко он оказывается над коленями, а то и над головами людей. Кто-то толкнул, или вы поскользнулись сами, или просто дрогнула рука — и вместо вечеринки — травмпункт. А вот человек пилит или рубит дрова. Если левая рука близко к пиле, к топору — опять травма. Так что, если пилите дрова, обеспечьте двойной запас безопасности: рука должна быть за рогулькой козел. Рубите полено — прежде чем опустить топор, убирайте другую руку. Лезвие ножа всегда направляйте от пальцев, а не в сторону пальцев — не обрежете. Держите пальцы подальше от щелей, в которых пальцы могут защемиться. Кастрюли, сковороды и прочую посуду с пищей носите двумя руками, а не одной, даже если кажется, что под силу одной, — меньше вероятности, что перевернется.

Не стоит и портить вещи, которыми вы пользуетесь. Тем более если они не ваши.

■ *Например, вынимать штепсель из розетки надо, придерживая ее, а то расшатается. Не качайтесь на стуле — это не кресло-качалка. Не берите стул одной рукой — заденете людей, мебель, стенки.*

Все эти неудачи случаются, конечно, не только с шизоидами, так что прислушаться к советам стоит всем. Но у шизоидов таких оплошностей, в том числе чреватых пожаром и взрывом, все же больше. Именно поэтому в этой главе я уделил им особое внимание.

Но у шизоидов многое другое **в их «общении» с предметами** требует дополнительного внимания. Ведь неуспех в жизни может зависеть и от того, что человек поправляет очки тычком в переносицу, и от того, что он плохо владеет столярными и слесарными инструментами, и от того, что он неумело пилит дрова, неуклюже вдевает нитку в иголку, неловко садится в автомобиль, а набитые разным хламом карманы пиджака у него неряшливо оттопыриваются.

Впрочем, и здесь не отменяется наше соотношение 66:33. Есть шизоиды и более ловкие. Кроме того, если человек занимается чем-то профессионально (слесарь, столяр), то он совершенствуется в обращении с инструментами и может даже превзойти, скажем, эпилептоида.

Совет начинающему психологу. Организуйте тренинг для преодоления всего этого. Сначала дискредитируйте пациента в собственных глазах. Пусть он поймет, что неловкость мешает ему жить успешно, пусть захочет побороть ее. А потом покажите наглядно это все непосредственно на деле. Если опекаемому вами шизоиду это не удастся сразу, то **разложите деятельность на действия, действия на движения, движения — на отдельные мышечные сокращения.** Проработайте, отретпетируйте каждый элемент. А потом соедините в нужном сочетании мышечные сокращения в движения, движения — в действия, действия — в деятельность. Вот это и будет практическая психология, которая действительно поможет людям, не так, как только рассуждения о теории деятельности.

Я работаю над брошюрой, которая поможет даже шизоидам-акцентуантам овладеть вождением автомобиля. Пришлось разложить сложные действия на малые их составляющие, составляющие — на отдельные действия.

■ *Например, деятельность «завести машину» разлагается на следующие действия: «вставить ключ в гнездо зажигания», «нажать на педаль сцепления до отказа», «повернуть ключ до отказа вправо», «одновременно мягко нажать на газ» и т. д. Каждое действие разлагаем на движения. Например,*

нажатие на газ можно производить мышцами стопы, или мышцами бедра-голенки, или и теми и другими одновременно.

И так вот мы тренируем отдельные движения. Потом соединяем их в слаженное действие.

Научить шизоидов правильно действовать слитно, слаженно — этот подход может иметь всеобщий характер по отношению к предметной деятельности в целом. И не только к предметной, но и к выразительной (жесты, мимика, в целом самовыражение), а главное — к коммуникативной деятельности: прежде всего речи и даже к познавательной сфере, к учению и самообучению.

Итак, мы должны создать условия для того, чтобы шизоид заново научился (или переучился) танцевать, варить суп, пилить дрова. Научите его не толкать пилу от себя, а тянуть на себя, не давить ею на бревно, а подпереть его снизу, чтобы пила не зажималась в распиле, — и вот обретается радость творчества вместо бессмысленных мук от неумелости, вместо чувства дискомфорта, вместо имиджа «неумехи». Но важны не только суп и танцы. Надо научить его говорить, декламировать, осмысливать научный материал, то есть дать практические навыки познавательной деятельности. И более того — преподавания. Научили шизоида гладко говорить — вот он уже и преподает, а так он не преподаватель.

В принципе процесс этот бесконечен, но в разумных пределах мы можем работать с человеком в той области, где ему плохо, где он явно неуспешен и где этот неуспех он переживает.

Если человек может схватить образ деятельности по подражанию, то есть если он пластичен, то и пожалуйста. Но когда возникают затруднения — тогда надо именно так, расчленять процесс на элементы, на блоки и складывать затем эти блоки в слитную деятельность.

■ *Конечно, для того чтобы проводить такие тренинги, психолог должен сам всему этому научиться. Если он усвоил это с детства от деда-бабки, матери-отца, то далеко еще не факт, что он будет здесь хорошим психокоррекционистом. Надо понять затруднения человека, понять, почему у вас самого это лучше получается. А если у вас самого все не сразу получалось и вы у кого-то научились и поняли разницу, то вы сможете быстрее и эффективнее разработать тактику переучивания.*

Однако некоторые наши психологи найдут мои рассуждения недостойными «их психологического величества». Скажут, что это слишком заземленные вещи — учить людей пилить дрова, что это уже не психология, а уроки труда в школе. Ну так вот, на мой взгляд, это и есть самая что ни на есть гуманистическая психология. Потому что из всех этих мелочей складывается имидж человека, а следовательно, и его успех или неуспех в жизни. Но если у человека везде неуспех, то ведь это крах. Так что это психология, а не «уроки труда».

Важную роль сыграет в жизни шизоида **коррекция речи**. Можно просто пойти в кружок художественной самодеятельности (как говорилось выше). Там руководитель так или иначе будет ставить сценическую речь, а благодаря этому улучшится и бытовая. Но поработать над собой можно и без кружка.

■ *В фильме «Карнавал» героиня Ирины Муравьевой, подметая мостовую, отрабатывала скороговорки с орехами во рту. Но вы можете тренироваться и без них. Выпишите все известные скороговорки и поработайте с ними. Поработайте со стихами, лучше сразу с талантливыми.*

Но главное, подберите стихи с аллитерациями и прочими фонетическими изысками, которые помогут сформировать хорошую дикцию. Таких стихов много у Маяковского, Кирсанова, у Вознесенского. «Мимо ярмарок, где ярки яйца, кружки, караси, по соборной, по собольей, по оборванной Руси!» (А. Вознесенский поэма «Мастера»). Выучите стихи наизусть. Послушайте на пластинках или кассетах чтение выдающихся артистов, декламируйте вместе с ними. Неплохо поработать с пафосными стихами. Пусть это будет «Илиада» Гомера, написанная гекзаметром: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный который ахейцам тысячи бедствий содеял: многие души могучие славных героев низринул в мрачный Аид...» Или стихи Максимилиана Волошина... «Кто раз испил хмельной отравы гнева, тот станет палачом или жертвой палача».

Я разработал такое упражнение. Берете любую фразу и читаете ее с разными ударениями: «Я иду в школу. Я иду в школу. Я иду в **школу**». Это сделает вашу речь более свободной. Вы не будете зависеть от языковой структуры фразы. Обычно ударение ставится на последнем слове: «Я иду в школу» — это привычно. Если же вы хотите подчеркнуть, что в школу идете именно **вы**, то надо бы сказать так: «В школу иду я». Но, владея перемещением ударения, можно и не менять порядок слов: «Я иду в школу».

Попробуйте прочитать стихи или прозаический фрагмент с совершенно иными интонациями, чем это получилось изначально. А потом подготовьте третий, совершенно другой вариант, затем четвертый и пятый, с абсолютно новыми, интонациями! В результате не останется и в помине нудной, монотонной речи. Это значит, что и бытовая речь будет расцвечена разными логическими ударениями и звуковыми модуляциями.

А теперь попробуйте подучиться. Прочитайте пафосные стихи так, чтобы рассмешить людей. Нет, ерничать в жизни не надо. Но на воображаемой сцене — отчего же нет? Это тренинг! Пусть Самозванец из «Бориса Годунова» станет жалким фигляром со своими претенциозными упреками: «Не будешь ты подругою моею, моей судьбы не разделишь со мною, но — может быть, ты будешь сожалеть об участи, отвергнутой тобою!» Юрий Любимов в своем спектакле «Борис Годунов» показал такое прочтение. Но это его собственный режиссерский подход. А мы будем делать это только для тренинга.

Речь — это составляющая общения. Важная, но не единственная. А как же тренировать прочие **коммуникативные умения**? Как быть с вступлением в контакт с незнакомыми людьми? Как не задевать их самолюбие? Как реагировать на конфликтогены? Как преодолеть шизоидную замкнутость? Ведь замкнутость часто рождается от неумения защитить себя в сложных коммуникативных ситуациях. И шизоид защищается, говоря себе: «Лучше не связываться». Вот он и не связывается вовсе ни с кем. Множество этих и других вопросов обсуждается в моей книге «Лабиринты общения». Она рассчитана далеко не только на шизоида, но и ему в ней многое предназначается.

Обратим внимание и на **внешний вид** шизоида. Некоторые шизоиды говорят, что имидж — это мешанство, бездуховность. Не надо так всерьез. Все-таки даже отсутствие имиджа — это тоже своего рода имидж, только неудачный. Хоть немного последить за собой — это уже неплохо. «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» — здравая мысль. А если у человека уж совсем неопрятный вид, то людям это отнюдь не безразлично, а даже неприятно.

Совет простой. Не постесняйтесь обратиться к знакомым ис-teroidкам. Они охотно дадут в свою очередь дельные советы: и какие нужны шампуни, и что носят, и что кому идет. Можно и книги по имиджу почитать. Есть сестры Сорины с их серией, есть современные журналы мод. Не отвергайте полезных советов. И помните, что вам не обязательно быть в авангарде, но и нельзя выглядеть неаккуратным.

Мы писали, что у шизоидов «каша» во рту, на голове и в голове. Кстати, понять ошибки — это мы уже на полпути к их исправлению. Многие у шизоидов можно исправить, и не надо излишне печалиться. Кстати, многое ведь надо исправлять не только шизоидам, но и истериодам, а тем более «его величеству» паранойяльному и его адептам эпилептоидам. Так что продолжим. Кажется, с первыми двумя «кашами» мы разобрались, а вот с **«кашей» в голове...**

Повторимся, что шизоид — человек творчески мыслящий. И произведения шизоидов обычно намного глубже, чем произведения других людей. Вот если бы только не эта «каша» в голове, которая затрудняет понимание.

Ну что ж, и здесь есть несколько соображений. Для начала поучимся у эпилептоида организации мысли. У них всегда: первое, второе, третье... Пусть будет хотя бы так. Но у эпилептоидов обычно мыслительный материал не так богат и сложен, поэтому шизоиду надо научиться чему-то еще.

Для прояснения мысли, оформленной в речи (произносимой, написанной или читаемой), первым делом надо четко **выделить все важные понятия, в скольких бы словах каждое понятие ни выразилось**. Понятие может быть представлено одним словом: «ночь», «улица», «фонарь», «аптека»... Но часто одно понятие представлено несколькими словами: «блочный дом», «Государственная инспекция безопасности дорожного движения». Понятий у человечества существенно больше, чем слов.

Мы написали **«выделить»**, потому что в текстах понятия часто переплетены, спутаны. А мы каждое **понятие** заключаем в **замкнутую фигуру**. Форма фигуры каждого выделенного понятия должна быть **удобной для восприятия и своеобразной**. Фигуры эти целесообразно так организовать на рабочем поле страницы, чтобы были выявлены **логические соотношения понятий**. Этого можно добиться с помощью разнообразных **соотношений** замкнутых фигур, обрамляющих понятия, то есть соотношений рамок понятий. Можно для отображения логических связей применять также различные связующие **линии** и другие дополнительные обозначения.

Соотношения понятий между собой очень многообразны. Причинно-следственное соотношение, превращение одного в другое, части и целое. Эти соотношения понятий широко распространены в

научных текстах. Одним из наиболее значимых в науке является родо-видовое соотношение понятий. Шизоиды часто многое понимают, но у них все смешано в голове. А чтобы мысль была понятна другим, а часто и стала яснее и для самого себя, надо суметь каждое отношение понятий нарисовать. Составить логико-графическую структуру на бумаге. Возьмем геометрию. Можно словами описать соотношение различных треугольников. Треугольник может быть равнобедренным и неравнобедренным. Тот и другой может быть прямоугольным, тупоугольным и остроугольным. Прямоугольный неравнобедренный треугольник может быть с отношением сторон 3:4:5 (египетский), а может иметь иное соотношение сторон (тогда египетским его не назовешь). Остроугольный равнобедренный треугольник может быть равносторонним и неравносторонним. Есть неравнобедренный остроугольный треугольник, неравнобедренный тупоугольный треугольник и т. д. и т. п. Все это можно представить в уме, но лучше нарисовать. При этом, чтобы ничего не перепутать, слова пишем в выноске, указатель от которой ведем к рамке фигуры-понятия. Не всегда: если фигура-понятие дана сама по себе, изолированно, не перекрещивается с другими, то можно слова написать просто в ее рамке.

На логико-графической схеме (см. рисунок на стр. 307), представляющей соотношение треугольников, подробно показано, какие понятия с какими понятиями как соотносятся. Так и имеет смысл поступить шизоиду, когда он теряется сам и запутывает своих слушателей. Геометрия хороша для примера точностью определений. Но, конечно, это только пример.

Организация работы и быта — это еще одна серьезная проблема для психолога в деле коррекции шизоидной личности. Чаще всего ведь нет никакой организации. Спасает цепкая память, но не всегда. Если дел всего семь, то можно положиться и на память. А если этих дел, мелких и крупных, семьдесят семь, то тут уже требуется умение организовать их.

■ *Постоянные дела выписываем на обложку ежедневника (крупным шрифтом). Единичные, привязанные к дате и часу, записываем в ежедневник. А единичные, но не привязанные к дате и часу, выписываем на отдельные листки с клейким краем и наклеиваем их в конце ежедневника. Дело сделано — листок изымается. Вот и все. Но это очень организует и упорядочивает личную работу.*

Можно еще многое сказать об организации личной работы, но это уже касается не только шизоидов, так что, надеюсь, поговорим об этом в следующей книге.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психотипы и гороскопы

На занятиях у наших слушателей всенепременно возникал вопрос о гороскопах. Ведь там тоже дается вроде бы описание характера. Только «вроде бы», потому что, сколько я ни пытался найти первичные исследования, мне это не удалось. В литературе на эту тему нет ссылок на такие исследования. Создается впечатление, что все переписывается с аналогичных книг. Источник теряется в тумане.

А как надо было бы делать по правилам?

Описываем какими-то признаками характеры исследуемых людей. Но начнем с того, какие это признаки? Кто их разработал? Вот мы сделали это вслед за Ганнушкиным, Леонгардом, Личко, Бурно... Но вы поняли, как это непросто. А «гороскопные» признаки, посмотрите сами, ничего, кроме смеха, вызвать не могут.

При этом надо, чтобы психологи, описывающие характеры, не знали бы («не имеют научного права») даты рождений. Другие психологи, которые тоже ничего не знают о датах рождений, сравнивают описания характеров, сделанные их «предшественниками». Группируют эти описания по общим признакам и различиям. Затем получают сведения о том, кто когда в соответствии с астрологическими представлениями родился. И вот если некая группа исследуемых (у которых характерологические черты оказались примерно одинаковыми) родилась «под одной звездой», только тогда можно было бы о чем-то говорить. А без всего этого, извините, нельзя, если мы работаем в жанре науки.

Далее. Если мы когда-нибудь и получим какие-то соотношения, то нужно найти хоть сколько-нибудь правдоподобные объяснения этому — наподобие того, что истероид формируется из кумира семьи. Ну, помилуйте, какие правдоподобные объяснения выдвигают составители гороскопов? Как может

расположение звезд на небе влиять на такие тонкие вещи, как эмпатия, творчество, успех в бизнесе, карьера? Меня как психолога интересуют больше взаимодействие мошенника и его жертвы во всех этих делах. Один из приемов я опишу в юмористическом ключе: составлю «гороскоп» на телесные свойства у женщин. У Тельцов есть пупок. У Рыб есть пальцы. У Весов есть глаза. Дальше продолжать вряд ли стоит. И все совершенно точно. Обратите внимание также на то, что любой гороскоп вам льстит: Стрелец — благородные помыслы, Козерог — плодотворные замыслы... Но в целом все это отнюдь не бескорыстные вымыслы. Лесть в гороскопах для лохов так же произвольна, как и в моих этих «примерах».

«Психотипные династии»

Личность формируется в значительной мере под влиянием подражания другим. А это значит, что многое усваивается из поведения родителей.

■ *Паранойяльный грызет гранит науки — то же самое делает и сын его. Шизоид копается в книжной пыли — и дочь становится книжным червем. Истероидка одевается в дорогихма-газинах — и тут яблочко от яблони далеко не падает.*

Таким образом, шизоид порождает шизоида, паранойяльный — паранойяльного, истероид — истероида, гипертим — ги-пертима, эпилептоид — эпилептоида. Возникают, как мы уже заметили ранее, психотипные династии. Это, конечно, интересно. Но все же не будем столь непрекаемы. У шизоидных родителей может сформироваться истероидная дочь, если ее воспитывают как кумира семьи. У родителей-истероидов может вырасти психастеноид, если в семье он играет роль «золушки». Может и у психастеноидов получиться паранойяльный человек, если его достижения достаточно велики, а комплекс неполноценности не так уж выражен. Такая вот получается диалектика. Но имеет смысл поразмышлять над причинами и следствиями в каждом конкретном случае. Кроме того, есть ведь смешанные психотипные браки. И тут уж — чья возьмет.

Сочетание психотипных черт

Обычно при изложении материала на занятиях со стороны слушателей постоянно звучит вопрос: «А как насчет комбинации психотипных черт? Ведь нет же совсем «чистых» паранойяльных, истероидов, шизоидов...» Конечно нет. Я все время напоминал про соотношение 66:33.

У каждого человека есть мышление, память, эмпатия... Но они имеют и свои психотипные особенности. Способность к теоретическому мышлению у шизоида выражена на 66, а у гипертима — на 33. Эмпатия же у шизоида выражена на 33, а у сен-зитива — на 66. Но ведь черты могут воспитываться. У шизоида может быть улучшена эмпатия, а у гипертима — теоретическое мышление. То есть могут быть воспитаны черты другого психотипа. Можно сказать, что есть психотипный радикал и воспитанные «насадки».

Какие психотипные черты с какими сочетаются? Мои наблюдения таковы: паранойяльные черты могут дополняться эпилеп-тоидными, истероидными, шизоидными, но не гипертимными, не сензитивными, не психастеноидными. И объяснять это тем, кто уже прочитал книгу, практически не надо. Эпилептоид же в каких-то жизненных ситуациях может становиться паранойяльным. Но ему не подойдут никакие другие дополнительные оттенки: ни гипертимные, ни шизоидные, ни истероидные, ни психастеноидные.

Гипертим есть гипертим, его вряд ли с кем спутаешь.

Истероид! А вот этот может выглядеть отчасти и как любой другой психотип. Истерия, как говорили старинные психиатры, великая симулянтка. Вот если бы только не тотальная де-монстративность, которая и выдает истероида с головой. Но не только по линии «симуляции» у истероида появляются «неистероидные черты». Я наблюдал и трансформации. Стареющая истероидка не вдруг, а постепенно, медленно, но верно набирала эпилептоидные (положительные и отрицательные) черты. А бывало, что и паранойяльные. Крарота увядает, а жить чем-то надо.

Шизоид приобретает паранойяльные черты, если, увлекшись процессом творчества, достигает результатов, которые ценятся людьми.- Тогда он становится более целеустремленным. Учтем и то, что

шизоид может взять что-то и от истероида. Если эта «истероидизация» «топорная», то плохо будет всем. А это, увы, случается нередко.

Любая развитая личность имеет свой «радикал», но в то же время многое берет и от других психотипов. Вот и шизоид «параной-ялизируется». У паранойяльного возникает что-то истероидное... Но это наработанное, благоприобретенное, нажитое. Это затрудняет диагностику, но зато делает личность более продуктивной, более адаптивной. Все же констатируем, что «радикал» есть.

Как ставить личностный диагноз?

Не боги горшки обжигают. То есть не только психолог должен уметь ставить личностный диагноз, в том числе при зашкаливании в акцентуацию и психопатию. Каждый «человек общающийся» может в своих отношениях с другими людьми учитывать психотип и его выраженность.

Так что психологи не должны вести себя как жрецы, которым, дескать, единственным дано психологическое прозрение. Часто психологи, увы, относятся с презрением к так просто людям, к непсихологам. Психологу, наоборот, следует поделиться своим умением ставить личностный диагноз — как Прометей поделился с людьми огнем.

Конечно, надо предостеречь и от игр с огнем. Ставить личностный диагноз другому человеку — это ответственное дело. Если вы хотите просто для себя учесть его, то Бог вам в помощь (ошиблись — сами же и повели себя неправильно). А вот если вы начнете направо-налево выдавать свои диагнозы в качестве самостоятельного психолога, то можно и беду накликать. Это вопрос этики. **Не делитесь с человеком своими диагностическими впечатлениями о нем.** Для этого все-таки требуется профессиональная квалификация.

Но учитывать психотипные особенности человека для себя — это очень важно и очень много. Уже по ходу чтения книги **вы обратили внимание, что начали обращать внимание** на те черты в людях, о которых уже узнали. Они поневоле бросаются в глаза. На это я и надеялся. Диагностика — это и непровольная деятельность. И в ярко выраженных случаях человека невольно тянет сразу к диагностике психотипа, а не только отдельных черт.

Хочу предупредить: поспешность в этом вряд ли будет способствовать успеху, так что советую сначала собирать все по крохам.

Для начала наблюдаем человека в разных его проявлениях, не задавая никаких специальных вопросов, просто наблюдаем и про себя что-то отмечаем. Это уже дает очень много опорных моментов для диагностики.

Можно вступить и в разговор. Но здесь требуется дополнительный комментарий. Если вы психолог и человек у вас консультируется, то можно специально задать нужные для диагностики вопросы. Но если вы делаете выводы только для себя, то назойливые расспросы могут раздражать. Тут уж старайтесь просто разговаривать на разные темы, как собеседник с собеседником. И из этого свободно парящего разговора о том о сем можно делать диагностические выводы. Этот разговор может быть спокойным и неназойливым. Ведь мы часто просто общаемся по делу и без дела со множеством разных людей. Но он может быть и несколько более углубленно-направленным, если мы ставим перед собой диагностическую задачу. Ну, ставим или не ставим, впечатления все равно будут накапливаться. А если ставим такую задачу, то все же следует это делать не демонстративно, а в рамках приличий. То есть не стоит расспрашивать человека сразу о его секретах, а для начала лучше рассказать ему о каких-то своих — в духе главки «Вдохновляй на разговор» в моей книге «Лабиринты общения».

Просто ли мы наблюдаем, просто разговариваем или «пристрастно» расспрашиваем, материал дальше «обрабатывается». То, что сразу бросилось в глаза, фиксируем про себя и квалифицируем как симптом.

■ *Например, отметили, что человек картавит, что голос у него глухой, речь скороговоркой, слова не договариваются до конца, нам приходится его переспрашивать, — и квалифицируем: речь смазанная. Или увидели, что ногти длинные, ухоженные, стрижка под мальчика, с мелированием — квалифицируем: уделяется особое внимание внешности.*

Когда такая работа проведена достаточно кропотливо и мы чувствуем, что исчерпали весь материал, переходим к его диагностическому переосмыслению. Но не надо торопиться с выводами.

Поступаем так. Отбираем явные черты (например, мелодичное чтение стихов) и те черты, которые можно трактовать по-разному. Вот это вроде выглядит как шизоидная черта, но если чуть с другой стороны посмотреть, то похожа и на истероидную. Помните про пуговицу на двух нитках? Истероид может таким образом вводить новую моду или красоваться своим нонконформизмом.

Когда собрано и обдуманно все, составляем «диагностический баланс». На этом этапе целесообразно использовать **метод исключения**. Задаем себе вопросы «от обратного». Это истероид? Не демонстративен, не красив, хороший математик, не манипулятор и т. п. — ну явно не истероид. И так по отношению к каждому психотипу. Когда исключим все неподходящее, останется два-три психотипа для дифференциального диагноза.

И вот здесь придется трудно.

Конечно, для тренинга диагностических навыков будущим психологам-профессионалам и пользователям одного лишь прочтения этой книги, безусловно, недостаточно. Книга пусть будет началом в постижении психотипных особенностей. Что касается наших студентов, то они проходят солидную диагностическую практику. Но и тем из читателей, которые хотели бы для своих житейских целей пройти живой тренинг диагностики, мы предлагаем такие занятия в рамках наших психологически ориентированных клубов. (См. рекламу в конце книги.)

* * *

Во введении я предупредил, что издаю эту книгу незаконченной. Здесь описаны лишь **основные** личностные психотипы: **паранойяльный, эпилептоид, истероид, гипертим, шизоид** — потому что я считаю их действительно основными, то есть наиболее частыми, наиболее значимыми и наиболее интересными.

Я благодарю мою жену Елену за нашу любовь, за сотворчество и сопереживание и за нашу дочь Катю, ровесницу XXI века.

Оглавление с кратким (очень кратким) содержанием

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ПАРАНОЙЯЛЬНЫЙ ПСИХОТИП

Речь убеждающая. У него миссия мессии. Жертвует собой и людьми. Катализатор общественных процессов. Манипулирует массами. Ломает традиции. В религиях — пророк. Вероломен. Шантажист. Грешит и не кается. Нетерпим. Заставляет работать на идею. Тяжел для семьи. Дом — штаб-квартира.

Глава II. ЭПИЛЕПТОИД

Речь внятная. Мышление стандартное. Сдержан, но взрывчат. Любит порядок. Ультимативен. Законник. Морализатор. Прижимист. Консерватор. Честь мундира. Проводник идеологии. Инквизитор. Карьера «поступенная». Наводит справедливость. Надежен. Секс обычный. Семьянин. Мой дом — моя крепость. «Окопная» дружба. Он офицер, учитель, врач.

Глава III. ИСТЕРОИД

Речь мелодичная. Артистичность. Имидж по моде. Истероидами любят. Внимание любой ценой. Эпатаж. Хрустальная слеза для бесчувственных. В центре своего вранья. Эгоизм. Манипулирует партнером. Скандалы. Склонность к эзотерике. Грешит, чтобы каяться. Замуж, чтобы изменять. Секс разноцветный. Дом — авансцена. Профессии: актер, продавец, проститутка...

Глава IV. ГИПЕРТИМ

Быстро и много говорит. Здравый смысл. Одежда разностильная. Не мучается нравственными вопросами. Без маски. Не держит тайн. Много друзей. Сальный юмор. Семь раз отрежет, не отмерив. Бесшабашно смел. Наводит беспорядок. Секс — без границ. В религии — поп-расстрига. Нечувствителен, но отзывчив. Растратчик. Любит много поесть. Напивается, но не спивается. Дом — проходной двор. Похож на дворняжку. Профессии: слесарь, «водила»...

Глава V. ШИЗОИД

Речь: «во рту каша». Неplastичен. Это — человек-формула. Мышление оригинальное, но непоследовательное. В творчестве важен процесс, а не результат. В науке — генератор идей. В религии — теолог. Идеи парадоксальны и часто преждевременны. Шизоиды — ум земли. Интеллектуальная агрессия. Плохо чувствует другого. Творцы смыслового юмора (в т. ч. черного). Деревянная маска на лице. Отсутствие имиджа. Секс умозрительный. Семья — приложение к интеллектуальному бытию. На столе творческий беспорядок. Тяготеет к теоретическим исследованиям и вычислениям.